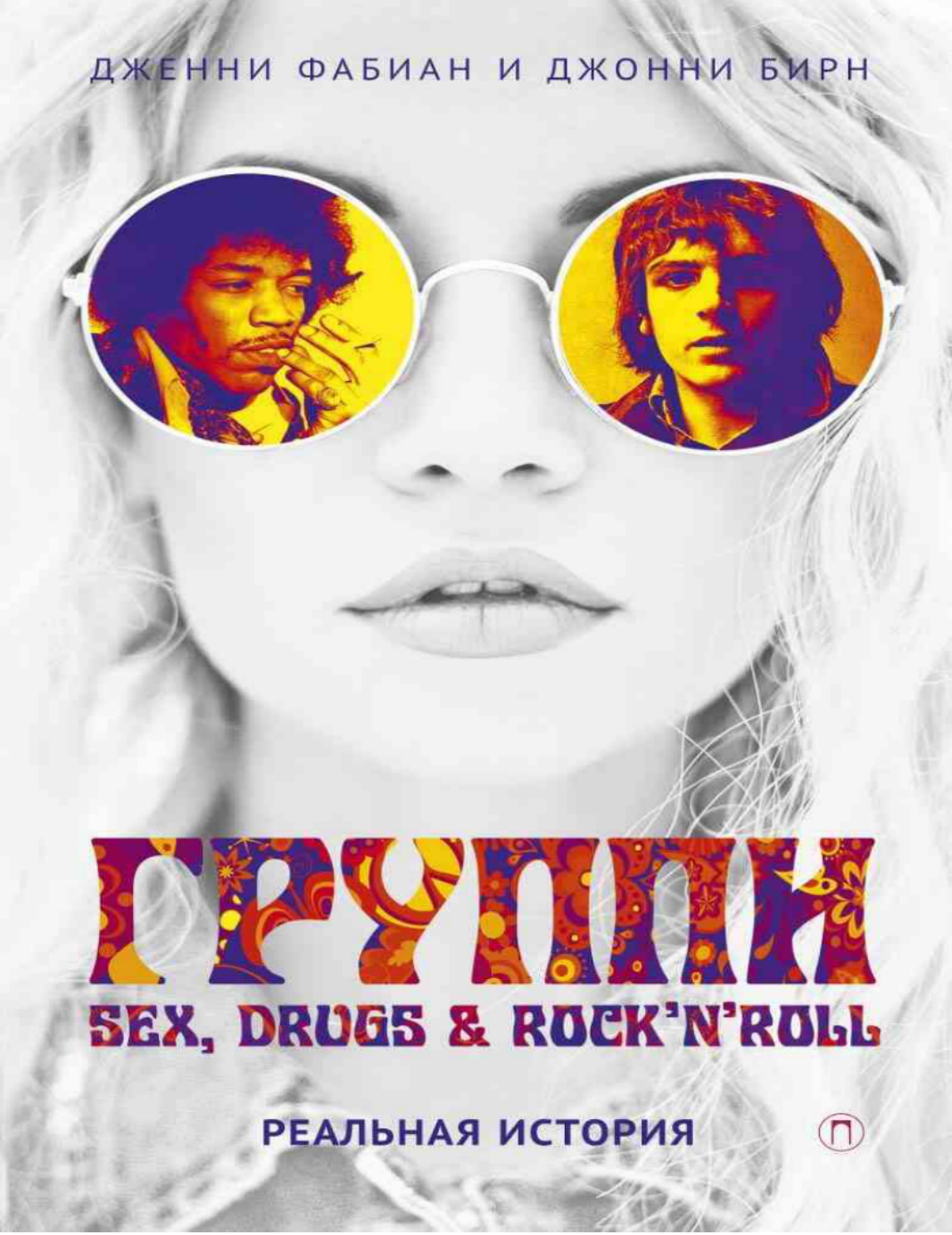
ДЖЕННИ ФАБИАН И ДЖОННИ БИРН



ГРУПИ

SEX, DRUGS & ROCK'N'ROLL

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые на русском — беллетризованные мемуары одной из самых знаменитых британских группи, девятнадцатилетней Кэти, которая отметилась в постелях крупнейших рок-звезд тех дней. Лондонская сцена конца 1960-х описана здесь без всяких прикрас, цензурных умолчаний и романтического флера, что превращает книгу в истинный документ эпохи психоделической революции.

- Дженни Фабиан и Джонни Бирн
  -
  - Предисловие к изданию 1997 года
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10

Дженни Фабиан и Джонни Бирн Группи: Sex, drugs & rock’n’roll по-настоящему

JENNY FABIAN & JOHNNY BYRNE
Groupie

Предисловие к изданию 1997 года

Несмотря на репутацию колыбели культурной революции, шестидесятые не особенно продвинули вперед художественную литературу. Особенно это касается и авангарда андерграунда, контркультуры и альтернативных сообществ. Всяческих манифестов было хоть отбавляй, а по-настоящему новаторской прозы — крайне мало. Тогда знали толк в чтении, но испытывали крупные проблемы с сочинительством. Книжная полка хиппи немало позаимствовала в иных эпохах и культурных пространствах, и все же первому «кислотному поколению» явно не хватало собственного Ирвина Уэлша. Со временем публикации в андерграундной прессе принесли свои плоды и породили великое разнообразие оригинальных писателей, но поначалу урожай был минимален. Имелся не слишком удачный «Агро» («Когда скинхеды сталкиваются с Ангелами Ада, исход может быть только один…»), анонимно изданный под псевдонимом Ник Фьюри: стилизованный под низкопробное чтиво роман-с-ключом, настолько взбесивший одного из прототипов, что тот не поленился подать в суд и добился запрета продажи книги. Еще была документальная драма «Ночь напролет» Тома Кийса, почти буквально описывающая путь The Beatles из заштатных клубов к вершинам битломании. Но лучше всех прочих оказалась повесть Дженни Фабиан и Джонни Бирна «Группи» — опубликованное в 1969 году беллетризованное сочинение от первого лица, объединившее множество пикантных баек о нравах и обычаях андерграундного рок-н-ролла в Лондоне конца шестидесятых.

Феномен группи (на страницах «Таймс» им дали презрительное определение: «девицы, которые сознательно провоцируют поп-звезд на половые сношения») едва ли можно считать изобретением тех дней. Группи существовали задолго до шестидесятых: джазмены звали их «крысами», австралийцы — «подружками группы». В сухом остатке, который The Rolling Stones подытожили заглавием одной из песен, типичная группи представала в образе «звездной подстилки»; оставаясь непременным атрибутом всякого успешного поп-проекта, она на протяжении десятилетий осуществляла свой бартер — секс в обмен на вожделенные отблески чужой славы.

Хотя группи не стали сенсацией для музыкального бизнеса, в широких общественных массах их похождения вызвали изрядный скандал. Даже самая продвинутая публика была не в курсе, пока Ян Веннер, издатель из Сан-Франциско (который задумал привлечь читателя чем-нибудь посолиднее обычной солянки

сплетен и слухов), не наводнил газетные прилавки Британии своим новейшим журналом, ориентированным на любителей рок-музыки. 27-й выпуск Rolling Stone почти целиком посвящался житью-бытью группи всех мастей — и главным образом красоткам с Западного побережья США; впрочем, описывалась там и парочка, потрясшая всех рок-фанов до глубины души. Две подружки, скромно окрестившие себя «гипсолитейщицы», выбрали прелюбопытное хобби, неустанно пополняя домашнюю коллекцию гипсовых слепков детородных органов именитейших рок-кумиров.

Впрочем, журнал Rolling Stone был изданием американским, и вся описанная в нем экзотика казалась жутко далекой типичному английскому обывателю, который едва успел свыкнуться с оскорбительной мыслью, что новоиспеченные кавалеры ордена Британской империи, а именно The Beatles и The Rolling Stones, плюнули ему в лицо, наотрез отказавшись прокатиться на маленькой уютной ТВ-карусели под названием «Воскресный вечер в лондонском „Палладиуме“». Типичный английский обыватель совершенно не желал знать, что какие-то девчонки (его собственная дочь, к примеру) выражают готовность, а то и отчаянную решимость принести свое целомудрие на алтарь мерзких рок-идолищ. Модные мини-юбочки, обожаемые прессой, должны были оставаться на своем месте; не следовало (повторяю: не следовало) бесстыдно сбрасывать их возле водяных матрасов нечесаных хиппи или беспечно швырять в россыпь пустых бутылок и недокуренных косячков на полу гостиничного номера.

Позднее, много позднее появятся и другие сочинения (в основном откровения по принципу «отсоси-и-расскажи» всевозможных подружек рокеров высшей пробы), но «Группи» Фабиан и Бирна первой взломала льды. Сигнальный экземпляр сопровождался призывом: «Прочтите сенсационный рассказ Кэти, девятнадцатилетней группи, где она собственными словами описывает, как „клеила“ одного рок-музыканта за другим». Этот рассказ, как вскоре стало ясно, основывался на реальных событиях жизни автора. Дженни Фабиан, журналистка-стажер, подвизавшаяся в «Дейли телеграф», попала в мир рок-музыки почти случайно. Начав свое путешествие с Сида Баррета из Pink Floyd, она попеременно завязывала отношения со звездами хоть и не совсем первой величины, зато определенно крупнейшими на тогдашней рок-сцене. Как сама Дженни объявила в аннотации к тиражу в мягких обложках: «Если ты группи, носи невероятные шмотки, принимай побольше наркоты и встречайся с парнями из лучших рок-групп… чья музыка реально подрывает устои». То есть общей целью таких девушек, выражаясь словами

ливерпульского поэта Эдриана Генри, который воспел местную разновидность мерсисайдских группи в поэме «Дщери Альбиона», оставались «прекрасные парни с алой гитарой, парящие в небе меж звезд».

Впрочем, изначально Фабиан не планировала обратить полученный опыт в литературное произведение. С Джонни Бирном ее свел общий приятель Спайк Хоукинс, поэт, бывший битники важное звено в новоявленной контркультурной цепи.

— Я не собиралась сочинять «Группи», — объясняла Дженни. — Когда мы познакомились с Бирном, я спала с Энди Саммерсом. И рассказала Джонни про Сида, и как после него вышла на Энди, и где я бывала и чем занималась, и тогда он говорит: «Тебе стоило бы написать об этом». Я возразила: «Ну как про такое напишешь», а Джонни ответил: «Пиши, что в голову придет, а я тебе помогу. Вместе у нас все получится». Терять мне было нечего. К тому же писательство здорово меня развлекло.

Другие тоже развлеклись на славу: книга пользовалась бешеным успехом. Стоит ли удивляться? «Группи» почти целиком посвящалась поклонению святой троице всех подростков: сексу, наркотикам и рок-н-роллу. Всего несколько лет спустя эта книга легко могла бы бесследно раствориться посреди ажиотажного, пусть и недолгого, спроса на макулатуру «Откровенных признаний…». Значение «Группи», однако, куда шире. Дженни Фабиан — вовсе не какая-нибудь косноязычная шлюшка, преклонившая колени у служебного входа в низкопробный провинциальный клуб; нет, Фабиан происходила из самого настоящего среднего класса и при этом оказалась изрядной умницей, что только помогло раздуть шумиху. Она сделалась своего рода знаменитостью, и СМИ ее зауважали: Фабиан разглагольствовала в вечернем эфире телеканалов, а в «Санди таймс», тогдашнем рупоре шика, появилась восхитительно вуайеристская статья под заголовком: «Как вы отнесетесь к тому, что ваша дочь?..» Ответы публиковали еще с неделю подряд, из номера в номер (отмечу, благодаря «ветру перемен» в обществе далеко не все они были возмущенными). Многие из тех, кто пока не привык к сленговым иносказаниям, получили от Фабиан еще один ценный дар: «Группи» заметно расширила их лексикон. Помимо словечка «клеить» и сленговых обозначений разнообразных наркотических средств, широкое хождение получил и термин plating — придуманный Кэти новый эвфемизм для фелляции, ее любимого занятия (основанный на рифме сленгового plate of meat с глаголом eat, очередным эвфемизмом для орального секса). Вообще говоря, лексикографы явно полюбили книгу Фабиан: Оксфордский словарь английского

языка приводит 22 цитаты из «Группи» в своих примерах употребления слов и выражений — «отстой», «триповый», «косяк», «упоротый»; целый мини-словарик сленга шестидесятых.

Но еще более удивительны хвалебные рецензии, поступавшие из самых неожиданных кругов критической мысли. Книгой восторгался Артур Кестлер, прославленный интеллектуал из Центральной Европы, в котором вряд ли можно было заподозрить интерес к такой литературе; его примеру последовал и Десмонд Моррис, автор знаменитой «Голой обезьяны». Даже учитывая излишний энтузиазм, который сопровождает начало любой новой эпохи (за примером далеко ходить не нужно: вспомните хотя бы краткое увлечение уважаемых экспертов творчеством The Spice Girls), они не сильно ошиблись. Моррис рекомендовал читать книгу как социологический документ, и какими бы намерениями ни руководствовались изначально Фабиан или редакторская рука Бирна, именно таким документом и стала «Группи». Возможно, наименее искушенные читатели принимали шумиху вокруг повести за чистую монету (издание в мягкой обложке гордо объявлено «версией без купюр», хотя текст изначально обошелся без сокращений: на фоне отчаянных битв с цензурой даже самые оголтелые моралисты понимали, что тут случай особый), но ее подлинное обаяние, как стало очевидно спустя три десятилетия после публикации, заключается в точности, с которой она отразила реальность.

Для начала, там описан весь антураж уникальной среды, где контркультура смыкается с рок-бизнесом, с редкими экскурсами в глянцевую журналистику. Дуэт соавторов ведет повествование в отрешенном, невозмутимом стиле, отразившем благосклонную позицию, которую контркультура заняла в отношении действий, способных (и в ту пору, и, к сожалению, сейчас) вызвать приступ обывательского негодования. Религиозные радикалы могли разражаться апокалиптическими проповедями, однако в противоположном крыле, в оплоте хиппи-андерграунда, истерик никто не закатывал. Несмотря на обилие сцен секса — а их на страницах «Группи» немало даже для нынешних времен, — в них не найти ничего в буквальном смысле сексуального; описания приема наркотиков также сухи и прозаичны. Если Кэти отсосала кому-то из шишек рок-бизнеса или измяла свой вельветовый прикид в объятиях очередного музыканта — невелика беда (единственной ее заботой была мысль, не толстеют ли от спермы); если она выкуривала косяк, глотала таблетку, принимала «мэнди»[1] или другой стимулятор, ну и что? Куда без этого. Что же касается рок-н-ролла, Фабиан всячески старается подчеркнуть, что речь идет не о поп-жвачке, а о передовых

рубежах развития музыки. Подобно нормам морали, репутациям свойственно меняться, но перекличка псевдонимов в рассказе Кэти (в оригинальной версии книги названия рок-групп для удобства выделялись курсивом) маскировала настоящих титанов шестидесятых Pink Floyd, Spooky Tooth, The Animals, The Soft Machine, Family, The Nice, Эйнсли Данбара и Джими Хендрикса.

Исторический фон книги — для тех, кто жил в ту эпоху, и для всякого, кто не жил, но без ума от нее, — навевает чудесные воспоминания. Продираясь сквозь едва зашифрованные noms-de-plume[2], можно узнать «The Speakeasy», любимейшее место для сборищ всех деятелей рок-индустрии; «Middle Earth», его хиппи-эквивалент; «Roundhouse», духовного преемника последнего, а также Тею Портер — художницу-модельера, которая снабжала лондонских модников лучшими шелками, атласами и другими фантастическими тканями.

Какое же впечатление оставляет книга? Все читательские сомнения рассыпаются о запечатленный в ней триумфальный образ женщины, которая если не манипулирует своим окружением, то уж точно контролирует все вокруг. Нигде в своем рассказе Кэти не выглядит покорной и нещадно эксплуатируемой жертвой. Вместо этого, выражаясь языком следующего поколения, она целиком «в своем праве». Кроткая, покладистая, но точно не дура. Мужские персонажи, напротив, выглядят туповатыми. Они тщеславны, эгоцентричны, требовательны — как капризные дети. Но ведь это шестидесятые: эпоха, когда сексуальная революция потакала исключительно сильному полу. Кэти сознательно играет подчиненную роль, но ее острый ум не дает ни единой осечки.

По мере приближения нового века шестидесятые (до неузнаваемости мифологизированные пропагандой всех мастей) остаются поворотным десятилетием предыдущего века, предметом несметного числа сопоставлений и упреков. И как гласит избитое клише, прошлое — действительно совсем другая страна; да, в те времена мы думали и жили совершенно иначе, чем теперь. Для тех, кто желает знать, как все было на самом деле, «Группи» и сегодня остается великолепным ориентиром.

Джонатон Грин,
январь 1997 года

Глава 1

Как только я подцепила Найджела Бишопа, мне сразу стало ясно: тут я попала в точку. Гораздо круче заявиться в клуб с музыкантами, чем толкаться в зале вместе со всеми остальными. Нет, я вовсе не прочь потолкаться в зале, просто раньше я ничего другого и не пробовала. Теперь же я была на особом положении: меня пускали в гримерку, и я мгновенно стала крутой. Я была знакома с самими The Satin Odyssey — тут есть чем гордиться. The Satin Odyssey первыми из андерграундных групп выбились в люди. А начинали они в «UFO», любимом клубе всей нашей тусовки.

Вообще-то, это был единственный клуб, где играли действительно интересные команды вроде The Satin Odyssey. Именно они научили народ серьезно работать со звуком и светом, и под их музыку я отправилась в свой первый кислотный трип, в результате которого у меня совершенно съехала крыша — и назад уже не вернулась.

Найджел был у них менеджером, и я не особо стремилась к общению с ним, пока не сообразила, кто он такой. Тут я сразу впечатлилась и подумала, что было бы кайфово пролезть за сцену и познакомиться с The Satin — особенно с Беном.

Все вокруг только и твердили, какой он странный. Поскольку песни для группы писал именно он, до слушателей долетали разрозненные обрывки его мыслей, словно сигналы с безумной сказочной планеты, где ничто не имеет значения, но все исполнено глубокого смысла.

Глядя на его темный силуэт на сцене, я часто мечтала о нем.

Лица было почти не различить в мельтешении и вспышках сценического света, и все же Бен мне нравился.

А когда я рассмотрела его под голой лампочкой гримерки, он понравился мне еще больше. Тонкий нос разделял глубокие впадины под очень темными глазами; бледная кожа невыносимо туго обтягивала костистое лицо. Бен был худой и высокий, а глаза у него сияли тем лихорадочным блеском, какой бывает у тех, кто ест ЛСД без продыху.

Казалось, у него нет ничего общего с остальными тремя участниками группы. Он полностью погрузился в себя, то и дело улыбаясь своим мыслям.

Поближе познакомившись с ребятами, я поняла, что все они не меньше Найджела беспокоятся за Бена. Они с тревогой обсуждали, что он вот-вот слетит с катушек, если не побережется, и жаловались, что в таком состоянии с ним невозможно работать

над новыми песнями.

Не только музыкантам было сложно достучаться до Бена: я безуспешно пыталась дать ему понять, что он мне нравится, но реакция оставалась нулевой, и я решила не давить.

Так или иначе, я была в восторге новой тусовки, куда мне повезло попасть. К тому времени The Satin серьезно раскрутились и начали неплохо зарабатывать, из раза в раз собирая полные залы. Андерграундные группы вдруг стали коммерчески выгодными, и профи от музыкальной индустрии косяком потянулись к нам, выискивая новых звезд.

Вслед за The Satin и другие группы поменяли аппарат и завели собственное световое шоу. Но The Satin считались круче всех, а я постоянно тусовалась с ними. В смысле, с Найджелом. Многих я еще не знала, поэтому старалась не высовываться и просто держалась поближе к своему парню, слушая его разглагольствования о музыкальном бизнесе. Казалось, что все только и делают, что болтают о бизнесе, и мне хотелось хоть немного в этом разбираться. Постепенно я начала просекать фишку и понимать, кто есть кто, по крупицам собирая сведения из разных источников. Собственная осведомленность позволяла мне возвыситься над окружающими.

Имидж и статус группы отчасти бросили отблеск и на меня. Друзья и знакомые начали донимать меня вопросами о The Satin. Я стала важной персоной, потому что теперь мои приятели могли хвастать, что знают человека, знакомого с The Satin.

Когда Найджел брал меня на концерты, я всегда чувствовала зависть фанатов, толпившихся перед дверью в гримерку, и признаюсь честно: мне нравилось, что мне завидуют. Я отличалась от них, поскольку была с группой, а они не были, как бы им ни хотелось. Понятное дело, без Найджела я бы снова оказалась в толпе, сама по себе, — девятнадцатилетняя девчонка, которой просто однажды посчастливилось познакомиться с правильным человеком.

Вкус к соперничеству я переняла у старших группи, которые тусовались в клубах вроде «The Joint». «The Joint» считался местом для поп-элиты, где чуть ли не каждый гость был важной птицей. В отличие от остальных музыкантов, Бен, кажется, не замечал всех этих симпатичных девчонок, которым удавалось найти предлог для разговора с группой. Чем популярнее становились The Satin Odyssey, тем круче были девушки-группи. Время от времени одна или две задерживались в нашей компании, а остальные появлялись и исчезали, и я гадала, куда они девались. Возможно, они превращались в заслуженных группи, как Роксанна, с которой я как-то познакомилась на

концерте The Satin в клубе «The Joint».

Она подошла к нашему столу и сказала:

— Привет, рада вас всех видеть! — Очевидно, она хорошо знала ребят, хотя я видела ее впервые.

Роксанна присела рядом с нами, и я стала за ней наблюдать. У нее были длинные темные волосы и потрясающая фигура, но вполне заурядное личико. Говорила она быстро и напористо, со знанием дела, а произношение выдавало неплохое образование. Меня поразило, насколько уверенно она держится, будто знает буквально всех и каждого.

— Привет, Тони, — окликнула она какого-то персонажа за соседним столом, — хочу с тобой поболтать через минутку.

И дальше Роксанна принялась ходить от стола к столу, подсаживаясь к разным компаниям и тут же завладевая разговором. Я бы так никогда не смогла. Тогда-то я и поняла, что мне до нее еще очень далеко, а как только я это поняла, мне сразу стало ясно, что я ей завидую точно так же, как мне завидовали младшие группи, которые толклись у дверей гримерки. Мне тоже хотелось порхать вокруг и здороваться со всеми, хотелось называть знаменитостей по именам и говорить с ними на одном языке. Роксанна выглядела жутко крутой, и мне не терпелось понять, как ей это удается. Я спросила у Найджела, в какой она тусовке и кем работает, и он ответил, что она увивается за самыми модными и крутыми поп-музыкантами, а работы у нее нет. Девчонки вроде Роксанны обычно нигде не служили, если только им не удавалось пролезть в шоу-бизнес. Их профессия называлась «группи» и занимала все их время.

Мне стало интересно, западает ли она на всех тех парней, которых клеит, и если да, то чем это заканчивается. Сама-то я очень западаю на парней, и если начну тусоваться с разными клевыми музыкантами, то рано или поздно в кого-нибудь из них влюблюсь, потому что я девушка наивная и верю всему, что мне скажут. Меня очень легко впечатлить. Да что уж там, я даже верю тому, что говорят в рекламе по телику. Так или иначе, Роксанна произвела на меня большое впечатление: я завидовала ее крутости и мечтала стать такой же.

На всех концертах, куда Найджел брал меня с собой, я старалась как можно больше общаться с Беном. Когда Найджел уходил решать всякие вопросы с организаторами и работниками клуба, он часто оставлял меня в гримерке. Иногда Бен разговаривал со мной или учил крутить косяки, чтобы я потом крутила их для него. Я всячески пыталась намекнуть, что неровно к нему дышу, но боялась говорить совсем в открытую, чтобы не показаться идиоткой. К тому же я все еще встречалась с

Найджелом. Да, быть девушкой менеджера группы — это круто, но гораздо круче встречаться с вокалистом. Я и правда хотела Бена, но он все время был настолько укурен, что вполне мог счесть мои страстные взгляды результатом очередной сиюминутной галлюцинации. Оставалось надеяться только на чудо, и я ждала своего шанса.

Все случилось в день летнего Оксфордского бала. Денек выдался тот еще: к нам вдруг нагрянула полиция. Тогда я жила в большой хате с двумя чуваками и еще одной девицей. Один из парней ставил световые шоу в «UFO»; второй, бывший коммивояжер-неудачник, теперь работал менеджером одной захудалой группы. Девицу звали Венди, и она вообще ничего не делала, просто валяла дурака. Но с ней было о чем поговорить, и она мне нравилась.

Думаю, наша компания выглядела весьма подозрительно: парни с длинными волосами и в кислотных шмотках, у меня прическа в стиле Джими Хендрикса да еще постоянные тусовки по ночам и все такое. Внимание полиции не сулило ничего хорошего, поскольку это значило, что придется тратить время и деньги на адвокатов и суд, а в глубине души я боялась, что меня и вовсе посадят, просто чтобы остальным неповадно было. Впрочем, аресты уже вошли в моду: у всех прикольных людей были проблемы с законом. К нам приперлась целая толпа копов — девять мужиков, две тетки и две собаки-ищейки. Они долго рыскали по квартире, но в итоге нашли наркоту только у меня; остальным повезло, что у них как раз кончились все запасы. Меня забрали в участок, хотя довольно быстро отпустили под залог. Пока я сидела в полиции, все поехали на концерт. Найджел позвонил из Оксфорда и велел мне сесть на поезд, а Бэт, один из техников The Satin, должен был встретить меня на станции.

Было уже довольно поздно, когда я наконец попала в колледж, где проходил бал. Там собралась толпа студентов и их подружек в вечерних платьях, все кучковались вокруг диджея и заправлялись шампанским и клубникой со сливками. Найджел встретил своих бывших однокурсников и тусовался с ними, а я попросила Бэта отвести меня к группе. До концерта еще оставалась масса времени, но такие вечеринки ребят не привлекали, поэтому мы решили прогуляться до реки и расслабиться. Мы с Беном уселись в какую-то лодку подальше от остальных, и я скрутила нам по косяку. По реке тянулся теплый туман, вода тихо плескалась о борт, и нам обоим было спокойно и уютно. Я сказала Бену, что мне с ним очень хорошо, и тут он вдруг обнял меня и заговорил о японских храмах. Я прижалась к нему, боясь издать хоть звук, чтобы не испортить волшебный

момент. Хотя для меня главное волшебство заключалось в предвкушении близкой победы. Я даже почти не понимала, о чем говорит Бен, но это было и не важно. Мы просидели в лодке до тех пор, пока не настала пора начинать концерт.

Когда я вернулась, Найджел слегка напрягся и спросил, чем мы с Беном занимались. Вместо ответа я протянула ему цветок, который мне кто-то подарил, и свалила слушать концерт со светового пульта. The Satin играли потрясающе и произвели неизгладимое впечатление на студентов, которые, скорее всего, ничего подобного раньше не видели. Стробоскопы сегодня смотрелись особенно эффектно — по крайней мере, на мой обкуренный взгляд. Казалось, сцена взмыла в воздух и мечется из стороны в сторону в неистовом танце. От контраста между тихими гитарными переборами Бена и мощным звуком группы, когда партии всех инструментов сливались в единую мелодию, попросту захватывало дух. Но я сумела собраться с силами и протиснуться к сцене еще до конца выступления, хотя пришлось пробиваться через толпу девиц в бальных платьях, которые шумно восторгались музыкантами и пытались привлечь их внимание. Еще немного — и они начали бы хватать ребят за ноги, как провинциальные фанатки.

Когда настала пора уезжать и надо было рассаживаться по машинам, я спряталась за киоск с хот-догами. Обычно я ездила вместе с Найджелом, но знала, что Бен будет в фургончике группы, поэтому дождалась, когда Найджел, разозлившись, уехал без меня, а потом как ни в чем не бывало подошла к фургону.

— А что, нашей машины уже нет? — невинно поинтересовалась я.

— Залезай к нам, — предложил Бен.

Задние сиденья уже были заняты, поэтому я уселась спереди с Беном и Борисом, техником группы. Спиной я чувствовала любопытные взгляды остальных. Это была моя первая поездка в автобусе с группой, но меня настолько поглотила страсть к Бену, что я даже забыла насладиться новым статусом. Борис молча вел машину на огромной скорости, а мы с Беном сидели рядом. Начиналось утро, и огромное красное солнце карабкалось на небо прямо перед нами.

— Приляг ко мне на плечо, если устала, — сказал Бен.

Мне было совершенно не до сна, но я положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Так я и просидела почти всю дорогу. Но когда мы уже подъезжали к Лондону, я вдруг осознала, что ничего толком и не добилась, разве что испортила отношения с Найджелом. Я занервничала, выпрямилась и вопросительно посмотрела на Бена. Он не заметил моего взгляда, и я совсем

растерялась. А потом, окончательно распсиховавшись, решилась спросить напрямую, хочет ли он поехать ко мне, но Бен лишь снисходительно улыбнулся и ничего не ответил.

Борис знал, где я живу, и решил высадить меня первой. Когда фургон остановился, я открыла дверь и нехотя вылезла на улицу. Бен пересел на мое место, а потом вдруг тоже спрыгнул на асфальт. «Обалдеть! — пронеслось у меня в голове. — Он решил остаться у меня». Пока все удивленно глазели на нас из микроавтобуса, мы помахали им на прощанье и зашли в дом. Поднявшись по ступенькам в квартиру, мы двинулись по коридору прямиком в мою комнату. И наконец, после столь долгого ожидания, мы с Беном оказались наедине у меня дома.

Для начала мы выкурили пару косяков и немного поболтали. А потом Бен нагнулся развязать шнурки на кедах — он всегда носил кеды в знак протеста против больших денег, которые свалились на группу.

— Пойдем в постель, — сказал он.

Мы молча разделись и залезли в кровать. Сначала мы просто лежали рядом: он на спине, а я на боку, чтобы удобнее было на него смотреть. Потом я стянула с Бена одеяло и стала гладить его худое тело, которое в полутьме казалось еще тоньше и длиннее, а отсутствие волос подчеркивало бледность кожи. Я целовала его соски и нежно обводила языком пупок, пока не почувствовала, как все тело Бена напряглось одновременно с началом эрекции. Он запустил пальцы мне в волосы и крепко стиснул голову, и я вспомнила, как Найджел упоминал, что все парни из этой тусовки очень любят отсос. Я не могла похвастать большим опытом по этой части, но все же взяла его член в рот и начала разные манипуляции губами и языком. Его пальцы у меня на затылке немного ослабили хватку. Он продолжал лежать на спине с широко раскрытыми пустыми глазами, молча и почти неподвижно. Процесс занял немало времени, и я наслаждалась каждой секундой. Совсем не как с Найджелом, который буквально бросался на меня, стоило нам оказаться в постели. Он трахал меня так неистово, что иногда я оказывалась на полу. С Беном все было иначе — спокойно и очень сексуально, и мне действительно удавалось управлять его ощущениями. Я доводила его до предела, а потом, когда чувствовала, что все его тело напрягается, возвращалась к тому, с чего мы начинали, и так снова и снова. Когда Бен кончил, он так выгнулся, что я испугалась, как бы у него не сломался позвоночник. Бен оказался сладким на вкус, и у меня в глазах стояли слезы счастья. Он лежал в той же позе, в которой был в самом начале, и по-прежнему не произносил ни слова. Я понятия не имела, где блуждает его сознание, но это

было и не важно, мне просто нравилось лежать рядом с ним. Когда на следующий день я проснулась после полудня, он уже ушел.

А вскоре после нашей первой совместной ночи Бен окончательно слетел с катушек. Однажды он явился ко мне домой без предупреждения, чтобы отвезти на концерт. Выглядел он совершенно больным — пот ручьями тек по бледному лицу. За весь тот день он едва перекинулся с окружающими парой слов. Мы просто приехали в клуб, и Бен пошел играть. Ближе к середине первой части шоу я заметила, что он не поет и почти не играет. К счастью, басист неплохо его прикрывал, поэтому публика вроде бы ничего не заметила. Я поймала Найджела и спросила, что происходит с Беном. Учитывая ситуацию, Найджел, конечно, не особенно радовался моему новому статусу девушки вокалиста, но отношений выяснять не стал.

— Никто об этом вслух не говорит, — ответил он на мой вопрос. — Мы давно ждали чего-то подобного. У него же мозги вообще не работают после всей той кислоты, которую он сожрал за последнее время. Вряд ли ты ему поможешь, — добавил Найджел, — хотя, конечно, помощь ему нужна.

В перерыве Бен сказал, что хочет убраться из клуба и побыть в тишине. Поэтому мы взяли такси и поехали ко мне, пообещав остальным вернуться к началу второй части концерта. У меня дома Бен сел и неожиданно заговорил о том, как все эти люди, причастные к делам группы, тянут их на дно. Я ответила, что так всегда бывает: обязательно найдутся те, кто заинтересован в коммерческом успехе артиста. Он продолжал твердить свое: The Satin продались, и ему никак не удается примирить свои желания с тем, что приходится делать. Коммерции не место в духовном творчестве, пояснил Бен. Мне очень хотелось ему помочь, но я не совсем понимала, в чем вообще проблема. Они же самые клевые музыканты и могут позволить себе делать только то, чего им самим хочется, играть где угодно и что угодно, экспериментировать с новыми идеями, но все равно зарабатывать кучу денег. Я действительно не врубалась, отчего Бен страдает, но его мозг будто плавился прямо у меня на глазах. Я знала, что такое кислотный трип и наркотический дурман, и пусть опыт у меня был небогатый, его вполне хватало, чтобы понять, как кислота действует на сознание. Но с этим прекрасным музыкантом, который дрожал передо мной и изливал свои бесконечные страдания, творилось нечто другое. Казалось, Бен совершенно потерял связь с реальностью, и логические доводы тут не имели смысла. Поэтому я замолчала и просто слушала его. Когда настала пора возвращаться ко второй части концерта, он

покорно встал, и мы поехали в клуб.

Теперь Бен уже не жаловался ни на трудности, ни на свои заморочки. Он вышел на сцену, все такой же бледный и тихий, уселся на пол с гитарой и в таком положении провел всю вторую часть сета. Это был последний концерт, который он сыграл с The Satin, и последняя моя встреча с Беном. Он уехал в какой-то монастырь в Испании искать себя. The Satin взяли себе нового гитариста. Они прекрасно устроились и без Бена, но лично для меня волшебство их музыки исчезло вместе с ним.

Глава 2

История с полицией и арестом окончилась почти безболезненно. Мне удалось обойтись небольшим штрафом и обещанием, что я больше никогда и ни за что не притронусь к наркотикам: мол, я просто хотела попробовать и мне даже ни капельки не понравилось. На слушание я напялила шляпу, похожую на дурацкое воронье гнездо, и приличное платье. Но вообще-то я порядком струхнула и не спешила снова встретиться с полицией. Спустя несколько дней меня уволили. Я работала одним из младших сотрудников в местной газете и, хотя неплохо справлялась со своими обязанностями, периодически устраивала себе внеочередные выходные, чтобы как следует оторваться. Начальство слегка злилось, а когда до редактора дошла информация о моих проблемах с законом, он и вовсе психанул, потому что я бросала тень на репутацию всего издания, которую он не собирался портить. Редактор объяснил, что мое присутствие в газете как бы показывает, будто он не против курения травы, а такого он не может себе позволить в наши противоречивые времена.

— Ну ладно, — сказала я. — Тогда просто увольте меня.

Не то что бы я ему сочувствовала, просто мне и самой скорее хотелось свалить от всех этих «правильных» людей, которые видели во мне настоящую преступницу.

Я проработала там почти год, и, хотя некоторые сотрудники мне все же нравились, пришла пора двигаться дальше. Мне хотелось найти работу в поп-индустрии и стать такой же классной, как Роксанна. К тому же у меня хватало денег продержаться, пока не подвернется что-нибудь интересное.

В последний рабочий день я наткнулась возле фотолаборатории на Реджинальда Чаттертона, известного фриланс-журналиста. В основном он писал для глянцевых изданий, но изредка печатался и в нашей газетенке. Я уже встречала его в редакции несколько раз, и, хотя он выглядел вполне «правильным», с ним было приятно поболтать. Он был умный мужик и очень мне нравился, потому что ему все отлично удавалось. Я рассказала ему о своем увольнении, и он выразил сожаление, а потом пригласил на ужин вечером того же дня. Идея мне понравилась: наверняка он отведет меня в какое-нибудь модное место, где я смогу завести полезные знакомства и даже получить работу. Отличная зацепка, пусть и не в музыкальной тусовке.

В общем, после разговора с Реджинальдом я немедленно

свалила из редакции и прикинула, что самое время заняться прической, поэтому отправилась к Гэвину. Он объявил, что кудряшки уже устарели и к тому же каждый второй теперь косит под Джими Хендрикса. Он предложил мне сделать прическу в стиле Брайана Джонса, и я согласилась без колебаний. Гэвин работал в одном из лучших салонов Лондона и всегда держался на шаг впереди, когда дело касалось модных тенденций. Теперь у меня была совершенно новая стрижка, волосы изящно обрамляли лицо. Стоило тряхнуть головой, и длинная челка падала на глаза, скрывая их, но я сквозь нее прекрасно видела, что происходит вокруг. Несколько часов, потраченных на выпрямление волос, стоили того: прическа выглядела просто великолепно. Потом я спустила кучу денег в своем любимом магазине Теи Портер, который, к счастью, еще не облюбовали все модники Лондона, и купила жатые бархатные штаны и тонкую шелковую блузку с широченными рукавами.

Реджинальд привел меня в ресторан «Козимос» на Кингс-роуд, где обедали люди из его окружения. Стоило кому-то войти в ресторан, официанты бросались исполнять подобострастный менуэт из расшаркиваний и поклонов, который сопровождал гостя до самого места за столом. Нам с Реджинальдом оказали такой же прием, и я круто прикололась. Хотя мне нравилось ходить в рестораны с The Satin, народу вокруг них собиралось слишком много, и на фоне остальных я могла потеряться. Тут же все было иначе: теперь меня просто обязаны были заметить. Разговоры летали от стола к столу, всюду сновали официанты с записками от тех, кто пытался познакомиться с девицам из соседних компаний. Именно здесь кипела жизнь всей этой тусовки.

Реджинальд надел темные очки, чтобы выглядеть крутым, но и я не отставала — на мне были очки с зеркальными стеклами, как у американских копов. Было не понять, в какую сторону я смотрю, и всех это явно напрягало. За ужином я почти не разговаривала, поскольку постоянно подходили разные типы поздороваться Реджинальдом и поболтать о делах. Он постепенно напивался и отпускал шуточки в сторону разных столиков. Когда после ужина мы приехали в его клевую двухуровневую квартиру на берегу Темзы, он приступил к старомодному ритуалу обольщения, поглаживая меня по груди и безуспешно пытаясь сунуть руку под тугой пояс моих новых штанов. Я решила немного помочь ему и сняла блузку и брюки, оставшись в нижнем белье. Сообразив, что Реджинальд приверженец старых добрых методов совращения, я не стала пугать его слишком поспешными действиями. К тому же пусть сколько угодно теребит мои трусы и

лифчик, но новые брюки от Теи Портер заслуживают лучшего обращения. Как только я улеглась, мой кавалер вновь принялся за дело. Как я и думала, он оказался крайне старомодным и потратил кучу времени на предварительную возню: еще не успев снять одежду, он пару раз чуть не кончил, пока лапал меня с головы до ног. В итоге он все же решил постепенно раздеться и сам; особой частью ритуала стало неспешное избавление от часов. Дольше всего на нем оставались трусы. Все это сопровождалось постоянным тисканьем и мычанием. В итоге его долгих манипуляций мои трусики можно было отправлять на свалку, а лифчик лишился застежек. Но вот наконец Реджинальд оказался передо мной на коленях, а трусы на нем трещали под натиском эрекции. Похоже, член у него был огромный. Я протянула руку и потрогала его — такие большие мне еще не попадались. Но когда я попыталась стянуть трусы и хорошенько разглядеть его агрегат, Реджинальд дернулся и пробормотал, что это невыносимо. Невыносимо?! Да о чем он вообще? Это мне должно быть невыносимо от мысли, что эта штука скоро окажется во мне. Правда, когда он таки сподобился войти в меня, все оказалось не так страшно — больно было только в самом начале и в те моменты, когда он резко вгонял в меня член.

В постели Реджинальд вел себя жутко учтиво и благородно. Делая свое дело, он шептал мне всякие милые слова и называл «дорогая». Сексом он занимался со страстью хорошо воспитанного человека, а во время хрестоматийного катарсиса сдавленно вскрикнул: «Я кончаю, моя дорогая, кончаю!» Издав протяжный вздох, он крепко обнял меня и принялся гладить по спине, уверяя, что ему было со мной очень хорошо. Я с таким обращением раньше не сталкивалась — все мои парни до Реджинальда вели себя совсем иначе. Мало кто из них вообще разговаривал во время секса, и уж точно ни один не снизошел до подобных романтических признаний — пусть слегка фальшивых, но все равно милых. Новые ощущения пришлись мне вполне по душе, и хотя я сомневалась, что смогу отсосать ему не задохнувшись, все же решила попробовать.

Но прежде чем я успела приступить, Реджинальд меня остановил:

— Прости, дорогая, но такие извращенские штучки не для меня.

Я покорно вытянулась рядом с ним и спросила:

— Тебе такое не нравится, Реджинальд?

— Это извращение, дорогая. Я такого просто не переношу, — ответил он.

Я немало удивилась: разве минет это извращение?

— Значит, ты считаешь меня извращенкой? — поинтересовалась я.

— Да нет, просто мне кажется, что тебя слегка испортили.

— Но с чего ты счел отсос извращением? Ведь все мои знакомые этим занимаются.

— Что ж, не знаю, с кем ты привыкла водиться, но я на них точно не похож. И считаю такие фокусы чудовищными.

— Почему? — продолжала допытываться я.

И тогда он рассказал мне, почему не выносит извращений. Однажды ему случилось пережить в постели настоящий кошмар, когда девица слетела с катушек и принялась его вылизывать буквально с ног до головы. Реджинальд показался мне обалденным, и я решила непременно увидеться с ним снова.

Мало-помалу мы стали встречаться, хотя особых чувств я к нему не питала. В то время на музыкальной сцене многое стало меняться. Клуб «UFO» прикрыли из-за проблем с полицией и по каким-то еще причинам, но появилась новая андерграундная тусовка в клубе под названием «The Other Kingdom». Поначалу там было грязно и мрачно, все жаловались на холодный каменный пол, но тогда это была единственная площадка, где играли интересные артисты вроде The Transfer Project и Relation. Я проводила в «The Other Kingdom» много времени, тусуясь и знакомясь с местным менеджментом, потому что именно такие люди могли в дальнейшем обеспечить мне интересную работу. Самостоятельно пробиться в тусовку «The Joint» я пока не решалась и к тому же не хотела сталкиваться с другими девицами. Если честно, я даже не была знакома с теми, кто считался своим в «The Joint».

* * *

А потом я снова столкнулась с Роксанной. Мы не виделись пару месяцев, и меня неприятно поразило, насколько она изменилась с нашей последней встречи в «The Joint». Прежде такая стильная и уверенная в себе, теперь она была одета в неописуемое тряпье, лицо побледнело, а глаза запали. Тед — тот самый менеджер плохонькой группы, с которым я снимала квартиру, — встретил Роксанну на каком-то мероприятии. Оказалось, что у нее проблемы. Ей негде было остановиться, и Тед привел ее к нам: понятное дело, в компании парней она по-прежнему считалась лакомым кусочком. Тед оставил ее у меня в комнате, а сам пошел в магазин за едой. Как оказалось, Роксанна меня прекрасно помнила, и мне захотелось узнать, как она дошла

до такой жизни за столь короткое время. Ей явно было хреново, она постоянно дрожала, но в голосе по-прежнему присутствовали манерные нотки. Я сварила ей кофе, и тогда Роксанна немного расслабилась и стала вести себя естественнее.

— Чувствую себя отвратительно, — призналась она.

Я согласилась, что выглядит она так себе, и спросила:

— А что случилось?

— Устроила себе ПД, — объяснила она.

— То есть передоз? — решила я уточнить.

— А что же еще? — Она сердито зыркнула на меня, будто я сморозила глупость.

— Ну и зачем?

— Мне просто было очень грустно… — Она несколько истерично засмеялась. — Я все время пытаюсь себя убить.

Только чтобы не насмерть, подумалось мне. Да и вообще у меня не укладывалось в голове, зачем ей себя убивать, когда у нее все так отлично складывается.

— Все дело в этом ублюдке Роджере, — продолжала она. — Он меня выгнал и не хочет со мной разговаривать.

Роджер был лидером одной из самых классных групп на тогдашней сцене. О нем мечтала любая девушка-группи, а Роксанне посчастливилось прожить с ним больше года.

— Да уж, плохо дело, — сказала я.

Спокойная обстановка и сочувственное внимание подтолкнули Роксанну к дальнейшим откровениям.

— Вообще-то я уже привыкла к его выкрутасам, — призналась она, — но раньше он так далеко не заходил. Теперь он выгнал меня окончательно, сменил замок и выставил мои вещи за дверь. — Роксанна замолчала, а потом рассмеялась с прежней самоуверенностью: — Даю ему три недели.

— Три недели? — удивилась я.

— Ага. Через три недели он опомнится и захочет меня вернуть. Очень скоро эта шведская пигалица ему надоест… Прикинь, он запал на нее только благодаря огромным сиськам…

Она казалась настолько уверенной в своей правоте, что я совершенно не понимала, зачем ей тогда вздумалось передознуться. Но пока Роксанна продолжала рассказывать о романе с Роджером, я сообразила, что она привирает и за хвастливой болтовней скрывается нечто другое. Она прожила с ним около полутора лет, но примерно полгода назад отношения испортились. Похоже, Роксанна отказывалась признавать поражение, уверяя, что их любовь вышла на новый уровень и ее не заботят шашни Роджера с другими девицами, поскольку он все равно к ней вернется. По-моему, такие отношения требуют

слишком большого великодушия.

Потом она стала рассказывать о своей «карьере» группи. Все девчонки, учила она меня, начинают с малого, а уже потом, если действуют с умом, выходят в люди. Со временем ранее неизвестные группы могут стать довольно популярными, и за счет этого в послужном списке группи появляются знаменитые имена. Ей удалось продвинуться, потому что она умела разглядеть талант и обладала уверенностью в себе.

Роксанна, похоже, сумела склеить почти все лучших музыкантов, и я заметила, что она предпочитает лидеров групп. Мне понравилось, как она называет всех этих ребят по именам, явно полагая, что я знаю, о ком идет речь. Поначалу я гадала, удалось бы мне самой добиться такого высокого положения, но потом стала сомневаться, что положение Роксанны такое уж замечательное, каким казалось мне раньше. Допустим, она переспала с кучей знаменитостей и даже долго жила с самым крутым из них. Но в глубине души, похоже, она испытывает страх, потому что добилась всего, к чему стремилась, и теперь, пообщавшись с лучшими из лучших, просто не может понижать планку. Пока я ее слушала, мне вдруг стало ясно, что для настоящего успеха мало симпатичного личика и бойкого языка. Постоянные тусовки в модных клубах со знаменитостями, которые бездумно сорят деньгами, еще не означают, что они считают тебя ровней, вопреки мнению Роксанны. Ей было двадцать три, а мне девятнадцать, так что у меня оставалась масса времени, чтобы попробовать на вкус ее образ жизни. Но теперь мне уже не хотелось превращаться в Роксанну.

И все же, хоть она и заплутала где-то на середине дороги к славе, мне было очень интересно послушать ее рассказы о парнях. Ведь она, в отличие от меня, действительно знала всех этих музыкантов, а с большинством и переспала. Мне же, кроме Найджела и Бена, хвастать было нечем. Вдобавок про мои отношения с Беном вообще никто не знал, поскольку они слишком быстро оборвались. Роксанна продолжала трепаться о том, как один чувак не мог трахаться при свете, другой занимался сексом по восемь раз за ночь, а третьему хватало одного раза в неделю, и так далее. Из рассказов других девиц она знала предпочтения даже тех музыкантов, с которыми не спала.

— Но теперь я совсем запуталась, — вздохнула она. — Мозги вообще не работают. А про секс лучше и не говорить. Роджер уже сто лет назад перестал со мной спать.

Я не знала, что сказать. Сочувствие дается мне с трудом, потому что я редко его испытываю. Лично я стараюсь самостоятельно разбираться со своими проблемами, не нагружая

ими других. Я неплохо осознаю большинство своих заморочек, но одного осознания мало. Например, с парнями, которые мне нравятся, я часто веду себя как дура и отдаю себя всю целиком, чем они охотно пользуются. И даже когда парень сознательно прогоняет меня через все круги параноидального ада, я все равно остаюсь с ним, потому что такой уж у меня характер. Именно в нем и кроется проблема. Капелька паранойи даже полезна и помогает знать свое место — во всяком случае, так утверждали некоторые ребята, по которым я сходила с ума. И все-таки мне не хотелось бы обманывать себя, как Роксанна. Какой смысл притворяться крутой, когда в глубине души ты совершенно запуталась, — ведь рано или поздно тебя раскусят и бросят. Надо оставаться собой, пока не заслужишь роскошь быть тем, кем захочешь. А этого не добьешься без власти и денег, а также искренней уверенности в себе, которая зарабатывается только через опыт. Так бывает в любой профессии, и профессия группи тут не исключение.

Тем временем Роксанна продолжала рассказывать:

— Знаешь, все считают меня девушкой Роджера, а его это бесит. Он больше никуда не берет меня с собой, потому что не хочет, чтобы мы выглядели парой. Но я упорно называю его фамилию, когда прошу вписать меня на концерт: пусть все думают, что мы вместе. Подожди, и увидишь — скоро он вернется ко мне. В трудную минуту он всегда обо мне заботится. Он даже помогал мне, когда я родила…

— От него? — спросила я.

— Не могу сказать, — помотала головой Роксанна. — В любом случае, ребенок теперь живет с приемными родителями. Я многим пожертвовала ради этого парня. И как только он пресытится шведскими сиськами, он вспомнит обо мне.

На мой взгляд, она выдавала желаемое за действительное. Раз уж Роджер сменил замок и выставил ее вещи за дверь, положение серьезное.

Тут вернулся Тед с замороженными полуфабрикатами и принялся заигрывать с Роксанной, но она держалась с ним холодно, а потом довольно резко отшила. Наверное, для нее он был слишком мелкой сошкой.

— Терпеть не могу, когда ко мне лезут, — шепнула она, когда Тед вышел из комнаты. — Можно сегодня переночевать у тебя?

— Да не вопрос! — ответила я, предвкушая новые сплетни, которые были гораздо интереснее любой статьи в музыкальных журналах.

Глава 3

Тед все-таки сделал еще одну попытку подцепить Роксанну. Квартира на целый день оставалась полностью в их распоряжении, потому что я пошла к знакомому поэту помочь набрать его тексты на пишущей машинке. Когда я вернулась домой, Тед по-прежнему таскался за Роксанной, угощая ее чаем и пытаясь разговорить. Не знаю, как она вела себя днем, но когда мы втроем улеглись на моем матрасе смотреть телик, она принялась всячески опускать бедного парня. Может, Роксанна хотела произвести на меня впечатление, или секс действительно потерял для нее интерес, как она уверяла раньше. Так или иначе, было забавно за ними наблюдать. Чем злее становились ее реплики, тем меньше Тед принимал их на свой счет. Он просто покатывался со смеху, нахваливая ее остроумие. Она же придиралась ко всему: к его возрасту, внешности и так далее. А когда Тед начал бросаться именами и хвастаться, какая крутая у него группа, Роксанна и вовсе сорвалась с цепи.

— Слушай, — сказала она, — мне абсолютно наплевать на тебя, потому что у меня нет времени на таких неудачников. Оставь меня в покое, будь умницей, а то задолбал.

После такой грубой и высокомерной отповеди Тед обиделся и замолчал. Однако я была на ее стороне, потому что его хвастовство выглядело попросту жалким в сравнении с кругом общения Роксанны, а я терпеть не могу тех, кто что-то из себя строит на ровном месте. Скоро Тед совсем расстроился и ушел.

— На самом деле он нормальный парень, — сказала Роксанна, — но уж очень душный… И кстати, куда он делся?

— Да какая разница, — ответила я. — Думаю, он просто выставлялся перед тобой, потому что ты ему нравишься.

Роксанна с надменным видом откинула волосы с лица:

— Ага… Вот пусть и найдет себе какую-нибудь шлюху, самое то для него. Я с таким ни за что не переспала бы. — Она помолчала секунду. — А ты с ним трахалась?

— Нет, он не в моем вкусе, — ответила я чистую правду. Я считала Теда лишь приятелем средней паршивости.

Роксанна повернулась и внимательно посмотрела мне в глаза:

— А кто в твоем вкусе?

Больше всего мне нравились участники групп, но я не могла ей в этом признаться, потому что тогда она спросила бы, с кем я переспала, а я могла назвать только Бена. Мне не хотелось, чтобы Роксанна сочла меня неудачницей.

— Ну уж явно не такие, как Тед. Я встречалась с одним из музыкантов The Satin, — ответила я. Мне хотелось все-таки упомянуть их, ведь группа была реально крутая.

— Ага, точно, — сказала Роксанна. — Я же тебя с ними и встретила тогда в «The Joint».

— Да, это была я. Не думала, что ты меня запомнишь.

— Почему же, я видела тебя, хотя так и не поняла, с кем именно ты мутишь. Ребята из The Satin и правда клевые… И который из них твой?

— Бен, — сказала я. — Соло-гитарист.

— О, чувак что надо. Роджер знаком с ним. Я, правда, так и не разобралась, что он за птица, у меня тогда и своих неприятностей хватало. А он же в итоге слетел с катушек, да?

— Ага, так и есть, — ответила я.

— А сейчас у тебя как? — поинтересовалась она.

— Да так, общаюсь с разными парнями из тусовки, — небрежно бросила я. — Знаешь чувака по имени Реджинальд Чаттертон?

— Он из группы? — спросила она.

— Нет, он журналист, — гордо объяснила я.

— А, тогда я вряд ли о нем слышала.

Лучше впредь не называть его фамилию, подумала я, а говорить просто «Реджинальд».

— Значит, ты спишь только с парнями, — произнесла Роксанна.

— Ну… типа того, — осторожно протянула я, не до конца понимая, о чем речь.

— А как насчет девчонок?

— В смысле? — удивилась я.

— С девчонками ты спишь?

— Всякое бывает, — соврала я.

На самом деле я ни разу не пробовала секс с девушками, хотя довольно часто об этом думала, но тон Роксанны подразумевал, что я должна разбираться в подобных делах.

— Я так и думала, — заметила она. — Почти все девчонки, которые тусуются с группами, спят друг с другом… Ты ведь из этой компашки?

— Не совсем, — пробормотала я, чувствуя себя немного не в своей тарелке.

— Странно, я думала, ты одна из них. По крайней мере, выглядишь ты именно так. — Похоже, Роксанна удивилась.

Неужели я и правда так выгляжу? И люди могут ткнуть в меня пальцем и сказать: «Вон еще одна группи»? Вряд ли мне такое понравится.

— А с чего ты приняла меня за группи? — отважилась я спросить.

— Да по всему видно: по друзьям, по прическе, по одежде… Хотя должна признать, говоришь ты не так, как все они.

— И на том спасибо, — буркнула я, а сама подумала, что пора перестать разбрасываться именами.

— Ага, вот именно. — Роксанна зевнула и потянулась: — Господи, как же я устала. Давай посмотрим телик в постели.

Мы несколько смущенно стали раздеваться, повернувшись спиной друг к другу. Интересно, что дальше, гадала я. Прошлой ночью Роксанна спала на матрасе, который мы притащили из другой комнаты, но сегодня, кажется, все будет по-другому. Как ни странно, я с некоторым волнением ждала того, что между нами произойдет — или не произойдет, если она не сделает первый шаг или я отступлю в самый ответственный момент. И еще мне очень хотелось увидеть ее голой, поскольку в одежде, надо признаться, она смотрелась просто классно. Я часто представляю себе фигуры других девушек, потому что сомневаюсь в своей привлекательности. Думаю, такие сомнения знакомы каждой девчонке. И хотя мне особенно не к чему придраться, когда я разглядываю себя в зеркале в полный рост, кое-какие комплексы все же есть.

Я надела ночную рубашку и повернулась к Роксанне, застав ее полностью обнаженной и успев скользнуть взглядом по ее груди. Она у нее оказалась больше и пышнее моей, и соски торчали гораздо заметнее. Да и все изгибы тела были у нее куда соблазнительнее моих. Теперь стало ясно, как она умудрилась подцепить стольких клевых парней, — еще бы, с такой-то фигурой.

Роксанна натянула одолженную ночнушку и улыбнулась мне:

— На что глазеешь?

— На тебя, — сказала я.

Я еще ни разу не видела голых девушек, но не собиралась в этом признаваться.

Роксанна оглядела себя в ночнушке, потом снова перевела взгляд на меня:

— Но ты же видела такое раньше, разве нет?

— Фигуры у всех разные, — возразила я и с досадой почувствовала, как неуверенно прозвучал мой ответ.

— Давай посмотрим на твою, — предложила Роксанна.

Боясь опозориться, я задрала ночную рубашку над головой. И хотя ткань полностью скрывала лицо, я почти физически ощущала кожей пристальный взгляд подруги. Через мгновение я снова опустила ночнушку.

— Холодно, — пояснила я и залезла в постель.

Я понятия не имела, что у Роксанны на уме. Она намекала, будто спала с женщинами, хотя напрямую ничего такого не сказала. А теперь она считает, что и у меня был такой опыт, поэтому оставалось только гадать, чем кончится дело. Ведь она сама мне говорила, что секс ее больше не интересует, — или она имела в виду секс с парнями? В любом случае начать первой я не могла, слишком стеснялась, но надеялась, что Роксанна возьмет инициативу на себя. Было бы круто переспать с девицей, которая склеила столько знаменитостей. Слава через третьи руки, можно сказать. Неплохо для начала.

В постели наши ноги временами соприкасались, и я почувствовала, как Роксанна легонько трется о меня бедром. Когда по телику показывали что-нибудь смешное, она хохотала и придвигалась все ближе и ближе ко мне.

— Где тебя так подстригли? — вдруг спросила она.

— В салоне «Леонардз», а что?

— Просто не видела раньше таких стрижек, — ответила она и погладила меня по щеке. Потом взглянула на мой нос и заметила: — У тебя тоже веснушки.

— Ну да, я знаю, — улыбнулась я.

— У меня ужасный нос, — призналась она.

— Можешь развешивать на нем одежду, — неловко пошутила я. Нос у нее был и впрямь выдающийся.

— Очень смешно, — обиженно промычала Роксанна и слегка пнула меня. Она все еще вела себя со мной покровительственно и сердилась, когда я ее задирала. — Тебя возбуждает присутствие другой девушки в постели рядом с тобой? — Ее рука скользнула вниз по моему животу, и я вся рефлекторно напряглась.

— Конечно, — сказала я. — Но и с парнями я чувствую ровно то же самое.

— А сейчас ты возбуждена? — Ее рука была уже у меня между ног.

— Есть немного.

— Да? Что-то я не чувствую. — Она стала ласкать меня активнее.

— Да точно тебе говорю. — Я и правда возбудилась. Потому что рука — она и есть рука, а клитор — он и есть клитор. И когда внутри начинает разгораться желание, уже не важно, какого пола владелец руки.

— Просто ты не очень влажная, вот я и спрашиваю.

— Мне нужно чуть больше времени, только и всего, — объяснила я.

— А у меня все сразу происходит, — сказала она и притянула

мою руку к низу своего живота. — Чувствуешь?

Я запустила пальцы ей в промежность и слегка прижала.

— А ты когда-нибудь пробовала с лесбиянкой… я имею в виду, с настоящей лесбиянкой?

Роксанна рассмеялась в ответ и немного отодвинулась:

— Ты про коротко стриженных амбалок в мужской одежде?

— Ну да, именно.

— Да ни за что! — Она бросила на меня один из своих гневных взглядов. — Или ты действительно считаешь меня одной из них?

— Нет, что ты! — заверила я. Да и как она могла быть лесбиянкой, если склеила скольких парней.

— Не переношу таких телок, — продолжала возмущаться Роксанна. — Они просто больные. Ни за что не соглашусь, чтобы меня трахали всякими резиновыми страпонами, которые они себе привязывают, и прочей фигней. Нет, для меня переспать с девицей — все равно что с парнем, только без заморочек.

— И как же тогда это делается? — спросила я.

Тут она без всякого предупреждения поцеловала меня. Слава богу, дыхание у нее было свежим. Ненавижу, когда воняет изо рта. Через мгновение я ответила ей поцелуем, и ощущения были очень странные. Мне приходилось напоминать себе, что я целую девушку, потому что я, на удивление, получала такое же удовольствие, как от прелюдии к сексу с парнем. Единственная разница состояла в том, что сейчас все было нежнее и без малейшей спешки.

— Снимай, — велела Роксанна, тоже стягивая ночнушку.

Только бы она меня не раскусила! Не успела я раздеться, как она уже оказалась у меня между ног, а ее язык — внутри меня. Мне потребовалось время, чтобы полностью отдаться процессу, потому что обычно я не спешу переходить к оральным ласкам и могу наслаждаться ими только с постоянным партнером, привычки и предпочтения которого мне давно знакомы. Мне пришлось закрыть глаза и сконцентрироваться на ощущениях. Я чувствовала ритмичные движения Роксанны и слышала тихие причмокивающие звуки. Наконец мое тело начало двигаться в такт, и внутри поднялась волна наслаждения. Тут Роксанна крепко, до боли, стиснула мне грудь. Но чем больше было неистовства в ее ласках, тем приятнее становилось. Я почти теряла рассудок от удовольствия, а Роксанна продолжала работать языком, не останавливаясь ни на секунду. Когда я кончила, сознание будто улетело куда-то на несколько секунд. Потом я немного пришла в себя и последовала примеру подруги. Сначала я двигала языком неуверенно, но даже это заставило ее

корчиться и стонать. Ее солоноватый вкус отличался от мужского. Потом Роксанна притянула меня к себе и страстно поцеловала. Я просунула руку ей между ног, но мне было сложно удержать пальцы в нужном месте, потому что Роксанна энергично двигала бедрами. Скоро она кончила, причем очень бурно — кричала, стонала и буквально подпрыгивала над кроватью. Затем она растянулась рядом со мной, слабо постанывая и переводя дыхание. А я тем временем думала, что у меня неплохо получилось и тут нет ничего неприятного, все равно как доставить удовольствие самой себе.

Наконец Роксанна успокоилась, и мы, снова натянув ночнушки, улеглись под одеяло. Но ей явно хотелось поговорить, и она стала повторять истории, которые уже успела рассказать мне раньше. В первый раз мне было интересно, но теперь я быстро заскучала. В очередной ее хвастливой байке про Роджера было столько фальши, что я заподозрила подругу во вранье. Когда она пустилась в описание их совместного шопинга на Эджвейр-роуд, я уснула.

Роксанна провела у нас на три недели, но сексом мы с ней больше не занимались. Не то чтобы она мне не нравилась, просто я начала терять к ней интерес. Она продолжала издеваться над Тедом, грубила Венди и Джону (световику, который жил с нами). Мне страшно надоели ее истории про походы по магазинам на Кингс-роуд, про Джимми, который всегда выключает свет, прежде чем раздеться, и про вечно мрачного Эдди. А особенно меня достал ее обожаемый Роджер. К тому же я заметила, что она ни словечком не упоминает музыку, которую играли все эти ребята, а ведь творчество и делало их такими интересными. Разумеется, Роксанна ходила на их концерты, но, похоже, только для того, чтобы потусоваться в гримерке. Будь я группи, я бы так себя не вела. Для меня музыка, которую создает человек, составляет важную часть его самого и его привлекательности. И если мне не интересна музыка, то и артист меня не заводит. Именно поэтому я сходила с ума по Бену — он создавал прекрасные песни. Хотя, если бы я влюбилась в парня, а уже потом услышала его музыку, она бы мне обязательно понравилась. Так или иначе, мне очень хотелось проверить это на себе. А еще больше мне хотелось избавиться от Роксанны, которая начала вести себя совсем уж отвратительно. Я стала постоянно язвить в ее адрес и намекать, что ей пора подыскать хату.

— Роджер даст мне денег уже буквально завтра, — повторяла она. Или: — Роджер совсем скоро заберет меня к себе, вот увидишь.

Однако я ей уже не верила. Если действительно хочешь

вернуть парня, лучше не показывать ему, насколько ты в нем нуждаешься. Впрочем, я сильно сомневалась, что у нее есть хоть малейший шанс: Роджеру явно было не до нее, и я его не виню. Наконец три недели спустя вместо возвращения к Роджеру она переехала к какому-то промоутеру, который предложил ей работу и жилье. Мне такой расклад показался подозрительным, но Роксанна ничего не хотела слышать и без конца щебетала, как она счастлива снова заняться настоящим делом.

— Сколько раз мне почти удавалось пробиться, но потом все срывалось, — сокрушалась она. — Как, например, когда я продюсировала Rainbow People.

«Первый раз о таких слышу», — подумала я. Прежде чем она съехала, мне пришлось выслушать полный набор историй о ее прежних профессиональных неудачах, как будто тут было чем гордиться. Она постоянно сыпала именами неких крупных шишек из музыкального бизнеса, но я слышала их впервые, да и не особенно ей верила. Для меня Роксанна превратилась в обычную неудачницу, у которой есть лишь красивое тело: те, кто с ней переспал, не горели желанием продолжать знакомство.

Впереди ее ждал лишь один путь, и вел он вниз. Впрочем, знакомство с Роксанной все же принесло мне пользу: я могла извлечь важные уроки для себя. Нельзя недооценивать жестокость музыкальной тусовки, и тогда я сумею взлететь выше Роксанны. Возможно, нет смысла пытаться склеить как можно больше музыкантов. Лучше поумерить пыл и параллельно не забывать о собственной карьере, чтобы обеспечить тылы. Не стоит зарываться, пусть все развивается постепенно, а если у меня ничего не выйдет, я всегда смогу вернуться к работе, не потеряв лицо. В любом случае Роксанна мне уже была не нужна. Она сыграла свою роль, и теперь ей пора сваливать, чтобы освободить дорогу для меня.

Глава 4

Однажды ночью я пошла в «The Other Kingdom» слушать Transfer Project — группу, которую собрал Зак Фрэнкс, когда заторчал на кислоте и решил переделать свою предыдущую команду Big Sound Bank. Они тоже отлично справлялись с визуальной составляющей шоу и были чуть ли не первой группой в Англии, которая использовала подвесные проекторы. Цветная кутерьма на заднике сцены и мощный звук буквально сбивали слушателей с ног.

Я болтала с симпатичным невысоким диджеем клуба «The Other Kingdom», у которого была точно такая же стрижка, как у меня, когда заметила, что один из гитаристов The Transfer глазеет на меня. Он стоял у выхода на сцену и самозабвенно поедал огромный сэндвич с ветчиной. Небольшого роста, тощий, он мог похвастать разве что длинным носом. Меня заинтриговал его долгий взгляд, и когда группа начала играть, я удостоила гитариста самым пристальным вниманием. Поскольку я сидела сбоку от сцены, то могла спокойно смотреть на него, зная, что он меня не видит. Мне он понравился: в нем было что-то девичье, возможно за счет кудрявых волос до плеч. Когда он играл соло на гитаре, его изящные тонкие руки, торчащие из рукавов просторной футболки, не на шутку завели меня.

После концерта он пошел в мою сторону, снова уставившись на меня. А потом неожиданно сказал:

— Привет!

— Привет, — ответила я.

— Я Дэйви, — сказал он, и я сразу различила отчетливую интонацию кокни.

— Меня зовут Кэти, — представилась я, не отрывая от него взгляда.

— Ты какая-то грустная, — заметил он, хотя и сам выглядел довольно мрачно.

— Правда?

— Ну да, вид у тебя невеселый.

— Да нет, все нормально.

Пока он соображал, как продолжить разговор, я обратила внимание, какие у него красивые глаза. Вот бы мне такие.

— Может, у меня просто такие естественные черты от рождения, — добавила я.

— Мне это нравится, — сказал он очень серьезным тоном.

— Что именно тебе нравится?

— Твои естественные черты, — повторил он, смакуя слова.

— Они такие и есть, — сказала я.

— Отлично тебя понимаю, — задумчиво улыбнулся он, — у меня та же история.

А я подумала, что не прочь снова с ним увидеться, поэтому решила позвать Дэйви на открытие нового бутика. Он с радостью согласился, и мы назначили встречу.

Дожидаясь, когда он зайдет за мной, чтобы поехать на открытие, я гадала, понравится ли он мне при дневном свете. В клубе он показался мне привлекательным, хотя немного вялым и нескладным. Но когда Дэйви пришел, я снова сочла его красавчиком, хоть и не могла сказать, что в нем такого. И дело не только в том, что он играл в группе. Он был очень хорошо одет, но, хотя вещи явно подбирались со вкусом, он не выглядел чрезмерным модником. Замшевый пиджак дополняли терракотовые брюки и черная обтягивающая футболка, а ботинки, элегантной формы и не слишком новые, смотрелись отлично. Светло-каштановые волосы Дэйви казались нереально мягкими.

Я скрутила пару косяков на дорожку, и мы немного поболтали, пытаясь преодолеть неловкость. Он держался вежливо и искренне, не пытаясь строить из себя загадочную натуру. Никакого романтического отчаяния, как у Бена; на самом деле Дэйви презирал тех, кто разрушает свою жизнь и свое искусство. По его мнению, жизнь следует воспринимать как ценный подарок. Он восхищался самодостаточными и собранными людьми с четкими планами на будущее. С присущим ему прагматизмом Дэйви считал музыку лишь работой, а не волшебным творческим актом. Но с этой работой он справлялся отлично и обожал ее, что мне очень в нем понравилось. Будучи участником одной из самых популярных андерграундных групп того времени, он тем не менее сохранял трезвость мысли, что меня обескураживало. И одновременно восхищало.

Мне было приятно, что в бутике его все узнают в лицо, хотя мы не особенно активно общались с народом, а в основном стояли у стенки, слегка накуренные, и наблюдали за происходящим. В какой-то момент Дэйви обнял меня за талию, и я восприняла его жест как нечто совершенно естественное. Вскоре мы слиняли. После немного натянутого разговора за ужином мы отправились ко мне домой и там постепенно нашли общий язык. Дэйви показался мне очень уверенным в себе и умным, без всяких тараканов в голове. Пока он говорил, его сине-зеленые глаза пристально разглядывали меня, и я гадала, какой он меня видит. К тому моменту, когда мы оказались в постели, я уже не на шутку нервничала. На фоне его уверенности и крутизны я казалась себе неуклюжей и бесполезной. Я была напряжена и почти не

чувствовала возбуждения, а об инициативе вообще речи не шло. И еще меня поразила идеальная форма его гениталий, небольших, но восхитительно симметричных. Я впервые залюбовалась мужским членом.

Во второй раз мы уже приноровились друг к другу и занимались сексом гораздо спокойнее и мягче. Поразительно, сколько сил скрывалось в таком хрупком с виду теле, к тому же Дэйви знал толк в постельных делах. После секса я долго смотрела, как он, слегка согнувшись, лежит на огромной кровати. Затем, положив голову ему на плечо, я вдохнула запах его тела, смешанный со свежим ароматом мыла «Фенджал», которым я и сама пользовалась. Потом я взглянула ему в лицо снизу вверх. Его черты показались мне безупречными, а слегка приоткрытый рот — нежным и чувственным. И тогда я поняла: вот оно. Я влюбилась по уши.

С тех пор он стал часто заглядывать ко мне, иногда неожиданно заруливая часа в три ночи после какого-нибудь концерта. Мы почти никуда не ходили, разве что выбирались поужинать или посмотреть кино. Зато мы очень много времени проводили в постели. Дэйви запросто избавил меня от всех комплексов по поводу секса или моей внешности, и я научилась по-настоящему испытывать удовольствие, что мне раньше ни с кем не удавалось. Ему нравился оральный секс, и тут я старалась вовсю. Дэйви уверял, что я настоящий мастер в этом деле, и, пожалуй, он не ошибался. Для него я была готова на все что угодно. Я проглотила столько его спермы, что даже во время гастролей, когда он уезжал на несколько дней, его вкус оставался у меня во рту. Как-то раз мы говорили о сперме, и я сказала, что у каждого она разная на вкус, а он принялся рассуждать, будет ли его сперма отдавать бананами, если питаться ими целую неделю. Сам он не стремился доставить мне удовольствие языком, но я не обижалась, поскольку такие фокусы больше меня не интересовали. Я обожала его. Мне нравилось часами разглядывать его лицо, пытаясь понять, чем же оно так цепляет. Нос у него был слишком длинный, а глаза — слишком светлые (обычно Дэйви носил контактные линзы на тон темнее), но благодаря невероятно красивым губам и мягким волосам он выглядел настоящим красавцем. У него не было ни малейшего физического изъяна, и он двигался абсолютно свободно как в одежде, так и без нее. Я до умопомрачения любила просто смотреть на него и прикасаться к его к коже.

В сексе его привлекало разнообразие. Однажды ночью он попробовал хлестнуть меня кожаным ремнем, и мне понравилось, потому что это сделал Дэйви, а не кто-нибудь другой. Однако ему

опыт показался не очень интересным, и мы больше к этому не возвращались. По его словам, я пробуждала в нем жестокость, которой он раньше не замечал за собой, но именно это ему во мне очень нравилось. В постели мы перепробовали множество игр. Мы постоянно экспериментировали, изобретая новые позы и соревнуясь, кто придумает самую интересную и удобную. Иногда он входил в меня и мы надолго замирали, просто глядя друг другу в глаза и не шевелясь. Дэйви говорил, что так занимаются любовью йоги. Мы воображали, будто проводим первую ночь вместе или последнюю. Сначала я соблазняла его, а потом он меня, проверяя, сколько каждый из нас сможет продержаться, прежде чем уступит. Я ласкала его, когда мы смотрели телик, чтобы выяснить, успеет ли он кончить, пока идет реклама. Я ублажала себя у него на глазах, а потом смотрела, как он делает то же самое. Иногда мы мастурбировали одновременно наперегонки. Такое я уже проделывала и раньше: мастурбировать меня учил один продвинутый парень, последователь Вильгельма Райха[3], который посещал специальные курсы по его философии и даже построил себе «оргонный аккумулятор», чтобы это ни значило. Согласно учению Райха, оргазм очень важен для формирования энергии человека, и когда этот парень обнаружил, что я не достигаю с ним оргазма, он не на шутку озаботился священной миссией избавления меня от столь тяжелой участи. Неделями он пытался добиться, чтобы я кончила. Мы перепробовали все мыслимые и немыслимые позы и ухищрения, но ничего не помогало — возможно, я слишком старалась. И вот однажды ночью, уже почти отчаявшись достичь успеха, он начал активно массировать мне клитор пальцами. Сначала мне было очень неприятно, но я молча терпела раздражение во имя эксперимента; к тому же перспектива тусклой жизни без плотских наслаждений, нарисованная этим парнем, меня очень печалила. Но вдруг я почувствовала, что все меняется. То ли я расслабилась, то ли он нашел верную точку, но все тело вдруг наполнилось приятной истомой, а мысли улетучились. Меня захлестывали волны удовольствия, я превратилась в сплошную чувственность и чуть не умерла от наслаждения, когда наконец кончила. Задержав дыхание, я растягивала это необыкновенное ощущение, пока буквально не взорвалась изнутри, испытав одновременно целый букет оргазмов, исторгнувших у меня пронзительный стон. Пока я, дрожа, пыталась отдышаться, мой парень решил немедленно повторить опыт, намереваясь убедиться, что результат не был случайностью. Он убеждал меня на сей раз обойтись своими силами, но я наотрез отказалась, потому что раньше никогда себя не ублажала и считала это занятие постыдным. Однако

искушение повторить те сказочные ощущения оказалось сильнее, и через некоторое время я все-таки попробовала мастурбировать в одиночку. Очень скоро я полностью овладела этим искусством и при любой возможности запиралась у себя в комнате, чтобы доставить себе удовольствие, в котором и правда было нечто целительное, как и обещал тот парень. Я настолько увлеклась этим, что отшила всех своих любовников, даже того, который меня всему и научил. Мне хотелось остаться наедине с собой. Но когда первая горячка прошла и я насытилась новым опытом, то радовалась лишь тому, что кожа у меня не покрылась оспинами и чешуей, а нос не отвалился, потому что в глубине души я верила страшилкам, которыми пугают подростков. Чего вы хотите, мы было всего пятнадцать.

Мне все еще не удавалось достичь оргазма классическим путем, хотя многие девушки уверяют, что у них все получилось с первого раза. Иногда я кончала, когда парень меня вылизывал, но только если он умел делать это как следует. К счастью, попадались и умельцы, но их было немного, а учить мне никого не хотелось. Я не говорю, что совсем не получала радости от секса. Мне нравился физический контакт, я любила и умела доставлять удовольствие. Когда удается довести партнера до вершин наслаждения, это настоящий творческий акт, но мне требуется немало времени, чтобы добиться совместимости в сексе. Я знаю, что не фригидна, но знаю и свой предел. Если парень требует секса каждую ночь, занятия любовью превращаются в механический процесс, который начисто убивает всякое желание. Но мне вечно не хватало смелости признаться в этом, и когда парни начинали настаивать на том, чтобы доставить мне удовольствие, я в ответ только напрягалась, поскольку обычно они лишь хотели потешить свое самолюбие. Большинство парней считают оргазм подружки делом чести и дико обламываются, если не удается кончить одновременно с партнершей. А мне нужен был тот, кто действительно хотел меня понять и прочувствовать. Дэйви таким и оказался. С беспощадной честностью он пытался докопаться до истины и вынудить меня к полной откровенности. Редкий случай, чтобы парень вообще расспрашивал о таких вещах, и я впервые настолько сблизилась с любимым.

Сначала я стеснялась рассказывать о своих ощущениях, но Дэйви такие разговоры по-настоящему возбуждали, и я научилась прислушиваться к себе и откровенно обсуждать любые вопросы. Как-то мы целую неделю не занимались сексом, а только мастурбировали и делились своими впечатлениями.

Мы вообще очень много разговаривали. Говорили о

духовности, о Гурджиеве[4] и реинкарнации, о переселении душ и нирване. Я мало что смыслила в таких материях, к тому же в то время ходило множество теорий подобного толка, но речи Дэйви казались мне вполне убедительными. Иногда он обижался на меня, упрекая, что я не воспринимаю его слова о душах всерьез, но я не смеялась над ним, меня просто удивляла его увлеченность. Он считал, что единственный правильный вид трипа — следовать плану, изложенному в книге Тимоти Лири «Психоделический опыт», и двигаться от одной фазы к другой. Если делать все правильно, то в какой-то момент тебя ослепит «белый свет» самопознания. Этот опыт сотрет всю лишнюю информацию и отправит тело и душу во вселенский поток жизни. Я припомнила, что во время нескольких трипов у меня действительно было ощущение, что я покинула тело, но никакого «белого света» я не замечала, на что Дэйви заявил, что я ни разу не триповала правильно.

Поэтому мы решили принять кислоту вместе. Наш эксперимент напоминал торжественное действо: Дэйви впал в транс и зачитывал главы из «Психоделического опыта» в попытке максимально раскрыть свое сознание, но мне никак не удавалось сосредоточиться. Отвлекали изгибающиеся стены и яркие мерцающие цвета, а восторженный голос Дэйви казался чужим и неприятным. В голове теснилось множество важных мыслей, но я не могла подобрать слова, чтобы озвучить свои идеи. Дэйви предупредил, что у меня могут начаться кошмары наяву, но обычно со мной такого не бывает, это не моя тема. Скрытые невротики — вот кто главный кандидат на кислотные «измены». Наркотик ослабляет их защиту, и в сознание врываются те самые ужасы, о которых в реальной жизни они боятся даже думать; глубоко запрятанные страхи начинают пожирать их изнутри. По-моему, мы очень долго обсуждали этот вопрос, хотя кто знает — во время прихода время течет иначе, и мы даже успели поругаться, в мгновение ока перейдя от страстной любви к жесточайшей ненависти. Дэйви злился, что я будто бы мешаю ему сосредоточиться на поиске «белого света». По его словам, приход — это ритуал, а не развлечение и те, кто просто ходит тусоваться в кислоте, вообще не понимают, что к чему. Врожденный перфекционизм проявлялся у Дэйви во всем, и даже кислотные трипы он стремился довести до совершенства. Так или иначе, в конце концов он добился желаемого и воздел руки в знак приветствия «белого света». Ему было совершенно наплевать, что с него внезапно сползли штаны, потому что сознание Дэйви уже растворилось в потоке всего и вся, и я знала, каково это. В целом, трип получился крутой, и после него мы стали близки как

никогда.

Чтобы впечатлить Дэйви, я решила собраться с мыслями и найти работу. Он очень любил выражение «собраться» и ненавидел «несобранных» девиц, не давая им никаких поблажек. Благодаря контактам, которые остались у меня со времен службы в газете, я смогла получить заказ на статью о модных хиппи-бутиках, как их тогда называли. Мне даже не пришлось особенно утруждаться, потому что в основном заметка состояла из фотографий, однако она очень впечатлила Дэйви. Пока я печатала на машинке, он сходил за своим ситаром и сел подыгрывать мне, чтобы добавить вдохновения. Он обрадовался еще больше, когда я получила работу на недельном фестивале поп-музыки в Риме. В мои обязанности входило написание и редактирование статей, которые печатались в еженедельной газете во время подготовки к фестивалю. В результате я могла постоянно общаться с клевыми артистами и прочими важными персонами.

Но вскоре фестиваль столкнулся с финансовыми проблемами — неделя превратилась в четыре дня, вместо пятидесяти групп в программе осталось только двадцать, а мне пришлось переключиться на техническую работу и компоновать усилители и прочее оборудование под нужды каждого исполнителя. Перед началом работы я не отличила бы электроорган «Farfisa» от утиной гузки, но довольно быстро всему научилась. Если я чего-нибудь не знала, то просто притворялась, что все в порядке, и спешно пыталась исправить положение. Я научилась сносно врать, и организаторы считали меня незаменимой, когда надо было успокоить расшатанные нервы обманутых инвесторов. Иногда Дэйви сопровождал меня в беготне по агентствам, и когда мне удавалось выбить необходимые условия, он гордился моим умением улаживать вопросы с жесткими и опытными организаторами.

Глава 5

Чем больше я влюблялась в Дэйви, тем сильнее попадала в зависимость от него, и комплексы начали потихоньку возвращаться. Мне не верилось, что его чувства ко мне столь же сильны, и поэтому я постоянно боялась, что он найдет себе другую. Меня мучили параноидальные видения, как на гастролях он цепляет юных фанаток, ведь прямым текстом он ни разу не обещал мне хранить верность. Как только он отправлялся на выездные выступления, я начинала ревновать и злиться. Его мои подозрения раздражали — он требовал от меня уверенности в себе, — но от этого было только хуже, потому что я не могла справиться с собой. В итоге Дэйви стал всерьез расстраиваться из-за моего недоверия, и безоблачное счастье первых месяцев наших отношений сменилось ссорами. Он критиковал мое поведение и жаловался, что чувствует себя виноватым, если не проводит со мной каждый вечер, хотя никакой настоящей вины за ним нет, ведь он любит меня и собирается в скором времени найти для нас общее жилье. Я понимала, что нужно успокоиться, чтобы все снова наладилось, и даже пыталась обуздать свою ревность, но ничего не получалось. Я без конца делилась с Дэйви своими переживаниями, и он все меньше верил в мою искреннюю любовь.

Походы на концерты с Дэйви тоже не особо помогали. У них выступления проходили иначе, чем у The Satin, — The Transfer не тусовались и не переодевались в концертные костюмы, для них это была просто работа, и Дэйви никак не мог понять, почему я стремлюсь его сопровождать. Однако он старался угодить мне и приглашал почти на все местные выступления. Во время шоу я стояла у сцены и слушала, как фанатки обсуждают музыкантов, и больше всего внимания, конечно же, уделялось именно моему парню, отчего я совсем падала духом. Нет, разумеется, я гордилась его притягательностью, но одновременно меня напрягало, что чужие девицы болтают о нем, как о призовом жеребце. «Он мой», — мрачно думала я. Вне сцены я старалась не отставать от него ни на секунду, чтобы все видели: я его девушка. Но Дэйви дорожил своими поклонниками и попросил меня не демонстрировать так очевидно, что мы вместе. Поэтому мне часто приходилось в одиночестве сидеть в углу гримерки, пока он болтал с фанатами и раздавал автографы. А потом произошло событие, из-за которого все действительно изменилось.

Группа Дэйви, The Transfer, была очень популярна в лондонской андерграундной тусовке, но не гребла миллионы и не так уж часто получала приглашение выступить в других городах.

И однажды Зака Фрэнкса, лидера The Transfer, позвал к себе Дэн Кейси, чья группа The Savage собиралась в большой американский тур. Зак сначала отказывался, но Дэн продолжал настаивать, и в итоге Фрэнкс уступил, что означало конец The Transfer. Как бы ни нравилась Заку музыка собственной группы, перспектива путешествий и заработка оказалось привлекательнее скромного успеха The Transfer. Без Фрэнкса группа не имела смысла. Все сходили с ума от его игры на органе, а эпатажное поведение на сцене приводило публику в экстаз. Заменить его было просто невозможно, поэтому команду ждал неминуемый распад, и вся тусовка горевала и злилась, что провинциальная публика вовремя не оценила такую крутую музыку.

Так или иначе, через несколько недель Дэйви предстояло лишиться работы. Он начал с беспокойством говорить о будущем. Второсортные группы наперебой звали его к себе, но он всем отказывал. Как он считал, надо либо играть за большие деньги и ездить в мировые туры, либо присоединиться к группе, с которой интересно создавать музыку. Скоро должны были вернуться с больших гастролей по США The Dream Battery, которые полностью соответствовали его требованиям. Кроме того, он был дружен с участниками группы, поэтому решил дождаться их приезда и предложить свои услуги. Но его мучили мрачные мысли и неуверенность в себе; он даже подумывал о том, чтобы сбежать на далекий остров Малый Тобаго, о котором он мечтал с тех пор, как посмотрел фильм «Швейцарская семья Робинзонов». Перспектива его возможного отъезда приводила меня в ужас, и мы все чаще ссорились, вместо того чтобы помочь друг другу.

Мало того, фестиваль в Риме стал настоящим фиаско. Американцы, которые должны были все подготовить и установить оборудование, хвалились впечатляющими контрактами и миллионными сделками, но на деле оказались кучкой бесполезных придурков. Начались бесконечные судебные разбирательства, огромные деньги уходили в никуда, и вся затея в целом окончилась провалом. Мне было очень обидно, потому что из такой прекрасной идеи мог получиться отличный фестиваль, который принес бы уйму денег. Сами посудите: огромный стадион на 18 000 человек, музыка нон-стоп на протяжении недели от исполнителей со всего земного шара! На такое событие отовсюду слетелись бы целые толпы. Туда даже планировалось привезти музыкальную тусовку с Западного побережья США, но в итоге впечатляющий замысел сошел на нет. Все причастные к фестивалю чувствовали себя отвратительно, ведь поначалу мы рассчитывали провести крутое мероприятие, которым можно было бы гордиться. Я даже не поехала в Рим.

Билет, который мне купили, я перепродала Венди, потому что не хотела бросать Дэйви одного, когда он только и скулил о скором отъезде.

Когда The Dream Battery вернулись в Лондон, Дэйви собрался с силами и отправился на переговоры. Домой он вернулся крайне довольный:

— Я буду играть с The Dream Battery!

Сердце у меня упало прямиком в пятки дорогих туфель.

— Отлично, Дэйви, — сказала я.

— Мы едем в тур по Штатам.

Видимо, все эмоции были написаны у меня на лице, потому что он подошел и обнял меня, пытаясь утешить.

— Детка, — уговаривал он, — не расстраивай меня. Давай лучше вместе порадуемся.

— Я радуюсь.

— Не обманывай, ты совсем не рада.

— И когда ты уезжаешь? — спросила я в отчаянии.

Он отпустил меня и повалился на кровать:

— Где-то через месяц.

— Месяц? — зачем-то переспросила я.

— Ты совершенно не рада за меня, и это просто свинство. Ты же знаешь, что для меня открываются отличные возможности!

Он был прав. Я действительно знала, что к тому дело и идет, и даже пыталась морально подготовиться, но, как справедливо заметил Дэйви, чувствовала только тоску. Как я могла радоваться его скорому отъезду? Обещания хранить верность или фразы типа «Я буду писать» или «Когда я вернусь, все будет по-прежнему» вряд ли сработали бы. Конечно, мы могли дать целую кучу обещаний, но они прозвучали бы фальшиво, а мы с Дэйви всегда были предельно честны друг с другом.

Прошли две мрачные недели, прежде чем я смогла наконец взять себя в руки. Дэйви постоянно злился, что я не могу искренне порадоваться за него, и стал проводить много времени у себя, объясняя свое затворничество необходимостью подумать. Я же начала всячески самоутверждаться — например, одеваясь по собственному вкусу. Дэйви очень не нравилось, когда я носила длинные платья и всякие нелепые наряды: он настаивал на неприлично коротких юбках, потому что ему нравились женские ножки. Если уж тебе достались красивые ноги, поучал он меня, их можно и нужно демонстрировать по максимуму. Когда Дэйви начал репетировать с The Battery, я так ни разу и не появилась у них в студии, хотя он меня приглашал и мне очень хотелось пойти. Я даже разговаривать с ним стала по-другому. Больше всего мне хотелось дать ему понять, что я не пропаду без него. Я

должна была показать, что готова спокойно принять его отъезд. Полугодовая поездка в Америку могла стать для него пропуском в новую жизнь. И если уж мы решили, что у нас есть совместное будущее, то мне тоже нужно двигаться вперед в соответствующем темпе. Благодаря фестивалю в Риме у меня появилось немало полезных контактов, и я решила задействовать некоторые из них для поиска новой работы. Дэйви, конечно, замечал изменения, которые во мне происходили, но ничего не говорил, потому что и сам без слов понимал, с чего я вдруг взялась за ум и стала искать новые пути развития. Он как-то признался, что ему будет приятно уезжать не с воспоминаниями о наших ссорах, а с мыслью, что я занимаюсь делом и стремлюсь к лучшей жизни. Мы договорились постоянно писать друг другу и посмотреть, что из этого выйдет. Но если уж говорить честно, несмотря на показное спокойствие, в глубине души я чувствовала полное опустошение, ведь Дэйви меня попросту бросал. Когда он уедет, думалось мне, я успокоюсь и начну все заново с другим парнем, но пока он еще оставался рядом, и мне было хорошо с ним. Когда я ходила куда-нибудь одна, ко мне несколько раз подкатывали, но я всех отшивала. И все же я сомневалась, что смогу устоять, если меня начнет клеить по-настоящему крутой парень.

Примерно так обстояли дела, пока я не связалась с одним предприимчивым чуваком из «Fund Agency». Его звали Пэт Блессинг. Ему было около тридцати, и он болтал на кокни. Когда-то он уже предлагал мне работу, пока я еще занималась делами фестиваля, и теперь я решила снова заглянуть в агентство, чтобы узнать, в силе ли его предложение. Поначалу я не решалась с ним встретиться, потому что заметила, что он положил на меня глаз, и не хотела облажаться, ведь он был знаком со многими друзьями Дэйви. Однако Пэт мог мне очень пригодиться, и я уже была готова на все, лишь бы получить должность его ассистента и неплохую зарплату.

Офис агентства находился в Вест-Энде. «Fund Agency» занимало шесть комнат, где постоянно толпились музыканты и их менеджеры, разнообразные техники и звукорежиссеры, а также агенты артистов и продюсеры. Они галлонами пили кофе, наигрывали разную музыку и постоянно висели на телефонах в атмосфере безумного творческого хаоса. Пэт принял меня в своем роскошном кабинете. На полулежал золотистый ковер, вдоль стены стоял огромный диван, а возле прямоугольного стола, в поверхность которого было встроено какое-то хитроумное звуковое оборудование, высились две гигантские колонки. На стенах поверх изысканных обоев Уильяма Морриса[5] висели серебряные и золотые диски в рамках.

Пэт в крутых темных очках медленно крутился в своем огромном директорском кресле. Я уселась на диван, пока он заказывал нам кофе через интерком. В ожидании кофе мы успели немного поговорить, и он, кажется, начал понимать, что я за человек. Он хотел, чтобы я скорее принялась за работу, однако решение в первую очередь зависело от владельца агентства, который в тот момент находился в Америке, но собирался вскоре вернуться. Пэт заверил меня, что волноваться не о чем и все будет круто. Потом он как-то перескочил на разговор о сексе и стал очень прямо рассказывать о своих предпочтениях. Я спокойно поддержала беседу, попивая кофе и периодически затягиваясь ментоловой сигаретой. Он явно расслабился и устроился в кресле поудобнее, задумчиво уставившись в потолок.

— Я никогда не сплю с девчонками вроде тебя, — сообщил он.

— Никогда бы не подумала, — откликнулась я, немало удивившись.

— Чистая правда. — Он серьезно глянул на меня. — Я бы с удовольствием, но нет.

— Почему?

— Ну, есть причины, неужели ты сама не понимаешь? — Он пожал плечами.

— Честно говоря, без понятия.

— Да ничего сложного: все эти дети цветов заражены сифилисом или еще чем-нибудь в том же духе. Заранее не угадаешь, во что они уже успели вляпаться, — пояснил он, пристально глядя на меня.

— Ну, это риск, на который приходится идти, — возразила я. — К тому же кто их заражает? И хватит на меня так пялиться.

— Не готов я рисковать, — буркнул он.

— Я, например, никогда ничем не болела.

— Да я не к тому, — поспешно заметил он.

— Я тоже, — сказала я.

— В общем, я не трахаюсь с девицами направо и налево, — продолжил Пэт, — но иногда вовсе не против минета.

Я промолчала.

— Ты сосешь, Кэти? — напрямую спросил Пэт.

— Конечно. — Я не видела особых причин врать о своих привычках в сексе, пусть даже малознакомому человеку. Мне показалось, что честность тут сыграет мне на руку.

— Для меня минет без секса — самое то, — заявил он.

Я заверила, что отлично его понимаю.

— Да, — продолжал Пэт, — так можно сохранять необходимую дистанцию,

— Зачастую это очень правильно, — поддержала я.

— Я был бы не против, если бы ты мне отсосала, — задумчиво изрек он.

Я снова промолчала, а он поморщился и продолжил глядеть в потолок. После небольшой паузы я сделала еще один глоток остывшего кофе. Этот звук заставил его снова обратить внимание на меня.

— Давай я сделаю тебе массаж, — предложил он.

Мне не хотелось обижать его отказом, к тому же я любила массаж, поэтому спокойно согласилась. Пэт поднялся с кресла, уложил меня лицом вниз на диване и принялся разминать шею и плечи. Затем он попросил меня расстегнуть блузку, чтобы добраться до кожи. Он прекрасно управлялся с делом, и я начала возбуждаться. Чтобы отблагодарить за массаж, я сделала ему минет. Пэт остался очень доволен и попросил зайти к нему снова через несколько дней. Он очень надеялся, что ему удастся устроить меня на работу, потому что такая славная девушка, которая к тому же умеет держать язык за зубами, ему очень пригодилась бы.

— Не то чтобы я боюсь, что кто-нибудь узнает, но ведь нам не нужна огласка, верно? — улыбнулся Пэт, а потом кивком указал мне на дверь, и мы попрощались.

В фойе я встретила музыканта из Ghost Engine, и пока он распинался по поводу их последнего альбома, я заметила, что из-за полуоткрытой двери одного из кабинетов на меня глазеет человек с худощавым лицом. Я спросила секретаршу, кто это, но не успела получить ответ, потому что зазвонил интерком и я услышала, как она говорит:

— Да, Рэй, хорошо, отправляю ее к тебе. — Секретарша повернулась ко мне: — Это Рэй, он просит тебя зайти к нему.

— Что еще за Рэй? — спросила я.

Я решила, что это и есть тот парень за дверью, и в подтверждение моей догадки секретарша кивнула в сторону его кабинета.

— И кто он такой? — поинтересовалась я. — Не припомню, чтобы видела его тут раньше.

— Рэй Лоурел, — пояснила секретарша, — наш новый пресс-агент.

— И что ему надо? — с подозрением спросила я.

— А мне почем знать. — Девица безмятежно улыбнулась. — Он приглашает тебя на кофе с печеньем.

— Вот как? Тогда я зайду, пожалуй. Обожаю кофе с печеньем, — ответила я и повернулась к парню из Ghost Engine: — До скорого!

Нос у тощего Рэя казался настолько острым, что им впору было бурить нефтяные скважины. Метнувшись в мою сторону, он короткими угловатыми перебежками пересек кабинет и проводил меня к столу, усадив напротив себя. Обещанный кофе с печеньем немедленно оказался прямо передо мной. Кабинет напоминал тот, в котором работал Пэт, только здесь вместо пластинок на стенах висели глянцевые фотографии Рэя с разнообразными знаменитостями и акулами шоу-бизнеса на всяких важных мероприятиях. Сам он тем временем уселся в кресло и принялся нервно раскачиваться.

— Скажи-ка мне, Кэти, — начал он, — а чего Пэт от тебя хотел?

— Так, рабочие дела, — ответила я осторожно.

— Не говори глупостей, милая, — раздраженно бросил Рэй. — Он же про меня говорил, верно?

— Нет.

— Не бойся, я все знаю. Наверняка Пэт старался меня опустить, так ведь?

— Слушай, — прервала его я, — мы с тобой даже не знакомы, с чего бы Пэту говорить со мной о тебе?

— Неужели ты не понимаешь? — воскликнул он в отчаянии. — От него можно ждать чего угодно. Я ведь тут новенький… Конкуренция и все такое, ясно?

— Пэт вообще тебя не упоминал.

— Он пытался к тебе приставать? — спросил он обеспокоенно.

— Ты бы лучше не лез не в свое дело, — беззлобно посоветовала я.

— Он велел тебе держаться от меня подальше?

— С чего бы?

— Да он постоянно так делает — запрещает девицам общаться со мной.

— Что ж, мне он ничего такого не говорил.

Рэй перестал елозить в кресле и уныло замолчал. Он настолько распереживался, что было тяжко смотреть.

— Хватит дурью маяться, — решила я его подбодрить. — Он вообще ничего о тебе не говорил.

Рэй снова вскочил и начал нервно расхаживать по кабинету.

— Я не собираюсь терпеть все эти заговоры против меня. Пусть лучше не усугубляют, или я свалю и уведу с собой всех своих знакомых. И что они тогда будут делать без меня, интересно? — Он замолчал и уставился на меня горящими глазами. — Классные у тебя буфера.

Я с удивлением глянула на себя, пытаясь понять, как ему

удалось хоть что-то разглядеть под свободной жилеткой.

— Ты так считаешь?

— Еще бы, — ответил он возбужденно.

— Почемуты их так называешь? Звучит как-то непривычно, — сказала я.

— Ну вот так я говорю, — ответил он. — Скажи, он тебе лизал?

— Не твое дело, — отрезала я.

— Или ты ему сосала?

— Говорю же, не лезь, — стояла я на своем.

— Ты вообще сосешь? — спросил он.

— Да.

— Хочешь, я тебе отлижу? — предложил Рэй, вздернув острый нос.

— Нет, — сказала я.

— А ты мне отсосешь?

— С какой радости? — удивилась я.

— Ну ему же ты сосала?

— Да хватит уже! — возмутилась я и дернулась в сторону двери.

— Ну ладно, — сказал он, расстегивая ширинку, и улыбнулся с довольным видом: — А вот и он. Давай-ка посмотрим, на что ты способна.

— А ну-ка убери свое хозяйство, — поежилась я. — Вдруг кто-нибудь войдет. — Мне стало неловко, ведь дверь была открыта.

Но Рэй и ухом не повел. Он в недоумении уставился вниз и переспросил:

— Что убрать? Вот это?

— Уж будь любезен, — кивнула я.

Рэй обиженно бросил:

— А вот Пэту ты не предлагала убрать хозяйство.

— Но и не просила вытаскивать.

— То есть ты сама его вытащила?

Я снова промолчала в ответ. Его эрекция привлекала внимание, и мне сложно было отвести взгляд от его члена.

— Посмотри, до чего ты меня довела, — пожаловался Рэй. — И почему ты упираешься?

— А почему я должна соглашаться?

— Ему-то ты не отказала.

— Он тут начальник, — бросила я и вышла из кабинета.

Я продолжала иногда заглядывать в офис «Fund Agency», уже не питая особых иллюзий насчет работы, но понимая, что для будущей карьеры полезно еще немного помелькать перед глазами важных шишек. Рэй больше ни разу ко мне не приставал, а вот

Пэт периодически требовал, чтобы я ему сосала. Соглашалась я без всякого удовольствия, воспринимая отсос как необходимую меру для достижения своих целей. Мне нравилось тусоваться в агентстве, к тому же там частенько перепадали всяческие блага от работодателей: меня возили домой на машине, дарили пластинки и постеры, кормили, холили и лелеяли. Возвращаясь к Дэйви, я спокойно смотрела ему в глаза безо всякого стыда, потому что в минете начальнику нет ничего личного. Ведь я никогда не стала бы целоваться с Пэтом или держаться за руки. Единственное, что меня беспокоило, — перспектива растолстеть от всей той спермы, которую приходилось глотать.

Глава 6

Дэйви должен был уехать со дня на день, хотя у них случилась небольшая заминка с визами. К тому же он переехал в Далвич к одному из музыкантов, чтобы иметь возможность постоянно репетировать. Теперь он все время был занят, и я чувствовала себя брошенной. Мне не нравилось сидеть одной, и соседи по квартире не особенно спасали от одиночества. В то время мой сосед Джон помогал кому-то из молодых приятелей-музыкантов создавать световое шоу, а другой сосед, Тед, постоянно где-то бегал, пытаясь продвинуть свою группу. Венди влюбилась в барабанщика и почти сутками пропадала с ним, так что дома я обычно оставалась одна. Целыми днями я изводила себя мыслями о скором отъезде Дэйви: с одной стороны, я злилась, что он меня покидает, но с другой — хотела, чтобы он уже поскорее свалил и оставил меня в покое, хотя я совершенно не представляла, что делать дальше.

Для начала я решила наведаться к своему бывшему парню Тео, писателю, и узнать, как у него дела. Он жил в фантастической хате в Кенсингтоне, где постоянно гостила вся литературная элита и полуэлита Лондона. Годом раньше Тео сколотил целое состояние, выпустив свою первую книгу, и сразу переехал в шикарный особняк с балконами, коврами и всякими объектами искусства. Вместе с ним там обитали Джонни и Марк — двое его старинных друзей, вместе с которыми он работал и тусовался. Я довольно близко дружила с Джонни, который тоже был писателем, но дальше дружбы у нас с ним дело не заходило. А со вторым соседом, Марком, я когда-то встречалась, но очень давно. Он писал стихи и теперь жил с высокой блондинкой-американкой, которую обычно называл БГ, или Блондинка-Гигант, если полностью. Тео я знала давно и близко, но с ним всегда было довольно тяжело поддерживать дружеские отношения из-за его раздутого эго. Не успей я изучить Тео как следует, сочла бы довольно неприятным типом. Вообще все трое ребят были очень разными. Каждый казался мне по-своему талантливым, и они отлично ладили, дополняя друг друга, что позволяло им держаться особняком в писательских кругах. Если бы не крепкая дружба, даже не представляю, как они справились бы с напряжением и паранойей, которые рано или поздно обязательно возникли бы у таких разных и своеобразных личностей, живущих под одной крышей и постоянно употребляющих наркотики.

Однако было абсолютно очевидно, кто у них главный. Тео

зарабатывал больше всех, поскольку писал еще и сценарии для фильмов. Он без возражений взял на себя ответственность за все «семейство», как он ласково называл их троицу: доставал деньги, платил за жилье и позволял друзьям греться в лучах своей славы. Мне не очень-то хотелось лезть в их компанию, но все-таки я решила попытать счастья.

Тео и Джонни одобрили мой переезд к ним, потому что считали меня крутой, да и БГ не помешала бы помощь в приготовлении чая и уборке после посиделок. Джонни собирался уехать куда-то на долгий срок и предложил мне пожить в его огромной комнате. А пока меня поселили в небольшой спальне с цветным теликом, откуда как раз съезжали двое протеже Тео. Один из них был гениальным инженером и мог сделать совершенно фантастические штуки из проводов и телефонов. Сейчас он мастерил на кухне компьютер, который якобы сможет прогнозировать результаты лошадиных скачек, стоимость акций на рынке ценных бумаг и прочие полезные вещи. Тео уговорил одного молодого миллионера вложить деньги в своего приятеля, но гению приходилось делить пространство кухни со вторым протеже, который сидел на амфетаминах и с виду напоминал толкиеновского хоббита. Он изобретал световые приборы. Казалось, речь у него не поспевает за мыслями, поскольку никто не мог понять, о чем он говорит. Двое гениев невероятно ревновали друг к другу, постоянно препирались и вели настоящие войны за кухонную территорию, устраивая подрывные акции, стоило одному из них отлучиться. В итоге стало понятно, что их необходимо расселить, иначе дело закончится плачевно. Так что я подвернулась в самый подходящий момент.

Я сообщила Дэйви о своих планах, и он был одновременно впечатлен и обижен. Так или иначе, я решила временно пересдать свою комнату в Квинс-Гарденс начинающему музыканту, потому что мне не хотелось совсем ее терять — вдруг мне захочется вернуться к прежней компании. Но пока я планировала пожить у Тео и подождать, не подвернется ли что-нибудь интересное. К Тео ходило множество гостей, но была одна загвоздка: он ненавидел поп-музыкантов. Разве что за исключением Beatles и Rolling Stones, потому что они, по его мнению, обладали настоящей властью, а не просто эксплуатировали сексуальную энергию, как группы рангом пониже. Так что я не надеялась познакомиться у Тео с кем-то из музыкантов, но решила, что это даже к лучшему: после расставания с Дэйви смена обстановки пойдет мне только на пользу.

Первую неделю после переезда я обитала в комнате Тео, который на это время уехал погостить к каким-то важным

чувакам в Швецию. У него в спальне стояла огромная антикварная кровать из поеденного жучком дерева, которая занимала большую часть поверхности пола, покрытого белым пушистым ковром. Черное постельное белье контрастировало с белым меховым покрывалом. На стенах, тоже белых, висело несметное количество старинных зеркал. Джонни еще не уехал и в тот момент завел небольшую интрижку с девицей по имени Мара, которая мечтала стать танцовщицей и разгуливала по дому с голым животом и обтянутой черным трико задницей. Голос у нее был громкий и пронзительный, с аристократическими нотками, и это было особенно нелепо, если учесть, что папаша-дипломат всего пять лет назад привез ее в Британию из восточноевропейского захолустья. Тео терпеть не мог Мару, потому что она его отвергла, а теперь, судя по всему, она постепенно начала сводить с ума и Джонни.

Перед отъездом Дэйви мы решили в последний раз сходить куда-нибудь вместе. Отправляясь в кино на фильм «2001», мы закинулись настойкой каннабиса, чтобы как следует улететь. Выйдя из кинотеатра, мы даже разговаривать толком не могли и за ужином молча ели друг напротив друга. Вернувшись к Тео, мы еще сильнее накурились, будто стараясь во что бы то ни стало начисто стереть воспоминания о последних часах вместе. Дэйви смущала атмосфера гедонизма, царившая в квартире Тео, и он держался скованно. По его мнению, меня тоже начала затягивать праздность.

— Не все ли тебе равно, — возразила я, — если ты в любом случае скоро уезжаешь.

— Нет, мне не все равно, — ответил он и попросил меня не забывать о работе.

Я заверила его, что переезд в Бэйсуотер и смена обстановки как раз и станут первым шагом на пути к новой карьере. Мне отлично удавалось сохранять спокойствие и некоторую отрешенность. Я хотела показать ему, что не собираюсь целыми днями рыдать и валяться в депрессии по поводу его отъезда. Сумев справиться с первоначальным шоком, я уже не заботилась о том, как он воспримет мои слова и действия.

Мы занимались сексом и смотрели на свое отражение в зеркалах. Я была настолько не в себе, что мне порой казалось, будто я наблюдаю за незнакомцами в порнофильме. Я видела, как Дэйви раздувает ноздри — точно так же, как во время игры на гитаре. В очередной раз восхитившись его стройным телом, я наслаждалась возможностью наблюдать со стороны, как его член входит в меня. Разглядывая свое отражение, я принимала самые выигрышные позы и старалась изобразить выражение

сексуального экстаза, а потом наши с Дэйви взгляды встречались в зеркале. Мы так долго были вместе и столько всего пережили, что сейчас рассудок полностью отключился, предоставив действовать телу. Глубоко внутри меня волной поднималось наслаждение, сознание еле теплилось; я закрыла глаза и двигалась инстинктивно, будто вознесясь над собой. В какой-то момент Дэйви спросил меня, почему я плачу, а я даже не плакала, о чем и сказала ему, но он вдруг стал очень нежным и принялся целовать мне глаза и губы. Потом время будто остановилось и я уже не могла понять, кто из нас отражается в зеркале. Не знаю, кто кончил первым, но это уже не имело значения, потому что я вновь вернулась в собственное тело. Лежа на спине с открытыми глазами, я разглядывала наши отражения, которые казались причудливыми галлюцинациями. Делая Дэйви минет, я заметила, что в зеркале это выглядит странно и неестественно.

Когда все кончилось, мы немного поговорили, и мне показалось, что Дэйви разочарован тем, с каким спокойствием я воспринимаю его отъезд, несмотря на недавние упреки и скандалы. Видимо, он рассчитывал на слезы и причитания, но я их уже израсходовала без остатка. Мне часто не удается заплакать вовремя, слезы начинаются позже, когда рядом уже нет того, кто послужил их причиной. Когда на следующее утро мы с Дэйви нежно обнялись на прощанье, я все еще сохраняла спокойствие. Я знала, что буду по нему скучать, но мне уже удалось справиться с горем. Недели ожидания отъезда превратились в настоящую агонию, и сейчас я даже испытывала своего рода облегчение. Когда Дэйви вернется, нам придется вернуться к истокам и начать с чистого листа, и я буду готова к встрече.

Глава 7

Пару дней спустя Мара пригласила меня в «The Joint», куда часто ходила без Джонни. Она надеялась познакомиться там с продюсерами и другими полезными людьми, которые могли бы продвинуть ее танцевальную карьеру. Я давно не бывала в этом клубе, и перспектива повидаться с кучей классных музыкантов меня очень вдохновила.

Я решила для себя, что будет полезно выйти в люди, к тому же меня до сих пор привлекали знакомства в музыкальной сфере. Поэтому я постаралась принарядиться и выбрала короткое японское кимоно с длинными широкими рукавами, заколов его брошью, а вниз надела крошечные ситцевые шорты. Когда полы кимоно распахивались, получалось очень сексуально.

В общем, мы добрались до «The Joint», но поскольку было воскресенье, я не встретила никого из знакомой мне музыкальной тусовки. Мара оделась очень вызывающе. На ней были обтягивающие шелковые штаны, которые так низко сидели на бедрах, что еле прикрывали лобок. Выше шло голое тело до самых сисек, которые она кое-как впихнула в малюсенький топ-безрукавку из разноцветной тесьмы и пайеток. Она сидела рядом со мной, раскачиваясь под музыку, а ее груди, казалось, жили своей обособленной жизнью, и от них невозможно было скрыться или отвести взгляд.

В этот вечер выступали Jubal Early Blowback, о которых я уже слышала, потому что их приглашали выступить на фестивале в Риме, но они там так и не сыграли из-за отмены концертов в самый последний момент. Пока участники выставляли оборудование на сцене, я обратила внимание на парня с усами. У него было интересное лицо типичного блюзовика. Такие ребята радикально отличаются от привычных поп-артистов. У них вечно немытые волосы, огромные обвислые усы и непонятные шмотки. Jubal как раз и были классическими блюзовиками. Раньше я ни разу не видела, поэтому стала гадать, не тот ли усатый парень, на которого я смотрела, возглавляет группу. Оказалось, что он играет на басу, а их лидер, Джубал Эрли, сидит за ударными. Они начали выступление, и музыка мне понравилась. Усатый басист казался мне очень симпатичным, хотя они все были с усами и симпатичные, кроме разве что самого Джубала Эрли, который выглядел так себе, зато отлично играл на барабанах. Их смешной маленький вокалист Гектор пел хриплым проникновенным голосом, стоя за органом. У него в волосах уже проглядывала седина, но смотрелся он неплохо. Гитарист в пиджаке из змеиной

кожи выглядел довольно привлекательно, но басист по имени Макс мне все-таки нравился больше остальных, поэтому я решила глазеть на него весь концерт.

Мы сидели за столиком совсем близко от сцены, так что я уставилась на Макса, не отрывая глаз. Каждый раз, когда он отвлекался от гитары, его взгляд обязательно падал на Мару — ее было сложно не заметить, — а рядом с ней он сразу видел меня, поэтому я ни разу не пожалела о своей компании в тот вечер. Потом Макс начал смущаться и сосредоточился на своем инструменте, но украдкой все же посматривал в нашу сторону и постоянно натыкался на мой заинтересованный взгляд. Когда первая часть выступления закончилась, Макс направился в бар за выпивкой. Я поднялась из-за стола и подошла поболтать к Джилл, девице за стойкой, а по дороге слегка задела басиста, но теперь сделала вид, будто не замечаю его. Он смутился еще больше, видимо решив, что мое внимание ему просто почудилось. Ему стоило быть чуть посмелее и предложить мне выпить, но он так и не решился, поэтому ко второй части шоу я вернулась на свое место и снова стала сверлить его взглядом.

В самый разгар сета за соседний стол уселась компания шумных ребят, в которых я, приглядевшись, узнала музыкантов из Relation — однажды я была на их концерте в «Kingdom». Хотя группа только появилась на лондонской сцене, все были от нее в восторге и прочили ей большое будущее. Участники команды выглядели, прямо скажем, довольно странно, и дело не в экстравагантных шмотках: в лицах читалась некая дикость, и это интриговало. Внешне мне ни один из них не нравился; если бы ребята не играли в Relation, я бы вообще не взглянула в их сторону. Они много пили и вовсю шумели, к ним постоянно подходил кто-нибудь поздороваться. Наконец их вокалист Спайк помахал Джубалу Эрли, и тот помахал в ответ, после чего Спайк выскочил на сцену, чтобы спеть вместе с Jubal Early Blowback. Высокий, нервный и нескладный, он обладал потрясающим надрывным голосом и так круто пел, что я даже забыла про Макса.

Когда концерт закончился и все стали расходиться, мы остались сидеть в окружении каких-то парней. Вдруг участники Relation тоже подошли к нам и уселись за нашим столом, а вслед за ними к нам присоединились и Джубал со товарищи. И внезапно оказалось, что вокруг нас собрались все самые клевые чуваки в клубе, отчего Мара немедленно начала сходить с ума. Всем и каждому она объявляла:

— Привет, меня зовут Мара. Я девственница, занимаюсь танцами и скоро поеду в Америку работать в одной

первоклассной постановке, — и, разумеется, врала во всем, кроме разве что имени.

Ребята таращились на нее, не в силах поверить, что бывают такие идиотки. По-моему, они пытались разобраться, шутит она или прикидывается сумасшедшей. Потом все выжидательно повернулись ко мне, опасаясь столь же дурацкой реплики, но я сказала:

— Привет, я работала на Римском фестивале, и мне пришлось здорово потрудиться, чтобы найти для вас нормальное оборудование.

Тут все сразу расслабились и начали наперебой рассказывать, как они познакомились в Риме с группой Byrds и вообще круто отрывались, хотя фестиваль в целом провалился.

Я разговорилась с кудрявым басистом Relation Джо, у которого были искрящиеся голубые глаза и немного птичий нос. Он понравился мне даже больше Макса, который вблизи показался грубоватым. Да и музыка у Relation была гораздо круче, чем у Jubal Early Blowback.

Теперь уже Макс вовсю глазел на меня, пока я сама сосредоточилась на Джо. К этому моменту уже вся оставшаяся в клубе публика собралась вокруг нас. В итоге Мара стала хвастаться, как клево у нее дома, и пригласила всех курнуть. Ее предложение ни у кого не вызвало особого энтузиазма, но мы с Максом и Джо все же решили прогуляться в сторону нашей квартиры. Джо все время болтал со мной, а Макс пытался неуклюже вклиниться в нашу беседу, думая, что я до сих пор в нем заинтересована, и не понимая, что мне уже не до него. Мара тем временем металась между нами, безуспешно пытаясь обратить на себя внимание. Ее поведение всем нам казалось настолько дурацким, что легче было ее просто не замечать.

Придя к Тео, мы притихли. Мара понимала: если Джонни проснется, то жутко разозлится, потому что она обещала прийти к двум, а на часах было уже полшестого. Они вечно скандалили из-за ее опозданий. Но в квартире было все спокойно, поэтому мы включили негромкую музыку и световой проектор. Пока вечер продолжался неплохо, и мы с Марой отправились искать траву, но ее нигде не оказалось, даже в тайнике с неприкосновенным запасом на кухне. Макс вспомнил, что у него есть немного с собой, и стал крутить косяк. Я воспользовалась этим, чтобы сесть на диван и поболтать с Джо. Потом мы накурились и стали смотреть, как Мара в одиночку танцует под музыку. Она извивалась всем телом и встряхивала волосами в якобы первобытном угаре, но при этом не забывала выпячивать грудь и оттопыривать задницу, как кошка по весне.

Вдруг в комнату влетел Джонни, в шляпе и женском пляжном халате в зеленую полоску. Он обвел комнату удивленным взглядом и очень странным голосом позвал Мару выйти, отчего та не на шутку всполошилась. Побледнев, она пробормотала, ни к кому конкретно не обращаясь: «Ох уж этот Джонни» — и бросилась за ним. Джо слегка напрягся, и я объяснила ему, какие отношения у этой парочки. Мы сидели и слушали, как они ругаются: голоса сначала доносились из коридора, а потом переместились в другой конец дома. Прошло полчаса, а Джонни с Марой так и не вернулись. Макс тем временем все больше ерзал, потому что я совсем его не замечала. Наконец, не выдержав, он встал и обиженно бросил:

— Зря ты так со мной, когда я вот так…

Честно говоря, я совершенно не поняла, что он имел в виду, но и не старалась понять, поскольку он сразу свалил и наконец оставил нас с Джо наедине, чего я и добивалась. Очень скоро мы уже оказались в огромной кровати Тео. Возможно, виноваты пушистые ковры, кожаная мебель и многочисленные зеркала, но в постели Джо показал себя не лучшим образом, хотя был мил и нежен. Уснула я в его объятиях.

С утра пораньше я принялась будить Джо, чтобы он успел свалить до прихода Тео, но парень явно не умел быстро собираться. Он долго слонялся по дому, собираясь на какую-то фотосессию. Сначала ныл, что на нем вчерашняя одежда, потом долго пытался справиться с волосами, расчесывая и приглаживая их до полного морального удовлетворения. Мы все еще были дома, когда пришел Тео в модных темных очках, с которыми он никогда не расставался. Он долго разглядывал нас и свою комнату, недовольно морщась. Потом он поставил чемодан на пол и стал расхаживать из стороны в сторону. Джо совершенно не понял, что происходит, и просто глазел на хозяина с удивлением.

— Это кто? — наконец спросил Тео, не глядя на моего гостя.

— Его зовут Джо, — сказала я. — Надеюсь, ты не против его присутствия?

От этих слов у Джо стал еще более озадаченный вид. Я поднялась и начала заправлять постель, а Тео продолжал недовольно кружить по комнате.

— Я бы не хотел, чтобы ты приводила домой таких людей, — бубнил он. — А особенно мне не нравится, что вы спали в моей кровати…

— Прошу прощения, мистер Теодор! — Я всегда называла его полным именем, когда он меня раздражал, потому что ему это жутко не нравилось.

— Я очень зол, — заявил он, выходя из комнаты. — Я ужасно

устал в дороге, и мне нужен чай, немедленно.

Джо сдавленно хмыкнул и сообщил, что убегает и позвонит мне позже. Я дала ему свой номер, и он исчез.

Потом я отнесла Тео чаю и стала объяснять, кто такой Джо и из какой он группы. Он выслушал и надменно бросил:

— Кэти, ну ей-богу.

После этого он расставил ноги и попросил «поработать ртом», чтобы он немного расслабился после изматывающего происшествия. Может быть, если бы он сказал: «Сделай мне минет», я бы согласилась искупить свою вину таким образом, но грубое предложение «поработать ртом» вместе с недавними упреками насчет Джо не вызывало желания удовлетворять его прихоти. Поэтому я ответила:

— Нет, так дело не пойдет.

Он разочарованно глянул на меня и попросил хотя бы скрутить ему косяк, что я с удовольствием и сделала, а потом поскорее отправилась в душ, надеясь, что Тео скоро забудет обо всей этой ситуации с Джо.

* * *

Я позвонила в дверь, и мне открыл парень в соломенной шляпе, из-под которой торчали черные немытые волосы. Его глаза скрывали старые темные очки в металлической оправе. Я поздоровалась и спросила, дома ли Джо. Парень с минуту разглядывал меня, а потом покачал головой:

— Нет, его нет дома.

— Послушай, — начала я объяснять, — мы договорились с Джо, что я приду к шести, и сейчас уже шесть… Так что он точно должен быть здесь.

— И все-таки его нет.

Я напряглась:

— Почему?

— А мне откуда знать? — пожал плечами парень.

Я совсем растерялась и спросила:

— Можно я тогда подожду?

— Здесь негде ждать.

Я заглянула внутрь: в холле громоздились горы оборудования, и там явно нашлось бы место и для меня.

— Я посижу в холле, — сказала я.

Что это вообще за парень и почему он со мной так обращается, будто я чокнутая фанатка, которая преследует Джо? Этот чувак явно не из группы, так кто же он в таком случае?

— Ладно, хорошо, можешь подождать в комнате Бэнка, — предложил он. — Он возражать не будет, все равно его уже уволили.

Парень впустил меня и, едва успев закрыть за мной дверь, признался:

— К нам недавно нагрянула полиция.

— Жуткое дело, — посочувствовала я. — Нашли что-нибудь?

— Говорят, нашли что-то в пальто у Джо. Он сейчас в участке, ждет, пока за него внесут залог.

— Да уж, дерьмово. А почему ты сразу не сказал, в чем проблема?

Парень не ответил, продолжая молча меня разглядывать.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Грант. — Он протиснулся в дверь маленькой комнаты, где царил ужасный хаос, будто копы только что перевернули там все вверх дном.

— У Бэнка в комнате всегда бардак, — сказал Грант и махнул рукой в сторону парня, который в недоумении приподнялся с матраса и уставился на меня. — Иди на кухню и наведи там порядок, — велел ему Грант.

Парень без лишних слов встал и вышел из комнаты. Судя по всему, Гранта, кем бы он ни был, тут все слушались.

— У нас тут весенняя уборка, поэтому у меня в комнате подождать нельзя, — пояснил он и неодобрительно хмыкнул, разглядывая берлогу Бэнка, после чего исчез.

Оставив дверь открытой, я очень осторожно устроилась на матрасе, под которым, как мне показалось, лежала груда кирпичей. В квартире жили участники группы и все техники. Жилье располагалось в доме с террасой и было в ужасном состоянии. Из комнаты я могла видеть узкий коридор, весь расписанный яркими граффити — головокружительное изобилие красок, где проглядывали взрывающиеся женские тела и какие-то чудовища. Через некоторое время я услышала, как кто-то тихо спускается по лестнице, и, выглянув за дверь, обнаружила отрешенного с виду парня с ведром в руке и в неряшливой шапке. Он вежливо поздоровался, а я в ответ представилась и сказала, что жду возвращения Джо. Парня звали Уайетт, и он пояснил, что расписывал свою комнату. Я вспомнила, что в группе он играет на духовых инструментах. Затем Уайетт пошел дальше, а я вернулась на матрас.

Вскоре по лестнице с громким топотом спустился Грант и вошел ко мне. Несколько секунд он меня разглядывал, а потом довольно сердито буркнул, что закончил у себя генеральную уборку и теперь я могу подождать Джо у него в комнате. Я

последовала за ним наверх и оказалась в странной комнатушке, размером едва превышающей большой шкаф. Стоило мне войти туда, как я сразу наступила на двуспальный матрас, который занимал практически весь пол. Стены, потолок и двери почти полностью покрывали квадратные лоскуты ткани с разным рисунком, которые продаются на блошином рынке на Кингс-роуд. Пробираясь между ними, я наткнулась на ряды одежды, висевшей на прикрученных к стене крючках, а на узеньких свободных участках пола между матрасом и стеной валялся всякий хлам: старая раковина для умывания, телевизор, развернутый под нелепым углом, небольшой проигрыватель. Возле угла матраса примостился небольшой столик, заваленный книгами и коробками с шестипенсовыми монетами. На одной из стен висел допотопный ярко разрисованный радиоприемник, из которого гремела какая-то авангардная музыка, а в углу пристроился работающий на полную мощность электрический камин. Всю эту безумную картину довершали хаотично развешанные плакаты, картинки из комиксов про Мистера Арахиса и прочая ерунда. Меня попросили не лезть на матрас в ботинках, поэтому я уселась, оставив ноги в коридоре.

— Ну или сними ботинки и располагайся, — великодушно предложил Грант.

Он суетился вокруг, поправляя углы матраса и выбрасывая мусор в окно. Удивительный парень — поначалу он держался так недружелюбно, что даже заинтриговал меня, но совершенно не понравился. Он даже не спросил, как меня зовут, и ему, похоже, было на все наплевать с высокой колокольни, в том числе и на меня. Я заметила, что у него сломан один из передних зубов.

Отсюда я видела Уайетта, который задумчиво разрисовывал стену, балансируя на стремянке на втором этаже, а Грант продолжал суетился вокруг меня. Тут я услышала, как хлопнула входная дверь, и спустя мгновение заметила Джо, который завернул в свою комнату. Грант строго посмотрел на меня сквозь темные стекла очков и сказал:

— Лучше бы Джо не знать, что ты сидела у меня в комнате…

— Это почему? — удивилась я.

— Он может подумать, что я решил тебя закадрить.

— Чушь, — сказала я и попыталась встать с матраса с максимальным достоинством.

Спустившись по лестнице, я вошла в комнату Джо.

Он явно мне обрадовался. Расцеловав меня, он признался, что вся эта история его изрядно напугала, потому что ему совсем не хотелось оказаться в суде. Но стоило ему переодеться и поставить музыку, как к нему вернулось веселое настроение. Комната Джо

значительно превосходила по размерам клетушку Гранта и была выкрашена в темные цвета самых разных оттенков. Из мебели там оказались узкая кровать, небольшой деревянный стол и несколько книжных полок, заваленных безделушками и потрепанными книгами. Пока я осматривала обстановку, Джо извлек откуда-то бутылку вина, и не успела я допить и первый бокал, как Джо начал довольно активно ко мне приставать. Мне не понравилась такая спешка: почему нельзя дождаться ночи и лечь в нормальную постель? К тому же он переспал со мной только вчера, и ему уже не надо ничего доказывать. Но я подумала, что отказ может его разочаровать, и позволила довести дело до конца. Получилось немногим лучше, чем в первый раз, — слишком механически, слишком быстро и без всякой фантазии.

И все-таки, лежа рядом с ним после секса, я подумала, что он мне по-прежнему нравится. Он достал какую-то закуску, и мы прикончили вино. Джо предупредил, что скоро вернутся остальные, поэтому я надела трусики и ботинки как раз за минуту до того, как вся толпа ввалилась в комнату и принялась расспрашивать Джо о том, что произошло в полицейском участке. Никто не обратил на меня никакого внимания, так что я молча продолжила одеваться, а потом уселась слушать, как они болтают о музыке со своим смешным провинциальным акцентом. С этими ребятами было очень весело, а в Джо я и вовсе влюбилась.

* * *

В общем, у меня начался новый роман, и я практически перестала появляться у Тео. Каждый раз, как я оказывалась в его квартире, мне хотелось как можно скорее сбежать оттуда. Там все постоянно ссорились и атмосфера была не самая приятная. Джонни окончательно разошелся с Марой и ходил мрачнее тучи — впрочем, как и все остальные. Поэтому я проводила с Джо все больше и больше времени. Он мне очень нравился, но у нас не возникло той близости, к которой я привыкла с Дэйви, — между нами сохранялась некоторая дистанция, и мне никак не удавалось окончательно раскусить своего нового парня. Мы совсем не разговаривали о своих мыслях и не пытались узнать друг друга глубже, мы просто постоянно тусовались вместе и трахались. Секс по-прежнему оставлял желать лучшего, но мы ни разу его не обсуждали, а просто им занимались — молча и без особой страсти в узкой кровати Джо, где было слишком много одеял и всего одна подушка. Ее Джо всегда забирал себе, поскольку у него была предрасположенность к астме — во всяком

случае, так он мне говорил. Я все никак не могла понять, чем меня так зацепил этот парень, но исправно спала с ним, стирала его носки, зашивала штаны и следила, чтобы он не забывал принимать таблетки от аллергии. Вообще он не отличался крепким здоровьем и выглядел так, будто принимает слишком много наркотиков, хотя соображал он как следует.

Relation играли в Лондоне уже около полугода и становились все популярнее. Джо, как и остальные участники группы, начал понемногу входить в роль поп-звезды, и ему это нравилось. Он стал очень крутым — даже, пожалуй, чересчур, потому что не строил из себя загадочную персону. Он просто оставался самим собой, только теперь ему не приходилось делать никаких усилий, чтобы клевые девчонки становились в очередь за его драгоценным вниманием.

Самым долбанутым из их компании был вокалист Спайк. Он вечно отпускал всякие странные фразочки, как будто постоянно торчал на кислоте или типа того. Все участники группы вышли из одного района Ноттингема и знали друг друга настолько досконально, что между ними существовала какая-то почти мистическая близость.

Мне нравилась тусоваться с ними. Вокруг только и говорили об их необычном и очень узнаваемом звучании. Но для настоящего прорыва группе нужно было охватить гораздо более широкую аудиторию. Огромную роль в их фирменном саунде играл голос Спайка, гармонично балансирующий на грани истерики, а электрическая скрипка Джо и духовые инструменты Уайетта создавали небывалую звуковую палитру: других групп с таким набором инструментов попросту не существовало.

Мне нравилось смотреть, как Джо играет; на сцене он смотрелся неимоверно круто. Если он не играл на скрипке, то склонялся над комбиком и отстукивал ритм одной ногой, стоя в одной и той же позе и почти незаметно перебирая струны на бас-гитаре. Спайк размахивал руками, широко шагал по сцене и вращался вокруг своей оси — зрелище довольно странное. Его движения выглядели необыкновенно резкими, будто в луче стробоскопа, которого в реальности не было. Барабанщик Пол буквально излучал энергию, а голову всегда склонял набок, словно ему защемило шею, но на самом деле он просто смотрел на соло-гитариста Эрика, чтобы не упустить начало импровизации. Эрик и Уайетт лишь иногда слегка пританцовывали, а в основном за движения отвечал вокалист. В глубине сцены сидел Грант в темных очках, настоящих окулярах, и с секундомером в руке, с помощью которого он, видимо, замерял время каждой композиции — правда, я так и не поняла

зачем.

Вскоре я выяснила, чем на самом деле занимался Грант: оказалось, что он их персональный менеджер, примерно как Найджел в Satin Odyssey. Грант присутствовал на всех концертах группы, чтобы вести расчеты с организаторами и собирать выручку, а также следить, чтобы Relation правильно представляли в афишах. Одевался он очень официозно и постоянно таскался с представительного вида дорогим кожаным кейсом. С Грантом было непросто ладить, поскольку он вел себя агрессивно вплоть до откровенной грубости, причем не только со мной, но и с остальными, кто, по его мнению, заслуживал такого отношения. Но мне доводилось видеть и другую его сторону, когда он пытался умаслить промоутеров и получить нужные условия. В такие моменты я едва удерживалась от смеха, потому что это было совсем не в его духе. Должна признаться, что со своей работой Грант справлялся прекрасно и перед выступлениями умел собрать в кучу всех участников. Натыкаясь на меня дома или на концертах, он обычно говорил: «А вот и наша хиппи» — и больше не обращал на меня внимания, а то и напрямую отказывался позвать Джо к телефону, когда я пыталась до него дозвониться.

Вскоре я познакомилась с менеджером клуба «The Other Kingdom». Недавно ему пришлось уволить целую вереницу кассиров, которые мошенничали с выручкой, и ему требовался человек, чтобы продавать входные билеты в клуб. Я решила, что работа отличная, да еще и в знакомой тусовке.

Менеджера звали Джейсон Уайли. Молодой, симпатичный и бойкий, он самостоятельно и довольно рано добился завидной позиции. Выглядел он реально круто: длинные волосы и усы в стиле Procol Harum. Девицы находили его чрезвычайно привлекательным, но мне он по вкусу не пришелся. Поскольку была пятница, я немедленно приступила к новой работе, с удовольствием погрузившись в клубную жизнь.

Глава 8

На время гастролей Relation по северной части страны Джо оставил мне ключ от своей комнаты. Думаю, он понимал, что мне не очень-то приятно спать в кровати Тео, ведь своей комнаты у меня по-прежнему не было. К тому же Джо наверняка рассчитывал, что я приберусь у него и в цел ом наведу порядок у них дома, потому что самому ему явно не хотелось этим заниматься. Так что через два дня после их отъезда я отправилась с работы прямиком к нему, собрала грязные вещи и отнесла их в ближайшую прачечную, а потом прибралась в доме. Уже собираясь ложиться спать, я вдруг услышала, что кто-то вошел в дом. Я выскочила в прихожую и наткнулась на Вэнка, который как ни в чем не бывало бросил мне «привет» — почти автоматическая реакция тамошних обитателей, будто они каждый раз удивлялись друг другу при очередной встрече. Я тоже поздоровалась.

— Ты одна? — спросил Вэнк с ухмылкой, хотя и сам прекрасно знал ответ. Хотя его выгнали из группы за несколько серьезных проступков, он по-прежнему жил здесь и слышал, что ребята уехали.

Он увязался за мной в комнату Джо, где принялся рассматривать меня с ног до головы с самодовольной улыбкой на пухлом лице. У него были тонкие невзрачные волосы, под стать ему самому.

— Я занята, — заявила я, усаживаясь на кровать и постаравшись принять враждебный вид.

— Да ладно тебе. — Улыбка превратилась в совсем уж злодейский оскал. Взгляд блуждал по комнате в поисках того, к чему прицепиться. — К тому же мне кое-что нужно.

«Ну конечно, — подумала я, — ясное дело, что тебе нужно, хитрая ты сволочь».

— И чего же хочешь? — спросила я вслух.

— Во-первых, я заберу вот этот торшер, который Джо стащил у меня из комнаты, — заявил Вэнк, указывая на лампу у кровати.

— Ничего такого не слышала, — ответила я.

— Интересно, что еще он спер, — продолжал Вэнк, копаясь на полках и обшаривая карманы пальто Джо.

Я неодобрительно следила за ним, но молчала. Мне не хотелось вмешиваться — возможно, здесь это обычное дело. К тому же я немного побаивалась Вэнка, считая его одним из тех непредсказуемых придурков, у которых вообще нет тормозов и они творят все, что взбредет в голову. В конце концов он выудил из кармана пальто шариковую ручку и торжествующе воскликнул:

— Ага, а вот и моя ручка!

Потом он замолк и снова уставился на меня, отчего мне стало еще страшнее.

— И чем ты планировала заняться? — спросил он, многозначительно приподняв брови.

— Я собираюсь лечь спать.

— Одна? — уточнил он гнусаво.

— Да, одна. Я устала.

— Да ладно тебе, — снова ухмыльнулся он.

— Говорю же, я устала.

— От баб правды не дождешься, — заявил Вэнк.

— А я вот не вру.

— Мне ничего от тебя не надо, — сказал он.

— А ты ничего и не получишь.

— Наоборот, я хочу сделать кое-что для тебя, — продолжил он с тупой ухмылкой. — Маленький подарочек перед сном.

— Не нужны мне твои подарочки, — холодно бросила я, внутренне напрягшись.

Вэнк прищурился и стал качать головой из стороны в сторону, точно выживший из ума старый стервятник; сходство с птицей усиливал крючковатый нос. Затем он потер ладони и улыбнулся, отчего мне стало только хуже.

— Я просто хочу попробовать тебя на вкус, — сказал он.

— Я пожалуюсь Джо, — в ужасе пригрозила я. Мне было уже по-настоящему страшно, но я старалась не показывать ему, что боюсь.

— Вряд ли Джо будет против, — возразил он.

Теперь меня мучила еще и паранойя по поводу несерьезности наших с Джо отношений.

— Тебе же хочется, — гнусавил Вэнк. — Давай, признайся.

— Говорю же, мне ничего от тебя не надо!

Чего он ко мне прицепился, неужели вообще слов не понимает? И как мне поскорее от него избавиться?

— Конечно же, ты хочешь. Почему бабы не могут просто сказать честно? Вам нравятся всякие штуки, которые со своим парнем не попробуешь. Чтобы с вас срывали одежду, били по морде. Вам охота избавиться от всяких чувств, потому что они только мешают. А мешают они потому, что подавляют наслаждение, а в глубине души бабы жаждут наслаждений. Не пора ли честно в этом признаться?

Вэнк разошелся не на шутку. Дрожа от возбуждения, он начал потихоньку подбираться ближе ко мне. Парень больной на всю голову, решила я и прикрикнула на него:

— Выметайся!

В ответ он злобно уставился на меня:

— Я тебя поимею. Я могу сотворить с тобой все, что захочу, потому до тебя никому нет дела: ни Джо, ни остальным парням, ни даже тебе самой.

— Еще посмотрим, что скажет Джо, когда вернется, — ответила я, стараясь говорить беспечно.

— Ну ладно, — решительно заявил он. — На самом деле мне и не хотелось. Меня прикалывает говорить об этом и смотреть на твою реакцию, ясно?

— Проваливай, — с ненавистью потребовала я.

Наконец Вэнк убрался вон, а я осталась сидеть, слушая, как он крушит все, что ему попадается на пути. В голове была ледяная пустота. Верил ли он сам в то, что говорил? Откуда у него вообще взялись такие мысли? Может, некоторым девицам и хочется тех ужасных вещей, о которых он болтал, но никак не мне. Для меня гораздо важнее любовь и привязанность, а не наслаждение. По крайней мере, я так считала, да и в любом случае не собиралась слушать этого уродливого ублюдка.

Поскольку я оставила в прихожей сумочку, мне пришлось выбраться из укрытия и сходить за ней. Когда по дороге назад я поднималась по лестнице, Вэнк вдруг выскочил из комнаты Спайка и начал на меня орать. Я помчалась вперед и вдруг наткнулась пальцем ноги на что-то острое, но даже тут не остановилась, пока не добежала до комнаты Джо и не захлопнула дверь. Из ноги я вытащила нечто вроде осколка сломанного медиатора. Потом я начала раздеваться, но застыла, услышав стук в дверь. Опять он.

— Эй! — крикнул Вэнк. — Впусти меня, я забыл там сигареты.

Я обвела комнату взглядом и, не увидев никаких сигарет, крикнула в ответ, чтобы он проваливал.

— Впусти меня, я сам посмотрю, — требовал он.

— Да нет тут твоих чертовых сигарет, говорю же! — Мне совершенно не хотелось его снова впускать: а вдруг теперь он решил, что одних разговоров ему мало и пора переходить к действиям?

— Тогда дай мне своих, — продолжал настаивать Вэнк.

Я заглянула в пачку: там осталась буквально пара ментоловых сигарет.

— У меня всего две, — сказала я громко.

— Ну дай хоть одну.

Я достала сигарету и просунула в щель под дверью.

— Да открой же ты, — обиженно потребовал он.

— Я тебе уже сказала, что ложусь спать.

— Ты просто шлюха! — крикнул он, уже удаляясь. — Все вы, бабы, такие. Вот погоди, доберусь до тебя, сама увидишь.

Перед тем как улечься в постель, я долго думала о сегодняшнем происшествии. Интересно, всем девицам, которые бывали здесь в гостях, пришлось столкнуться с таким кошмаром или только я такая везучая?

* * *

В целом неделя без Джо вышла довольно мрачной. В клубе «The Other Kingdom» начались неурядицы, поскольку у них кончилась лицензия на продажу алкоголя, а Джейсон не посчитал нужным ее продлить. Я уже не говорю о бесконечных скандалах с полицией и чиновниками Ковент-Гардена из-за обвинений в распространении наркотиков. Копы нас просто ненавидели и были готовы на все, лишь бы насовсем избавиться от клуба. Но нам некуда было деваться, и для нормальной работы требовалось собственное помещение, поэтому мы продолжали бороться. Я неплохо ладила с Джейсоном, хотя не собиралась с ним сближаться: не люблю спать с теми, кто платит мне зарплату.

На следующий день после той отвратительной сцены с Бэнком мы с Джейсоном и Денни, симпатичным диджеем из «Kingdom», пошли вместе обедать. По просьбе Денни мы отправились в ресторан, где готовили макробиотические блюда, поскольку ничего другого Ленни не ел. После обеда мы завалились домой к Джейсону и страшно накурились. По всем признакам он явно планировал ко мне подкатить — все время смотрел на меня и старался подсесть ко мне поближе. Мне льстило такое внимание, и я не хотела его обламывать, но в то же время собиралась дать понять, что я не похожа на остальных девчонок, которые мечтают забраться к нему в постель, поэтому в какой-то момент я слиняла вместе с Ленни. Он мне так нравился, что я просто не могла устоять.

Ленни жил в небольшой приятной комнатке в Фулхэме, где все стены были увешаны картами звездного неба и распечатками с координатами планет. Он бредил НЛО и вместе с толпой других таких же чудиков периодически мотался в Ирландию, где они принимали кислоту и глазели в небо в ожидании знамений. Мы забрались в постель, и он стал рассказывать мне о Посланиях. Они представляют собой некий географический маршрут, а древние сооружения вроде египетских пирамид, Стоунхенджа и Гластонбери служат своего рода ориентирами для суперумных космических путешественников и помогут им проложить путь на

Землю. По словам Ленни, в мире насчитывается около миллиона таких людей, как он, и они Избранные. Когда придет время, НЛО приземлятся и заберут всех Избранных в некое место, которое Ленни называл просто «туда». Всех остальных обитателей планеты ждет медленное вымирание из-за дефектных генов, встроенных в механизм неизбежного цикла разрушения. Еще он предупредил меня об опасности асбеста, которого боялся как огня, хотя не объяснял почему. Он буквально умолял меня не дотрагиваться до него. Раньше я знала только про его бзик насчет макробиотической диеты, но россказни об НЛО совсем выбили меня из колеи, тем более что прошлым летом мне уже пришлось сталкиваться с подобными психами. Тем не менее я решила не принимать его болтовню близко к сердцу, потому что Ленни был очень милый и ему исполнилось всего семнадцать. В простеньких очках Национального комитета здравоохранения[6] он выглядел сущим ангелом: прямые темные волосы с такой же стрижкой, как у меня; гладкое, очень белое тело, переливающееся в мерцающих лучах проектора. Чтобы отвлечь его от разговоров, я начала его поглаживать, отчего он сразу оживился и даже пару раз страстно поцеловал меня, но эрекции у него не было. Меня очень разочаровало, что он никак не может возбудиться, хотя пару раз он крепко сжал меня и даже застонал, но возможно, дело было в моей неловкости. В итоге я сдалась и просто легла рядом, обняв его за плечо. Ленни смущенно и очень серьезно объяснил, что пока не разобрался в своей сексуальности, хотя парни ему точно не нравились. Он предложил сделать мне кунилингус, сразу признавшись, что ему это не очень-то и нравится, но поскольку я такая классная, он не против. Я решила не мучить славного паренька и отказалась. Мы просто заснули в обнимку и наутро обошлись без всякой неловкости и взаимных разочарований.

Следующим вечером в «The Other Kingdom» разверзся настоящий ад. Чтобы и дальше зарабатывать деньги на андерграунде, клубу приходилось бесплатно сдавать помещение разным организациям под их мероприятия. Каждый стремился урвать свой кусок. На нас наживалась андерграундная пресса; в клубе частенько проводили свои сборища диггеры (протестантские радикалы, которые проповедовали возвращение к корням), политики, общества борьбы с наркотиками всех сортов. Не стоит забывать и о том, что нам приходилось платить довольно большие налоги с выручки, ведь считалось, что музыка приносит огромную прибыль. Действительно, концерты были самым коммерчески успешным аспектом андерграунда, но в деньгах мы не купались, поскольку издержки тоже росли: те же Satin Odyssey теперь требовали 350 фунтов за выход, а не 30, как

раньше. В тот вечер у нас устраивала сборище компания странных бородатых чуваков, которые называли себя Oaxaquahatl Peyote People или OPP. Они пытались найти себя через ритуалы мистического опыта. Лично мне они казались грязными и убогими, но я все равно пошла на работу, потому что за нее платили вне зависимости от мероприятия. Там собралась целая толпа придурков в длинных мантиях, с разрисованными лицами и приклеенными звездами. Я сидела снаружи в кассе, но звуки из зала доносились именно такие, как я и ожидала: песнопения и завывания, перемежающиеся торжественными речами. Дополняли какофонию свирели, медные тарелки, церковные колокола и бонги.

Где-то в середине вечера к клубу подбежала расстроенная старушка в поисках внучки. Видимо, у кого-то из общества OPP была восьмилетняя дочка и суд назначил пожилую даму ее законным опекуном. Однако «люди пейота» выкрали девочку и притащили на собрание. По мнению бабушки, ни место, ни компания совершенно не подходили ребенку, поэтому она напролом ринулась мимо кассы внутрь клуба. Мы побежали вслед за ней и, разумеется, увидели среди нелепой толпы поющих маленькую девочку в мантии и повязке на голове, которая в трансе пританцовывала рядом с мамашей. Бабуля попробовала ее схватить, но малышка вывернулась и побежала прятаться. Ее мать увидела бабку, и они принялись наперебой орать друг на друга, а остальные участники ритуала решили, что так и задумано, и присоединились к всеобщей вакханалии. Тут пожилая дама выскочила из клуба за помощью и очень скоро вернулась с двумя полицейскими. Те посчитали нужным вызвать подкрепление, и через несколько минут в клуб заявилось еще пятьдесят человек в форме. Вместо того чтобы поговорить Джейсоном и общими силами решить вопрос, копы остановили церемонию, заставили нас включить верхний свет начали крушить все подряд в поисках ребенка. Они до смерти напугали собравшихся, устроив невероятный шум и гам. Когда люди из OPP немного пришли себя и обнаружили, что их драгоценный проектор сломан, на них было жалко смотреть. Потасовка и всеобщая ругань продолжались еще не меньше получаса, пока наконец не нашли девочку, которая пряталась под сценой. Ее вывели из клуба в сопровождении вопящей матери, злобной бабки и разгневанных певцов.

Когда все наконец свалили, мы стали поспешно закрывать клуб. Внутри оставалось еще человек шесть персонала, включая Джейсона и Ленни. Я считала деньги в кассе, когда услышала громкий настойчивый стук во входные двери. Один из охранников прибежал в контору и крикнул, что в клуб ломится

толпа водителей грузовиков Ковент-Гардена, вооруженных молотками и ломами. В причинах разбираться было некогда, потому что Джейсон заорал:

— Всем сматываться!

Я быстро сгребла со стола деньги и спрятала их в сейф. Мчась к заднему выходу, я думала только о том, успели ли выбраться остальные. Выскочив наружу, я оглянулась и увидела, как обезумевшая толпа ввалилась в клуб с криками: «Бей бородатую мразь!» Закрыть заднюю дверь снаружи мне не удалось, поэтому я просто побежала по улице, пока не увидела остальных работников клуба. Спустя какое-то время мы решили вернуться и посмотреть, чем кончилось дело. Осторожно войдя внутрь, мы обнаружили, что ущерб нанесен колоссальный — об этом ясно свидетельствовали разбитые сигаретные автоматы и осколки световых приборов. Телефон оторвали от стены, проектор бросили на пол. Джейсон с Ленни засели в офисе, пытаясь дозвониться до полиции. Только на третий раз им удалось поговорить с копами. Спустя какое-то время к нам приехало двое констеблей, которые заявили, что остальные слишком заняты. Интересно, какого черта тогда в клуб сначала приперлась целая армия копов, а теперь все вдруг заняты?

Когда страсти немного улеглись, мы наконец выяснили, почему на нас ополчилась разъяренная толпа. Оказалось, что кто-то (может, даже один из копов) сообщил, что в клубе держали ребенка, которого потом планировали принести в жертву в ходе ритуала. Водители быстро посовещались со своим профсоюзом и решили разобраться с работниками клуба по-своему. В итоге мы объяснили всем, как на самом деле обстояли дела, и народ, ворча, разбрелся по домам. Когда я вернулась к Тео, меня все еще потряхивало, однако никто даже не стал слушать мою историю, потому что дома разворачивалась драма посерьезней.

Марк обнаружил в себе гомосексуальные наклонности и влюбился в Джерома Чарльза, одного из друзей Тео. Джером часто захаживал в гости к Марку, проводил с ним какие-то долгие психологические исследования и писал горы заметок, которым в итоге грозила судьба превратиться в статейку на одну страницу. Хрупкому Джерому было 24 года; в его черных волосах уже виднелась проседь. Он носил небольшие очки в круглой стальной оправе и обладал своеобразной красотой с налетом отчаяния.

Джером, по всей видимости, и сам испытывал некоторые чувства к Марку. Он оставил нашего запутавшегося соседа раздумывать о будущем их потенциальных отношений на полу ванной комнаты. Тео советовал другу поскорее довести дело до конца и проверить ощущения: физическая близость с парнем или

отвратит Марка от гомосексуальных тенденций, или подтвердит их. Блондинка-Гигант сочувствовала Марку и окружала его любовью и заботой. Она успела хорошо изучить драматическую натуру юноши и считала, что вся эта история сойдет на нет в течение пары дней, к тому же они все равно через пару недель собирались улетать в Штаты. В ответ новоиспеченный гей мотал головой и твердил, что «просто хочет быть рядом с Джеромом и обнимать его». Я немного поговорила с Марком наедине; он смотрел мне в глаза с потерянным видом, хотя такой вид у него был и раньше. Потом он вдруг схватил меня, поцеловал и срывающимся голосом заявил, что я прекрасна. Потом он проглотил пару «мэнди», и БГ уволокла его спать. Тео с важным видом вышагивал по комнате. Я попыталась рассказать ему о происшествии в клубе, но дилемма Марка казалась ему гораздо более интересной. Он рассуждал о разных вариантах развития событий и заключил, что подобные наклонности есть у всех.

— Кроме меня, — добавил он. — Я асексуален.

— Это потому что ты на «скорости», — заметила я. В последнее время Тео постоянно принимал амфетамин, чтобы успеть дописать сценарий к определенному сроку.

— Возможно. Но я не особо стремлюсь кого-то охмурять. Может, я просто еще не встретил нужную девушку. Впрочем, была одна, хотя очень давно. — И он пустился в разговоры о себе и о том, на какой девушке он готов жениться.

Тео считал, что никогда не найдет идеала физической красоты, поэтому был не прочь жениться на богатой и стильной особе или, возможно, на какой-нибудь знаменитости. В общей сложности все сводилось к тому, что ему требовалась спутница жизни, которая благотворно повлияет на его имидж. Ему хотелось, чтобы люди восхищались его женой. Затем Тео стал задавать мне вопросы о себе. Например, считаю ли я его адекватным (нет, не считаю), хорош ли он в постели, нравятся ли мне его сценарии. Как видно, он постоянно нуждался в подтверждении собственной крутости, а сейчас, на «скорости», дело дошло до параноидальных фантазий. К тому моменту, когда мне наконец удалось улизнуть в постель, я уже порядком устала от его болтовни.

Глава 9

Сразу после возвращения Джо отправился в суд на слушания по делу о наркотиках. Он признал себя виновным, и его обязали выплатить штраф в размере 30 фунтов и сделали ему предупреждение. Группа решила впредь больше не рисковать и назначила ответственным за хранение запрещенных препаратов Руби, одного из техников. Ребятам не хотелось, чтобы кого-то из музыкантов снова арестовали.

Я рассказала Джо о происшествии с Бэнком, и меня ужасно разозлила его спокойная и даже пренебрежительная реакция.

— Неужели тебе совсем наплевать на меня, Джо? — возмутилась я. — По-моему, тебе вообще нет дела, и мне это совсем не нравится.

— Так ты в итоге позволила ему сделать то, что он хотел?

— Конечно, нет! — воскликнула я в негодовании. — Неужели ты думаешь, что я… с ним?..

— Ну а мне-то откуда знать…

— Ты серьезно считаешь, что я согласилась бы? — настаивала я.

— Тебе ведь никто не мешал, — сказал он сухо.

Его слова меня очень обидели. Как он мог подумать, что я стану спать с его друзьями, будучи его девушкой?

А еще больше меня оскорбила его мысль, будто я позволю прикоснуться к себе уроду вроде Вэнка.

— Я имею в виду, — продолжил Джо, — что при желании ты вполне могла с ним переспать, почему бы и нет.

Будь я немного разумнее, то признала бы, что в его словах есть изрядная доля правды. Если бы Вэнк был поприятнее, выглядел получше и имел хоть какой-то вес в обществе, дело могло бы принять совершенно иной оборот и добавить пикантности моему роману с Джо. Но я любила Джо и стремилась хранить ему верность — ночь с Денни нельзя считать изменой, это совершенно из другой оперы и в данном случае не имеет значения. В общем, мне не хватило выдержки стерпеть равнодушие Джо, и я устроила целый спектакль по поводу того, что он, видимо, считает себя слишком крутым и не особенно-то заинтересован во мне. И чем дольше я его пилила, тем хуже становилось, потому что в такие моменты я делаюсь очень мрачной и навязчивой.

Однако в клубе «The Star», куда я вечером отправилась, стало немного получше. Relation репетировали там целый день, и Джо внес меня в список гостей. Как раз перед походом в клуб я

раздобыла черные брюки с золотой вышивкой от Тео Портера и сходила к Гэвину выпрямить волосы. В «The Star» я первым делом наткнулась на Гранта, которые носился сломя голову со своим кейсом.

— Привет, а где Джо? — спросила я.

Грант состроил кислую мину и махнул в сторону белокрасной полосатой двери. Я зашла в гримерку и обнаружила там всю группу в процессе переодевания. Со всех сторон посыпались радостные приветственные возгласы, и у меня потеплело на душе. Ненавижу чувствовать, что мне не рады, но отношение ко мне ребят, к счастью, не изменилось. Они всегда держались дружелюбно и с удовольствием болтали со мной, особенно когда Джо отходил перекинуться парой слов с музыкантами из других групп или еще куда-нибудь. Он прекрасно знал, что меня обижают его отлучки, но совершенно не парился по этому поводу. Однажды я все же сделала ему замечание, на что он ответил:

— По-твоему, я весь вечер должен сидеть рядом и держать тебя за руку?

Я попросила его не преувеличивать, но заметила, что не вредно иногда и продемонстрировать свою заинтересованность.

— Ты сама прекрасно знаешь, что это не в моих правилах, — возразил Джо. — Если хочешь встречаться со мной, придется свыкнуться с таким положением дел. Или ты выбрала не того парня.

Я проворчала, что не ошибаюсь с выбором, и погрузилась в угрюмое молчание.

И теперь я сидела в узкой гримерке «The Star», которую освещал ослепительный свет одной-единственной лампочки без абажура. Стены были разрисованы какими-то дурацкими граффити. В гримерку вошел Роланд Джонс, менеджер Relation. Я много о нем слышала, но еще ни разу не встречалась с ним. Он уселся рядом с Джо, который представил нас друг другу. В ответ Роланд просто коротко кивнул в мою сторону, отчего мне сразу стало не по себе: то ли я ему не понравилась, то ли его раздражало, что подружка музыканта тусуется в гримерке.

Я пошла в зал слушать концерт, и меня, как всегда, унесло от их музыки. Вдруг кто-то тронул меня за плечо. Я обернулась и увидела Макса из Jubal Early Blowback. Мы не виделись с той ночи, когда тусовались у Тео, и Макс внезапно куда-то исчез. Сейчас он явно был слишком накурен, чтобы помнить тот вечер, и просто спросил, пришла ли я послушать Relation. Я ответила, что да, я здесь вместе с Джо.

После первой части концерта мы с Джо, Спайком и Максом

отправились в паб пропустить по стаканчику.

Сидя между ребятами, я видела, как все девицы в заведении заинтересованно пялятся на них. Нас очень развеселило, когда рядом с Максом присела какая-то блондинка, а он в ответ стал изображать нерешительность, будто размышляя, замутить с ней или нет. В итоге он решил не заморачиваться, и мы всей толпой вернулись в клуб ко второй части концерта. Макс, скорее всего, уже понял, что я встречаюсь с Джо, но очень по-дружески пригласил меня как-нибудь заглянуть к нему в гости курнуть. Похоже, он был действительно славный парень. После шоу мы отправились в «The Joint» ужинать. Оставшись единственной девчонкой в компании музыкантов, я почувствовала себя настоящей королевой, но когда Джо отправился поболтать с какими-то музыкантами, меня накрыла новая волна паранойи. Его равнодушие начинало серьезно раздражать.

По дороге домой я снова подняла прежнюю тему и сразу почувствовала, что теряю контроль над ситуацией и веду себя уже совсем по-идиотски. Видимо, мои жалобы доконали Джо, потому что он совсем помрачнел и проворчал, что девицам вообще не стоит таскаться на концерты: музыкантов бесит, когда подружки сверлят их из угла собственническим взглядом.

— Ладно, я буду ждать тебя дома, — согласилась я, пытаясь немного улучшить ситуацию.

— Значит, хочешь торчать дома, изображать любящую мамочку, греть постель и штопать носки?

— Ну да, пожалуй.

— Конечно, очень мило с твоей стороны, но мне такое не по кайфу. Слишком уж по-семейному, будто я повязан по рукам и ногам.

— Ну зачем ты так, — упрекнула я. — Но скажи, Джо, я тебе вообще нравлюсь?

— Разумеется, нравишься! Просто дело заходит слишком далеко.

— Судя по всему, тебе вообще плевать на меня.

— Я не из тех, кто демонстрирует свои чувства. Ты сама должна их разглядеть.

— Что ж, я не могу, — пришлось признаться мне. — И как же ты ко мне относишься?

— Ты классная в постели, — сказал Джо.

Ну и ответ, подумала я, а вслух спросила:

— Ты и правда хочешь все разрушить?

— Да ничего я не хочу, — бросил он. — Мне просто нравится с тобой спать.

— О чем и речь, — сказала я с горечью. — И то только

потому, что в постели я все делаю сама.

— Для этого ты и нужна.

— И только-то?! — Меня буквально пришибло.

— Кэти, послушай, — начал он категорическим тоном, — мне все равно, что у бабы в голове, лишь бы она до меня не докапывалась. Ты отлично трахаешься, мне очень нравится, но не надо требовать от меня глубоких смыслов или скрытых причин. Я честно сказал тебе все как есть. Неохота мне выяснять отношения: они либо есть, либо их нет. И давай забудем об этом.

Мне как раз очень хотелось выяснить отношения, но после его слов я засомневалась, что мне удастся чего-нибудь добиться. К тому же я опасалась открытых скандалов, поэтому предпочла промолчать, хотя внутри вся кипела.

Домой мы попали только в половине пятого, и я принялась привычно устраиваться в его узкой неудобной кровати. Недавние разборки, похоже, распалили Джо, и в ту ночь он вел себя активнее во время секса и вроде бы даже наслаждался процессом. После пары заходов он заснул, а я лежала с открытыми глазами. Мне захотелось в туалет, и я с трудом выбралась из кровати. Вернувшись, я попыталась снова аккуратно забраться под одеяло, но потеряла равновесие и начала падать. Рефлекторно я схватилась за книжную полку над кроватью, и та обрушилась прямо Джо дождем книг и прочего барахла, которое на ней хранилось. Джо очнулся и в недоумении заморгал. Я притворилась, что тоже только что проснулась, и фальшиво воскликнула:

— Ой, смотри, полка упала!

— Что, прямо сама взяла и упала? — спросил Джо.

— По всей видимости, да, — соврала я и с невинным видом стала собирать вещи с кровати.

Джо пожал плечами и снова заснул.

«Уфф, вроде пронесло», — подумала я. Мне совсем не хотелось, чтобы он еще больше разозлился и выгнал меня из дому.

* * *

На следующее утро я была совершенно разбита, потому что не выспалась и чувствовала себя мерзкой и грязной. Даже летом Джо спал под всеми одеялами, и я жутко потела, лежа вплотную к нему на узкой кровати. Меня совсем не обрадовало, когда Грант сел в тот же автобус, что и я, но деваться было некуда. Мы поднялись на второй ярус и уселись вместе. Я хранила угрюмое

молчание, не желая выслушивать грубые ответы Гранта, мне и без него было несладко. К моему величайшему удивлению, он вдруг принялся объяснять, почему иногда ведет себя так агрессивно.

Описав свою ярость, как он это назвал, Грант с укором глянул на меня:

— Ты считаешь меня наглецом, правда ведь? Видишь ли, я вынужден держаться нагло, иначе на меня не будут обращать внимания. Но беда в том, что на самом деле я не такой, и девицы, например, сразу это чувствуют. Как я ни пытаюсь, мне не удается подцепить девчонку.

Мне нужна такая, которая сама за меня возьмется, обнимет, отведет домой и уложит в постель.

Сама идея, что какая-нибудь деваха начнет увиваться за Грантом, источая материнские чувства и укладывая его в кроватку, показалась мне истерически смешной, но я продолжала молча слушать его излияния.

— Но знаешь, мне ничего не светит. Таких девушек просто не бывает. Ради их внимания приходится просто из штанов выпрыгивать, а кому охота позориться.

Меня настолько поразила тайная личность Гранта, искренняя и ранимая, что он почти начал мне нравиться. Мы стали болтать о музыкантах, о том, что участникам группы гораздо легче подцепить девчонку, чем продюсерам или менеджерам. По словам Гранта, в шоу-бизнесе есть три категории: высшая (участники групп), средняя (менеджеры) и низшая (техники и роуди). Я тусовалась в высших кругах, среди ключевых музыкантов, которым доставались все сливки. Но и самим девчонкам приходилось держать марку и не опускаться до более низких категорий.

— Но все они в любом случае шлюхи, — заключил Грант.

— Это просто совпадение, что Джо играет в группе, — попыталась защищаться я, хотя в глубине души и сама чувствовала, что статус для меня очень важен.

— А как насчет Макса?

— Он тоже, — признала я, уже понимая, что крыть тут нечем.

Но прежде чем Грант успел окончательно задавить меня, его чемоданчик вдруг упал на пол, и во все стороны разлетелись исписанные бумажки и распечатки футбольного тотализатора. Я невольно улыбнулась, когда Грант принялся неуклюже ползать по полу, собирая свое добро. Потом он уселся на место и немедленно продолжил наступление, обвиняя меня в том, что я считаю Джо своей собственностью. Меня взбесили его слова, ведь я думала, что мне удается держаться вполне разумно. По крайней мере, разумнее, чем в отношениях с Дэйви. Однако, какой бы

невозмутимой я себя ни считала, до стандартов Гранта я не дотягивала. Неужели меня действительно так прикалывает статус, что мне нравятся исключительно музыканты, а на личные качества парня я даже не смотрю, оценивая только его положение в тусовке? Неужели я и правда так корыстна? Разумеется, я поставила перед собой определенные цели, которые неизбежно изменили мои жизненные приоритеты, и прежде чем я смогу расслабиться и подумать о душе, мне необходимо достичь некоторого положения. Я лишь надеялась, что добьюсь своего, не успев сломаться, как Роксанна, в погоне за фальшивыми ценностями, которые заслонят для меня реальное положение вещей. В общем, если честно, я была рада, что поговорила с Грантом, и даже благодарна ему за честные слова о моем поведении, потому что теперь мне было о чем поразмыслить. К тому же я рассчитывала, что впредь он не станет грубить мне по телефону.

* * *

Через несколько дней у меня был день рождения, и я напросилась на концерт Relation в «The Joint» вместе с Джо. У нас с ним продолжались разногласия по поводу моих появлений на их шоу. Он считал, что я хожу туда слишком часто, а постоянное присутствие девушек плохо сказывается на имидже. Даже Грант завел привычку говорить: «Ох, опять ты!», когда встречал меня в клубах, хотя по телефону разговаривал со мной уже не так грубо. Попадать в «черный список» Гранта не хотелось никому: он не брезговал говорить гадости за спиной человека, который ему не нравился, и всячески поднимал его на смех. Так что я понимала, что лучше бы не соваться, но мне ужасно хотелось попасть на концерт, и я не сумела устоять, объяснив свою просьбу тем, что у меня все-таки день рождения. Джо наконец сдался и нехотя согласился взять меня с собой. Но позже он позвонил на квартиру Тео и предупредил, что перед шоу ему надо кое с кем встретиться, поэтому мне лучше прийти попозже, а он внесет мое имя в список гостей. Мне не очень понравился такой расклад, но ничего другого не оставалось, поэтому я собралась и отправилась в «The Joint».

Все участники Relation собрались за столом, и, поскольку рядом с Джо не нашлось свободного места, я устроилась на другом конце стола возле Гранта, Уайетта и Пола. За полчаса мой парень так ни разу и не снизошел до того, чтобы поговорить со мной или обратить на меня внимание, и у меня начался

очередной приступ острой паранойи. Наконец вся группа отправилась в гримерку, которая была еще ужаснее, чем в «The Star», — клетушка, полностью заваленная сломанными пианино и духовыми инструментами. Билл, один из техников-роуди, купил мне выпивку, и меня тут же понесло: я принялась жаловаться, что даже другие ребята относятся лучше Джо и так не честно. Он с пониманием кивал, но не пытался меня утешить. Впрочем, Билл, упитанный милый парень с очень интересным лицом, обычно говорил так тихо, что никто его не слышал, даже когда ему хотелось поделиться своими мыслями. Парни отправились выступать, а я в тоске сидела за столом и смотрела концерт.

К концу второй части шоу Спайк принялся скакать с микрофоном, швыряя его со сцены и втаскивая обратно. Ему казалось, что это эффектно выглядит и нужно делать так почаще. Грант тем временем болтал с какой-то симпатичной девахой. Они оба выглядели довольно оживленно, и я подумала, уж не клеит ли он ее, часом. Когда группа закончила концерт, Джо уселся рядом со мной и принялся с мрачным видом жевать сэндвич со стейком. Постепенно появились и все остальные. Потом Джо куда-то ушел, но я старалась держаться независимо и продолжала болтать с другими музыкантами, пока они тоже не свалили один за другим. Я решила пройтись по клубу и наткнулась на Гранта, который руководил техниками, снующими с оборудованием по сцене.

— Где Джо? — спросила я.

— А мне почем знать? — не глядя на меня, бросил Грант.

— Но он же не уехал домой, как думаешь? — Я почувствовала, что снова закипаю.

— Может, и ушел, — сказал Грант. Его ответ мне не особо помог.

— Блин, вот отстой. Вообще никуда не годится, — расстроилась я. Хотя мне по-прежнему разрешали ночевать у Тео, сегодня я уступила кровать одной американке, собираясь остаться у Джо. Более того, я очень хотела провести ночь с Джо.

— А тебе что, негде спать? — спросил Грант, все еще не глядя на меня.

— Да нет, дело не в этом. Просто как-то по-дурацки вышло. — Я не знала, что еще сказать.

— Ну, если надо, можешь переночевать у меня, — предложил Грант.

Учитывая, что всю его комнату занимал единственный матрас, подразумевалось, что мне предстоит спать в постели Гранта. И, видимо, вместе с ним. Вряд ли он руководствовался простой вежливостью.

— Очень мило с твоей стороны, — сказала я, — но я пока еще не решила.

— Ну, смотри сама, мое дело предложить…

Такого поворота событий я никак не ожидала. Я не хотела секса с Грантом, но, с другой стороны, если я приеду домой с ним и лягу спать у него в комнате, мне удастся как следует проучить Джо. Правда, Джо мог счесть такую выходку поводом для расставания и разорвать со мной отношения. Мне даже не пришло в голову, что Грант просто решил меня закадрить, хотя такой вариант напрашивался сам собой. В конце концов я решила:

— Спасибо большое, Грант, я, пожалуй, соглашусь.

— Хорошо, — сказал он, накидывая мне на плечи свой кожаный пиджак, — тогда я помогу техникам собрать аппарат, чтобы мы могли поскорее отсюда выбраться.

Ничего себе, подумала я, Грант никогда не прикасается к оборудованию, а тут вдруг принялся как миленький таскать комбики, колонки и усилители. Но я терзалась сомнениями по поводу такого резкого сюжетного поворота и все еще надеялась найти Джо. Пиджак Гранта волшебным образом добавил мне уверенности, и я отправилась в гримерку, где и нашла своего парня. Обрадовавшись, я бросилась его обнимать, и он удивился:

— Ой, чего это ты?

— Я думала, ты уехал без меня, — объяснила я.

— Ну, как видишь, я никуда не делся, — ответил он и взглянул на пиджак: — А это откуда?

— Да так, Грант одолжил, — сказала я и бросила пиджак на стул, радуясь, что теперь мне не придется спать в чужой кровати.

Тут через гримерку прошел Грант с оборудованием, и Джо поинтересовался, чем он занят. Тот ответил, что Билл и Руби очень копаются и он решил им помочь. Мне стало смешно, потому что я знала истинную причину. Грант подхватил свой пиджак и велел нам поторапливаться. Мы с Джо устроились на заднем сиденье, потом в микроавтобус влезли все остальные. Возле машины замешкалась какая-то девица в вязаном платье. Она никак не могла решить, ехать ей с нами или нет. Вроде бы она была знакомой Уайетта, и Грант начал на нее наезжать: мол, залезай или уедем без тебя. Она заявила, что согласна ехать, только если никто не будет к ней приставать. В ответ Грант велел ей заткнуться и сесть уже, наконец, в машину, потому что слишком поздно и всем пора домой. Девица покорно уселась на переднее сиденье рядом с менеджером, который лишь презрительно задрал нос и молча принялся выруливать с парковки.

Дома все быстро разбрелись по комнатам, но мне показалось правильным пойти к Гранту и поблагодарить его за понимание. Я поднялась по лестнице и тихо постучала в дверь его комнаты. Он спросил, кто там, и я ответила:

— Кэти.

Дверь открылась, и передо мной предстал Грант без штанов. Внезапно мне пришло в голову, что он мог решить, будто я все же захотела с ним переспать, поэтому я выпалила:

— Просто зашла поблагодарить за доброту.

— Да не за что.

— Ладно, тогда спокойной ночи, — пробормотала я и ринулась вниз по лестнице в комнату Джо.

Глава 10

На следующий день Relation уехали на несколько дней играть концерты в провинции. Я не ночевала у Тео уже дня три, и когда все же добралась до него, обнаружила его сидящим с гостиной в тишине и без привычной дискотечной иллюминации. Лицо у него побледнело и вытянулось. С самого начала работы над сценарием Тео постоянно сидел на амфетамине. Он быстро терял вес и вел себя совершенно неадекватно: либо мрачно молчал, либо болтал без остановки, изливая навязчивые фантазии по поводу своей жизни, работы и друзей. Поскольку всем остальным и без того жилось несладко, поведение Тео делало их существование и вовсе невыносимым. О покое оставалось только мечтать. Но сейчас Тео сидел в полной тишине и едва шевельнулся, увидев меня. Я устроилась рядом с ним.

— Джонни ушел, — сказал он внезапно.

— Куда?

— Я его выгнал, — объяснил Тео мрачно.

— Что случилось? — спросила я, хоть и не особенно удивилась.

— Все ушли, — сказал он. — Джонни, Марк, Блондинка-Гигант… придурки с кухни… я всех выгнал.

— Но Марк и БГ улетели в Америку, — возразила я.

— Да, но это я их заставил. — Тео повернулся ко мне и оскалился, видимо вымученно стараясь улыбнуться. — Учитывая происходящее, я посчитал правильным произвести полную перезагрузку.

— Но они же твои друзья! — попыталась я урезонить его.

— У меня нет друзей, — бросил он. — Точнее, я не могу позволить себе друзей…

Я сидела в тишине и переваривала эту информацию.

— А как же я? — в конце концов пришлось мне спросить.

— Полная перезагрузка, как я и сказал.

— То есть ты и меня выгоняешь?

— Я тебя не выгоняю, я просто хочу остаться один.

— Хорошо, — сказала я и вышла из комнаты, а Тео так и застыл на диване без единого движения.

Я без проблем и с чувством глубочайшего облегчения договорилась перебраться обратно в Бэйсуотер, в свою старую комнату. У Тео тусовка была модной и даже иногда крутой, когда все складывалось как надо, но мне очень хотелось иметь собственный угол.

К тому времени, как я собрала вещи, Джо уже пару дней был

в городе. Посчитав, что выждала достаточно, я позвонила ему, но он, похоже, не очень-то мне обрадовался. Депрессивным тоном он сообщил, что занят, и предложил созвониться через пару дней. Его реакция меня убила бы, не будь я настолько занята переездом в старую квартиру. Окончательно разобравшись с перевозкой вещей, я снова позвонила Джо, решив во что бы то ни стало встретиться с ним.

Трубку взял Грант. Узнав меня по голосу, он повел себя на удивление мило, объяснив, что Джо пока нет дома, но он должен вернуться с минуты на минуту, поскольку через час они вместе отправляются на какую-то вечеринку. Пользуясь редкой благосклонностью Гранта, я поинтересовалась, имеет ли смысл скорее ехать к ним, чтобы застать Джо. Он ответил, что идея хорошая, и попросил зайти к нему тоже, если будет возможность. Я согласилась и, закончив разговор, ушла с работы в прекрасном настроении.

Грант открыл мне дверь и пригласил в дом. Войдя, я сразу обратила внимание, что дверь Джо заперта. Решив, что он до сих пор не вернулся, я пошла с Грантом наверх, в его смешную каморку на лестничной площадке между этажами. Благодаря удобному расположению из нее было видно все, что происходит внизу, где жил Джо, и на втором этаже. Кроме того, оттуда можно было прекрасно слышать каждый телефонный разговор, потому что аппарат висел на стене рядом с дверью Гранта. При желании Грант следил за жизнью в доме и при закрытой двери: он проделал в ней небольшое отверстие, через которое подглядывал за тем, что делают остальные жильцы.

Я сидела и слушала радио, пока Грант сновал по комнатушке, переодеваясь в деловой наряд. Он надел темно-фиолетовую рубашку без воротника, совершенно кошмарный серый костюм, подтяжки и белые парусиновые туфли. Заметив мой скептический взгляд, Грант мгновенно разозлился и ядовито поинтересовался, чем я недовольна. Я честно сказала, что костюм выглядит ужасно. Он огрызнулся:

— Это важная часть моего имиджа, как и кейс.

— Но костюм и правда ужасен! — возразила я.

— Еще не хватало, чтобы какая-то хиппи указывала мне, как одеваться, — недовольно проворчал он. — Или ты ждешь, что я буду наряжаться как музыкант? Мне такой образ ни к чему.

— Но можно ведь найти что-нибудь поприличнее. Вот, например, рубашка у тебя отличная, а костюм ее портит.

— Ну и ладно, — заявил он, перебирая содержимое кейса и и выкидывая в окно смятые бумажки.

Я напряженно прислушивалась, ожидая возвращения Джо.

Мне очень хотела повидаться с ним, но одновременно я побаивалась нашей встречи. Меня мучили сомнения, не посчитает ли он мое внезапное появление слишком большой наглостью. Мои размышления прервал Спайк, который, пробегая вверх по лестнице и заметив меня в комнате Гранта, состроил удивленную мину.

— Джо в подвале, — бросил он на ходу и, кивнув из вежливости, снова исчез.

Я глянула на Гранта с подозрением: может, он с самого начала знал, что Джо дома?

— Я тут ни при чем, — заявил Грант беззаботно, заметив, что я на него уставилась.

Надо было решить, как поступить. Очевидно, стоило спуститься в подвал и обозначить свое присутствие, но я боялась равнодушной реакции Джо. Нет сомнений, что он собирается меня бросить, но с этим я не могла смириться, ведь тогда я вообще окажусь не при делах и остальные ребята не станут со мной общаться, пока Джо злится на меня. Такая перспектива вызвала у меня панику, и я начала подумывать, что пора переключить внимание на Гранта, пока Джо сам не сделал первый шаг к нашему разрыву. Тогда будет не так обидно, чем меня бросят, а потом подберут из милости. По крайней мере, я сохраню видимость, что сама приняла решение. Но оставалась и другая проблема: меня по-прежнему сильно тянуло к Джо. Пока я сидела, не зная, как поступить, мимо снова пробежал Спайк, и я остановила его, попросив передать Джо, что я сижу у Гранта. Вокалист согласился, хоть и не понял, почему я сама не пойду вниз и не поздороваюсь со своим парнем. И только когда вокалист опять убежал, я сообразила: Джо не знает о моем звонке и о том, что я пришла с ним повидаться. Все выглядит так, словно я специально заявилась к Гранту в отсутствие Джо. Черт.

На вечеринке, куда они собирались, им не надо было играть, они просто хотели засветиться и познакомиться с нужными людьми. Грант начал расспрашивать меня о дальнейших планах на вечер после мероприятия, но я ничего толком не могла сказать, потому что до сих пор не решила, как быть. Мне очень хотелось увидеть Джо, но чем дольше я собиралась с мыслями, тем страшнее было спускаться в подвал. Я собиралась задать Джо один простой вопрос: «Ты меня хочешь или нет? Если нет, я просто уйду к Гранту, хотя ты мне нравишься больше». Но одно дело думать, а совсем другое — сказать, и я боялась, что мне не хватит мужества говорить прямо. Грант предложил мне подождать, пока они вернутся с приема, но я все-таки сказала, что хочу поговорить с Джо.

— Тебе никто не мешает, — отрезал Грант.

— Может, спустишься и попросишь его прийти ко мне? — предложила я.

— Я не собираюсь вмешиваться в чужие дела, — ответил он.

— Но я хочу объясниться, — настаивала я. — Пожалуйста, попроси его подняться сюда.

— Тут нечего объяснять, — безапелляционно заявил Грант. — Ты пытаешься увидеть в ваших отношениях то, чего там нет.

— Ты так считаешь? — удивилась я. — Думаешь, пора мне все бросить?

— Меня-то зачем спрашивать. Я не хочу лезть в ваши дела.

— Ты уже и так влез в них по уши! — разозлилась я. — Ведь ты сам привел меня к себе.

— Силком я тебя не тащил.

— И что мне теперь делать?

— Поступай как знаешь. Я не собираюсь принимать решения за тебя. Но скажу одно: мне ты очень нравишься, — многозначительно заметил он, видимо желая подчеркнуть, что Джо ко мне равнодушен.

— Да я уже поняла. Но мне все равно надо поговорить с Джо, прежде чем я решу, как поступать дальше.

— Думай сама.

— Я не собираюсь торчать тут до вашего возвращения, так что позвони Тео, когда вы окажетесь дома. Я загляну к нему забрать свои пластинки. Тогда и договоримся. — Я понимала, что лишь оттягиваю принятие решения, но на большее у меня не хватало сил.

— Ладно, — ответил Грант, подхватывая кейс. — Увидимся позже.

Я никак не могла выйти из оцепенения и продолжала сидеть, когда ребята затопали внизу и вышли из дома. Голова у меня шла кругом от беспорядочных мыслей и тревоги.

Наконец я собралась с силами, чтобы отправиться к Тео, и стала спускаться по лестнице, но тут входная дверь отворилась и вошел Джо. Видимо, он что-то забыл и вернулся. В два прыжка я взлетела по лестнице и спряталась в комнате Гранта. Мне не улыбалось встречаться с Джо: хоть и выпадала прекрасная возможность наконец выяснить с ним отношения, нам едва ли хватило бы времени поговорить как следует. Я повела себя как настоящая трусиха и затаилась в каморке Гранта, пока не услышала, как Джо снова вышел. Теперь я спускалась по лестнице уже с гораздо большими предосторожностями. Из подвала крикнули: «Эй, кто там?» — и в прихожей появились Билл и Руби, с удивлением воззрившись, как я крадусь к выходу. Я

остановилась, и они предложили подняться в комнату Билла выпить кофе. Я согласилась, надеясь спросить у них совета по поводу моей непростой ситуации.

В комнате было чертовски грязно и неуютно, но мне так хотелось поговорить, что я забыла о брезгливости. Когда я рассказала Биллу всю свою историю, он не стал торопиться с комментариями, а просто начал скручивать косяк, загадочно улыбаясь.

— Тебе решать, — наконец сказал он. — Делай то, что считаешь правильным.

— Но я не понимаю, что делать! Мне интересно твое мнение. Как ты думаешь, мне понравится Грант?

Едва задав вопрос, я сама поняла, насколько он дурацкий. Как вообще можно спрашивать других людей, понравится ли мне кто-то или нет? Но я надеялась, что Билл скажет: да, Грант круче Джо, и тогда мне будет гораздо легче. Однако он продолжал твердить, чтобы я сама посмотрела и приняла решение. Не получив никакой особой помощи, я предпочла соврать, что на самом деле мне плевать и на Гранта, и на Джо, поскольку у меня есть настоящий парень, который сейчас на гастролях в Америке. Ребята поинтересовались, о ком идет речь, и я назвала Дэйви из The Dream Battery. Оказалось, что Билл и Грант знают его и остальных участников группы, а раньше частенько зависали с Заком Фрэнксом. В общем, мы еще долго сидели, курили и болтали. Я прониклась уважением к Биллу, спокойному и мудрому. Руби все время молчал и не вызвал у меня особого интереса. Помимо того, что он пришел в команду недавно и с ним почти не считались, он был всего лишь помощником роуди и к тому же довольно непривлекательным, с запущенными волосами и отвислым задом. Прозвище Руби он получил из-за ярко-красных толстых губ, вдобавок всех потешал его дурацкий ньюкаслский акцент.

Время летело незаметно, и не успела я опомниться, как все остальные обитатели дома вернулись с приема. А вместе с ними вернулись и мои проблемы. Но я так накурилась, что решила расслабиться и позволить обстоятельствам решить за меня. Билл и Руби с интересом поглядывали на меня, пытаясь понять, что будет дальше. Я все еще хотела увидеть Джо, но никак не могла придумать, как пробраться к нему, не столкнувшись с Грантом. Тут я услышала, как Грант набирает номер по телефону, и вдруг меня осенило, что звонит он в дом Тео, собираясь поговорить со мной. Я чуть не рассмеялась вслух от собственной глупости: целый день я только и делала, что блуждала по разным комнатам этого дома. Сначала я скрывалась от Джо у Гранта, теперь прячусь

у Билла и Руби от самого Гранта, который как раз сейчас пытается позвонить мне туда, где меня, конечно же, нет. Полный бред, подумала я и решительно вышла из комнаты со словами:

— Эй, я тут, все еще тут.

Я отдавала себе отчет, что нам предстоит разговор, который, скорее всего, окончится в постели Гранта. Я быстро юркнула в его каморку между этажами, а он зашел вслед за мной и плотно закрыл дверь. Мне стало ясно, что назад пути нет, и я честно рассказала, как наткнулась на Билла и Руби, в результате так и не добравшись до Тео. Грант промолчал в ответ, с победным видом скручивая косяк. Тем временем я прислушивалась к звукам в доме и пыталась представить, чем сейчас занимается Джо. Когда я подумала, что вряд ли смогу снова нормально общаться с ним, мне стало грустно: он все еще нравился мне, но теперь я сижу в комнате Гранта, и повернуть назад уже не удастся. Мы молча докурили косяк, и тут кто-то постучал в дверь. Я услышала, как знакомый голос позвал:

— Грант?

Тот только поднял брови и улыбнулся:

— А вот и сам Джо.

Вот и началось, подумалось мне, теперь не отвертишься. Я вся съежилась, будто стараясь исчезнуть, и прошипела драматическим шепотом:

— Не открывай!

Но Грант не обратил внимания на мою просьбу и потянулся через меня к дверной ручке. Отчаянно покраснев, я постаралась скрыть лицо за волосами. Дверь распахнулась, и раздался голос Джо, немного удивленный, но жизнерадостный:

— О, привет!

Горбясь от стыда, я промолчала. Джо попросил у Гранта шестипенсовик на телефонный звонок, но у того не нашлось монетки. Тогда он обратился ко мне, но я так и не смогла выдавить ни слова, просто сидела и смотрела сквозь волосы на Джо, залитого оранжевым светом лампы. Мне очень хотелось, чтобы он скорее ушел.

— В чем дело? Ты со мной не разговариваешь? — поинтересовался Джо.

Я не ответила.

— Да, что с тобой? — добавил Грант, и я послала ему гневный взгляд.

После небольшой паузы Джо опять исчез, и я наконец снова обрела способность дышать. Грант потребовал объяснений, но я велела ему заткнуться и отвалить. Но теперь это не имело значения, потому что Грант победил. Он явно был доволен собой,

а я сидела и думала, что он совсем не такой крутой, как Джо, и даже не участник группы, но придется теперь довольствоваться им.

Тут Грант начал меня целовать, и я даже удивилась, как хорошо у него получается. Еще немного, и мы, раздевшись, юркнули в постель. Я скомкала одежду и бросила ее в ноги, а потом попросила выключить свет, потому что не хотела, чтобы Грант глазел на мое тело. В постели он продолжал целовать меня, и мы занялись любовью. Я отметила про себя, что тут он справляется на порядок лучше Джо. Грант ловко менял позы и проявлял изобретательность, и хотя мне понадобилось некоторое время, чтобы возбудиться, вскоре я вошла во вкус и распалилась не на шутку. Затем я решила сделать ему минет, чтобы показать свои умения. Гранту явно очень понравилось, он нежно ласкал меня, пока я трудилась у него между ног. Когда все закончилось, мы растянулись рядом на матрасе, не говоря ни слова. По мышцам разливалась приятная истома и необычайная легкость. Мне пришла в голову странная мысль: мое тело находилось на одном этаже, а сердце — на другом. Но мне нравилось волшебное ощущение легкой грусти без всяких напрягов и тревог.

Следующим утром Грант проснулся рано и прошелся по дому, стуча всем в двери и напоминая, что к обеду музыканты должны быть готовы выйти из дома. Затем он вернулся в комнату, по обыкновению бормоча, что время не ждет. Лежа в постели, я смотрела, как он бреется и собирается. Удивительно, насколько разумно ему удалось задействовать каждый свободный сантиметр своей крохотной комнаты. Одевшись и прихватив неизменный чемоданчик, Грант попросил меня не забыть запереть дверь на висячий замок. А потом добавил нечто такое, от чего у меня снесло башку:

— Можешь позвонить мне на следующей неделе.

— Но… — начала было я протестовать, не сомневаясь, что он захочет меня увидеть раньше.

— Никаких «но», — отрезал он. — Если хочешь поддерживать со мной отношения, девонька, придется меня слушаться. Именно поэтому у тебя ничего не получилось с Джо. Тебе надо научиться вести себя спокойнее. Никаких внеурочных звонков и постоянных прогулок за ручку. Будешь звонить только тогда, когда я разрешу, и не раньше. И не рассчитывай, что я позволю себя гнобить, как ты гнобила Джо. Не важно, чего хочешь ты; считаются только мои желания.

Я не стала возражать, но про себя подумала, что мы так не договаривались. Мне казалось, что им можно запросто вертеть и что он только и мечтал обзавестись девушкой, а теперь он вдруг

диктует мне условия. Да за кого он себя принимает? Простой менеджер, даже не музыкант, да еще с провинциальным акцентом деревенщины, — и смеет указывать мне, как себя вести. Слова Гранта изрядно меня обескуражили. Возможно, я в нем ошиблась.

Пока я одевалась, в комнату ввалился Спайк с выпученными глазами. Оказалось, он наглотался амфетаминов и не может спать, поэтому ему надо с кем-то поговорить, пока он сочиняет новую песню. Я заправила постель, заперла комнату Гранта и спустилась к вокалисту. Он возился с электрическим пианино и гитарой, на которых почти не умел играть, и напевал мелодию. Я пыталась как-то ему помочь, но в голове крутились совершенно другие мысли: о поведении Гранта и о том, что надо все-таки поговорить с бывшим парнем. Когда новая песня мне окончательно надоела, я внезапно прервала Спайка вопросом, проснулся ли Джо. Вокалист явно забыл, что я нахожусь в комнате, и слегка опешил, а потом ответил, что не знает.

— Пожалуйста, иди и разбуди его, — попросила я. — Мне нужно с ним поговорить.

Спайк ушел, но через минуту вернулся, сообщив, что Джо еще спит и он не собирается его будить ради меня, поскольку по утрам у Джо вечно плохое настроение. Я сказала, что раньше не замечала за ним такого. На что Спайк резонно заметил:

— Ну, раньше-то ты с ним спала. А теперь уже нет, так ведь?

— Я пошла, — решительно заявила я и, дойдя до комнаты Джо, уставилась на дверь.

Тут меня снова одолели сомнения: если я постучу, ему придется встать и открыть мне. А вдруг он и вовсе не хочет меня видеть? И не круче ли просто взять и свалить без всяких объяснений и разговоров? Именно так я и поступила: развернулась и ушла.

Глава 11

Я отправилась к Гэвину подстричь челку: она настолько отросла, что я почти ничего не видела сквозь нее. Из салона я вышла с торчащими в разные стороны клочковатыми прядями, местами высветленными до седины. Перед стрижкой, с пренебрежением расчесав мне волосы, Гэвин заявил, что я слишком долго хожу со стрижкой под Брайана Джонса и надо чаще менять образ. Как обычно, он все сделал по-своему, и теперь я гадала, что скажет при виде меня Грант. Тем вечером я как раз собиралась на концерт Relation в «The Other Kingdom». Мы с Грантом должны были увидеться в первый раз с тех пор, как переспали. Я ему уже звонила, но поскольку я повела себя не клево, как он выразился, и не выдержала паузу, он отказался встречаться со мной до субботы.

Тем вечером я сидела в кассе клуба, как вдруг появился Грант. Он оглядел мою новую прическу, а затем кивнул в знак одобрения. Он даже взъерошил мне волосы, будто давая позволение и на другие вольности. Сам он выглядел как обычно: с извечным чемоданчиком в руке и в полосатом кожаном пиджаке. Прежде чем Грант снова испарился, я успела схватить его за руку и спросить, можно ли сегодня переночевать у него. Он нехотя кивнул и ушел. Позже, когда концерт уже закончился, Грант вернулся в кассу и с нарочитой тщательностью пересчитал деньги, сложил их в стопочки и упаковал в кейс. Закончив свое показательное выступление, он отправился следить за погрузкой оборудования, напоследок предупредив меня о скором отправлении домой. Полчаса спустя он вернулся за мной и позвал коротким кивком головы. Мы взяли такси и, прихватив по дороге воскресные газеты, поехали домой. В машине он начал демонстрировать свою пресловутую ярость, потому что я купила «Обзервер», а он — «Ньюс оф зе уорлд» и «Пипл». Дома, уже в постели, мы продолжали ругаться. Остальной народ подтянулся к тому времени, когда мы уже успели прочитать свои газеты и потрахаться. Услышав знакомый женский голос, я поняла, что в гости к ребятам зашла моя соседка Венди. Я знала, что он втрескалась в Спайка, и решила, что ей, видимо, наконец удалось закадрить его. Меня все же немного интересовало, чем там занимается Джо. Впрочем, подумала я, уютно устраиваясь рядом с Грантом, здесь гораздо удобнее, чему Джо: не так шумно, да и кровать шире.

В полдень меня разбудила неуемная суета Гранта. Он уже оделся, но продолжал, скрючившись в углу, перебирать горы

рубашек и носков, которые он, точно фокусник, извлекал из неведомых тайников.

— Чем ты там занимаешься? — недовольно спросила я.

— Не твоего ума дело, ясно? — ответил он со злостью.

— Спасибо, Грант, и тебе доброго утра, — как ни в чем не бывало ответила я, начиная понимать, как с ним надо управляться.

— Если хочешь знать, — обернувшись, пояснил он, — в воскресенье у нас банный день. И некоторые не настолько круты, чтобы не мыться. Некоторые умудряются оставаться крутыми и при этом чистыми. Да, есть среди нас такие.

— Ну я-то не грязная, — возразила я, подумав, что это камень в мой огород.

— Ты-то, может, и нет. Но в комнате воняет.

— Допустим, но тут воняет тобой и твоим грязным бельем.

— Если тебя не устраивает, сама и разбирайся, — заявил Грант, переворачивая весь диалог с ног на голову. Я не ответила, и тогда он достал пузырек, выудил оттуда пилюлю и демонстративно проглотил ее.

— Что это? — спросила я.

— Амфетамин, — сказал он и шумно потопал вниз по лестнице с грязным бельем в руках.

Остальные еще спали, и я тоже задремала. Гранта не было целую вечность, но потом он вернулся и разбудил меня своими жалобами: к собственному удивлению, во время стирки он чуть не заснул. С этими словами он завалился в кровать. Я попросила его описать, что за таблетку он принял, и по его объяснениям сообразила, что он перепутал депрессант со стимулятором. «Мэнди» нагоняет дремоту — не так сильно, как барбитурат, но достаточно. Я рассказала ему, как это работает: надо перебороть изначальную сонливость, и тогда начнется настоящий приход, когда пол становится мягким, точно пух, а тело будто превращается в облачко и плавает в пространстве, натыкаясь на разные предметы, и это ужасно весело. Гранту понравилась эта идея, и весь день он бродил по дому, как медведь-шатун. Он велел мне достать ему еще таких таблеток, а потом устроил очередную лекцию на тему крутости. Мол, я вела себя не клево, поскольку позвонила ему раньше назначенного срока; нельзя давать людям понять, что они тебе нравятся. А что касается собственнических чувств, то с ним такое не пройдет, и тем более нельзя выражать эмоции на людях. Надо научиться ждать, пока он сам позвонит, и только ему позволено решать, когда мы встретимся. Я возразила, что иногда, если мне кто-то нравится, я звоню ему просто по велению сердца и нет ничего дурного в том,

чтобы иногда поддаться чувствам.

— Знаешь, тебе придется держать свои чувства в узде, ясно? — сказал он. — И вот что я тебе еще скажу: после каждого случая недостойного поведения я буду выдавать тебе черную метку. Когда их накопится достаточно, ты будешь наказана. Никакого рукоприкладства, только психологические методы, мне они больше нравятся. И наоборот, если будешь вести себя хорошо, то в качестве награды сможешь чаще со мной видеться.

Я поняла, что он прочитал «Уловку-22» — книгу, которую я забыла у него в прошлый раз. Мне хотелось сказать, что все эти игры в крутость жутко обламывают, по крайней мере в таком виде, когда они доведены до абсурда. То есть, возможно, совсем не клево быть до такой степени клевым. Но я все же хорошенько обдумала слова Гранта и решила, что тут есть и свои плюсы: гораздо проще жить, если относиться ко всему легко и не поддаваться эмоциям. Но поделиться своими размышлениями с Грантом мне не удалось — «мэнди» взяла над ним верх, и он вырубился.

Поскольку я только училась сдержанности, к среде мне уже очень хотелось увидеться с Грантом. Я сидела и спорила с самой собой. С одной стороны, я должна вести себя клево. Мне не улыбалось получить черную метку, особенно если учесть грядущий концерт в Альберт-холле, куда я надеялась пойти вместе с Грантом. Но почему мне нельзя хотя бы позвонить ему? Разве плохо разочек поддаться чувствам? В общем, я взяла трубку и набрала его номер. У меня моментально завяли уши от его криков и оскорблений. Впрочем, моя слабость, похоже, ему льстила, поскольку повышала его самооценку.

— Я просто позвонила узнать, как дела, — попыталась я оправдаться, когда Грант наконец замолчал. — Без всякой задней мысли.

— Вот уж вряд ли, — парировал он. — Иначе зачем вообще звонить? Я пытаюсь тебя чему-то научить, а ты только все портишь.

— А что плохого в том, если я просто хочу узнать, как дела, — отбивалась я, но он меня уже раскусил.

— Я так понимаю, ты хочешь на концерт, — произнес он вкрадчиво. — Я угадал?

— Даже если и так, что тут страшного? Ты ведь не очень занят?

— Для тебя я определенно слишком занят, будь уверена, — откликнулся Грант. — Так что мой ответ: нет, ты не пойдешь.

— Но я хочу с тобой увидеться, почему ты мне не разрешаешь? — Я жутко обиделась.

— Потому что я так сказал. — Он с минуту помолчал. — Ладно, вот что, я позвоню тебе в воскресенье.

Мне пришлось сдаться, и Грант повесил трубку.

Чем дальше мы играли в такие отношения, тем больше меня затягивало. Я искренне пыталась понять, почему он так агрессивен в общении и настолько нежен в постели. Секс с ним становился все лучше и лучше с каждым разом. Грант очень старался доставить мне максимальное удовольствие и неустанно совершенствовал мои навыки в оральном сексе. Теперь я часто отсасывала ему по утрам или когда он забегал домой из офиса в обеденный перерыв.

Я по-прежнему немного напрягалась, натыкаясь дома на Джо, и мы с ним почти не разговаривали, довольствуясь сухими приветствиями, но отношения с Грантом захватили меня целиком. Мне нравилось, что он всегда звонил, если обещал, хотя по телефону говорил со мной в прежней агрессивно-пренебрежительной манере, требуя, чтобы я немедленно пришла к нему, и оглашая целый список вещей, которые я должна принести. И я всегда послушно приходила, не желая пропускать очередной раунд нашей игры.

Нам с Венди все-таки достались билеты в Альберт-холл, где Relation должны были играть на разогреве у одного известного американского фолк-исполнителя. Со Спайком у моей соседки в итоге не сложилось, и она переключилась на их техника Билла — для ее уровня это был неплохой вариант. Когда мы с Венди пришли в гримерку, ко мне подскочил Грант, жалуясь на приступы ярости, с которыми ему приходится справляться, и тут же убежал, будто перебрал со «скоростью». Я стала разговаривать с барабанщиком Полом, и он обозвал меня чмошницей.

Остальные музыканты тоже собрались в гримерке, которая выгодно отличалась от клубных комнатушек, к которым я привыкла, — здесь были кресла и шампанское в красивых бокалах. Я украдкой наблюдала за Джо, который боролся с непослушной молнией на новехоньких узких белых штанах. Мне хотелось ему помочь, но не хватило наглости. Стоило, конечно, поговорить с ним о нашем расставании, но удачный момент все не подворачивался. Всем участникам группы сделали прически, подобающие случаю, но Джо выглядел совершенно по-дурацки, о чем я не преминула сказать Биллу в довольно язвительной манере. Тот, ни разу не смутившись, повернулся к Джо и сообщил:

— Кэти считает, что у тебя прическа как у провинциальной домохозяйки.

Лицо басиста вытянулось, и после паузы он горько произнес:

— Теперь я хотя бы знаю, что именно ты обо мне думаешь.

Я не нашлась с ответом и залилась краской. Я вообще легко краснею, и этот недостаток меня страшно смущает. Схватив Венди, я потащила ее искать наши места в зрительном зале, поскольку скоро начинался концерт.

Места оказались так себе, далековато от сцены. Венди была разочарована и повела себя довольно странно: сидела с недовольным видом, хрустела костяшками пальцев и всячески демонстрировала скуку. Думаю, она все еще пыталась впечатлить Спайка. Зал был почти полон; оглядывая зрителей, я заметила несколько малознакомых лиц, обладатели которых приветственно махали мне руками. Когда Relation начали свой сет, меня неприятно поразило, насколько странно они смотрятся на такой сцене. Казалось, они слишком далеко и их энергия просто не доходит до зала. Мне никак не удавалось сосредоточиться на музыке. Группе иногда подыгрывал оркестр, все музыканты которого носили одинаковые костюмчики и вставали во время сольной партии. Они выглядели настолько комично, что я не удержалась от смеха. Венди тем временем продолжала страдать, в отчаянии качая головой, и наконец ее прорвало:

— Ну почему мне так не везет! Мне ужасно нравится Спайк…

Я было испугалась, что сейчас она совсем слетит с катушек, но она просто продолжала причитать, одновременно пытаясь прикурить сигарету.

Мне было видно, как Грант неподвижно сидит в глубине сцены и сосредоточенно вслушивается в то, что звучит у него в наушниках, но я не поняла, чем он там занимается. Когда началась их последняя песня, мы направились в уборную привести себя в порядок, а потом двинули в гримерку, но по пути заблудились в огромном запутанном театральном лабиринте с кучей коридоров. Венди продолжала безостановочно причитать, а я злилась, что мы пропускаем все веселье в гримерке.

Когда мы наконец добрались до нужной двери, пришлось долго объяснять охраннику, кто мы такие и какого черта тут делаем. Терпеть не могу такие унизительные ситуации. Попав внутрь, мы накинулись на шампанское, и я стала разглядывать собравшееся общество. Продюсер Relation Роланд Джонс, одетый в белую рубашку с рюшами, бросил на меня недружелюбный взгляд, и я постаралась спрятаться, чтобы не мозолить ему глаза. Грант по-прежнему носился туда-сюда, занимаясь какими-то невероятно важными делами, так что я не стала его дергать. Тут рядом со мной уселся Джо и взял одну из моих ментоловых сигарет, как в старые добрые времена, когда мы были вместе, и мне стало грустно. Он выглядел печальным и усталым, как всегда

после концерта, так что я ничего не стала говорить.

Когда на сцену вышел фолк-певец, мы все высыпали из гримерки, чтобы посмотреть на него из-за кулис. Оказалось, что он вовсе не так хорош, как в записи. Он явно был болен и выглядел соответствующе — казалось, он с трудом держится на ногах. Всех мучили сомнения, сможет ли он вообще продолжить тур, и Relation это не сулило ничего хорошего. Как оказалось, после того концерта у него случился рецидив болезни, и тур все-таки пришлось отменить.

После шоу я вернулась в гримерку, где уже оставались только участники группы. Венди, похоже, успела порыдать на плече у Билла, потому что глаза у нее были красные от слез, но она хотя бы немного успокоилась.

Ко мне подошел Пол:

— Послушай, Кэти, как по-твоему, я похож на Пола Маккартни?

— Ты, должно быть, шутишь, — ответила я, потому что у них вообще нет ничего общего.

Он страшно обиделся — видимо, и правда считал, что между ними есть некое сходство, хотя вряд ли невысокий пухлый барабанщик с детским личиком и светлыми волосами мог сравниться с Полом Маккартни. Однако я попыталась его утешить:

— Да зачем тебе быть похожим на Маккартни, он же полный придурок. Ты скорее напоминаешь Клинта Иствуда.

Пол сразу просиял:

— Ты правда так считаешь? — и побежал к зеркалу. Внимательного оглядев себя, он скромно заключил: — Да, пожалуй, есть некоторое сходство.

«Вот уж странный персонаж», — подумала я, наблюдая, как он втягивает щеки и строит суровую мину.

Тут внезапно появился Грант, мрачнее тучи. Плюхнувшись на стул посреди комнаты, он заявил:

— Короче, я подцепил венерическое заболевание.

Я потрясенно уставилась на него, а все остальные повернулись ко мне.

— У меня ничего такого нет, — поспешно сказала я, и все дружно перевели взгляд на Гранта.

— А у меня точно какая-то гадость, — сказал он.

— Если и так, ты подхватил ее не от меня, — твердо возразила я.

— Но как-то же подхватил, — настаивал он.

Все снова повернулись ко мне, ожидая, что я начну выяснять, от кого он заразился, но я решила не вестись на провокации и

просто сказала:

— Не хотелось бы заразиться от тебя.

Грант продолжил скулить, что он не знает, в чем дело, но у него выпадают волосы, и он точно не доживет до тридцати, и наверняка это что-то венерическое. Остальные быстро потеряли к нему интерес — видимо, Грант слишком часто жаловался на здоровье и ребятам надоело его слушать. Я решила тоже ничего не говорить, чтобы не задавать ненужных вопросов и не выслушивать злобных ответов.

Дома, оказавшись в постели, Грант продолжил вычесывать волосы, и он не врал — они действительно лезли клоками с головы, подмышек, груди и даже лобка. С виду шевелюра не поредела, но волосы у него и правда выпадали. Я попросила его перестать чесаться, но он все никак не мог успокоиться. Спустя час он переключился на прелюдию к сексу. Я решила все же уточнить насчет вероятного венерического заболевания.

Он заявил, что здоров.

— Тогда к чему была та сцена в гримерке?

— Просто я сначала грешил на венерическое заболевание, но теперь уже так не считаю.

— Если не венерическое, то что? — спросила я.

— Аутоиммунное.

— Что еще за хрень?

— Слишком сложно объяснять, — отмахнулся Грант.

— Это тоже венерическое?

— Нет, ничего подобного, — заявил он, — просто симптомы похожи.

— А у тебя есть словарь?

— Зачем? — удивился он.

— Посмотреть, что это за слово, — объяснила я.

— В словаре его нет, — возразил Грант.

— Тогда откуда тебе знать, что ты болен именно этим? У тебя уже было такое?

— Нет, но я и так могу определить, а ты просто дура, вот и все, — отрезал он.

— Тогда дай мне посмотреть!

— На что?

— На это твое аутоиммунное!

— Зачем?

— Чтобы знать, на что это похоже. Покажи-ка мне член.

Грант сел, включил оранжевую лампу, и я его осмотрела.

— Выглядит нормально, — заметила я, толком не понимая, что именно искать. — Чуточку слишком оранжевый, но тут виновато освещение.

— Так или иначе, у меня именно это заболевание, — заключил Грант и улегся на спину, чтобы я сделала ему минет.

Следующим утром, едва забрезжил рассвет, Грант решил разбудить весь дом, чтобы музыканты немедленно поставили автографы на пяти сотнях фотографий для фан-клуба. Ребята нехотя подчинились, после чего отправились спать дальше, а сам Грант, воспользовавшись парой свободных часов, собрался к врачу. Я без особых возражений тоже встала и пошла варить себе кофе. Тут на кухню неожиданно заглянул Джо и попросить сделать и на его долю.

Поднявшись с чашкой к нему в комнату, я застала Джо за игрой на виолончели и поставила кофе на пол возле него. Когда наступила пауза, я вдруг не выдержала и вывалила ему всю правду: почему позволила Гранту увести себя, почему вела себя как дура и боялась быть отвергнутой им. Выслушав мою исповедь и не проронив ни слова, Джо просто продолжил играть, а я никак не могла остановиться и все говорила, как я сожалею, что продинамила его. Но он смотрел на меня без особых эмоций, будто вообще не понимая, о чем речь.

Затем повисло напряженное молчание, и мне захотелось вернуться назад во времени и просто не начать этот разговор. Наконец Джо сказал, что вроде бы и не собирался меня бросать, хотя вела я себя почти невыносимо. Но тут нам пришлось прерваться, потому что в комнату с важным видом ввалился Руби. На нем были почти такие же шмотки, как у Джо, и мой бывший парень изрядно разозлился, что жалкий помощник роуди копирует его стиль. Мрачно оглядев Руби с ног до головы, он с раздражением потребовал, чтобы тот впредь не одевался так при нем. Руби начал препираться, а я предпочла сбежать обратно в комнату Гранта, терзаясь, что заварила такую нелепую кашу. Было бы гораздо круче обойтись без всяких объяснений с Джо.

Вскоре вернулся от врача Грант, но в его объяснениях по-прежнему не было никакого смысла. Он снова завел россказни об аутоиммунном заболевании, и повторилась та же сцена, что и прошлой ночью. Я еще раз попыталась выяснить, заразно ли это, но не получила вразумительного ответа. Он сообщил, что доктор запретил ему заниматься сексом еще месяц, но сразу добавил, что на самом деле достаточно переждать три дня. Похоже, он всерьез вознамерился свести меня с ума, и я почла за благо поскорее сбежать, пока он вконец меня не достал.

Глава 12

Мой сосед Джон, который занимался световыми эффектами и оформлением всяких мероприятий, наконец закончил пластиковый купол для выпускного своей подружки и позвал меня поехать с ним, чтобы помочь ему с организацией шоу. По дороге мы выкурили кучу косяков в такси, у которого, похоже, напрочь отсутствовали тормоза. Когда мы добрались до пункта назначения в пригороде, нас встретил неприветливый парень в брюках гольф.

— Вы из группы? — спросил он.

— Нет, мы ставим световое шоу, — ответили мы, и парень явно растерялся.

Не дожидаясь его разрешения, мы припарковались у стога сена и пошли к зданию. Был приятный летний вечер, и все были в расслабленном состоянии, кроме разве что самого Джона, который нервно нарезал круги, прижимая к расшитой блестками жилетке свернутые в рулоны куски полиэтилена. Я разоделась в пух и прах, чтобы показать выпускницам, как должна выглядеть клевая девица. Мне не терпелось увидеть музыкантов из The Elevation и The Shadow Cabinet, которые собирались выступать в тот вечер. The Elevation к тому моменту стали настоящими звездами. Они только что вернулись из Америки, где наделали немало шума, а на концерте в Альберт-холле они устроили такой бесперед ел, что им пожизненно запретили там выступать. Вся серьезная андерграундная тусовка их просто обожала, но у них была еще и толпа поклонников-тинейджеров. В общем, мне не терпелось познакомиться с ними: если меня увидят с такими крутыми ребятами, я буду вхожа в любую компанию.

Первым, кого я встретила, оказался Берт, их техник, который суетился на сцене и расставлял оборудование. Узнав меня, он поздоровался. Потом нас провели в большое помещение в глубине здания, на двери которого висела табличка «Только для музыкантов». Это была не просто гримерная, а роскошный зал, середину которого занимал стол, накрытый к ужину; повсюду были расставлены ведерки с бутылками шампанского на льду. Я решила дождаться приезда музыкантов, а все остальные отправились устанавливать проекторы и прочее световое оборудование. Кроме меня в зале никого не осталось, если не считать бесшумно порхающей горничной и дворецкого. Первыми приехали The Elevation, которых я сразу узнала. Их клавишник и главная звезда Джим Эдвардс вошел в гримерную с какой-то блондинистой девахой. Он всегда влюблялся в блондинок,

поэтому я переключила внимание на остальных троих. На Леса Уильямса я сразу решила не тратить времени — он был из тех парней, кто на все сто уверен в своей потрясающей притягательности и меняет девчонок как перчатки. Барабанщик Шейди показался мне симпатичным, но по-настоящему меня привлек их гитарист Энди — юный стеснительный красавчик с невинным личиком и копной черных кудрей. Не уверена, что он мне понравился бы, не будь он из The Elevation, но я решила попробовать его склеить, ведь группа и правда была крутая. За ужином я села рядом с ним, и мы негромко болтали, в то время как все остальные вели себя совершенно отвратительно, оправдывая репутацию буянов. Они напились и так грубо обращались с дворецким и официантками, которые подавала нам изысканные лакомства, что я невольно задалась вопросом, почему меня вообще привлекают такого рода люди. Участники группы выглядели настоящими чудовищами, которым снесло крышу от внезапной популярности. Но Энди мне нравился, потому что он был совсем другой, скромный и спокойный, и не кидался едой за столом, как остальные.

После ужина мы отправились в собор смотреть световое шоу, а потом смешались с толпой собравшихся. К нам почти не лезли с разговорами — видимо, старались держаться так же круто и уверенно, как мы сами. Однако я чувствовала, как нас обшаривают взглядами исподтишка, примечая наши наряды и манеры. The Shadow Cabinet сильно опаздывали, и это был отстой, потому что мне не терпелось познакомиться с их классным клавишником. В итоге The Elevation вышли на сцену первыми. Я устроилась сбоку от сцены и весь концерт улыбалась Энди. Он играл спокойно и почти не двигался, в отличие от Леса Уильямса, который гарцевал по сцене с видом суперзвезды. Когда мы вернулись в гримерку, там обнаружились только что прибывшие The Shadow Cabinet, которые остались недовольны, что мы успели съесть всю еду. Мы с Энди послушали их выступление, которое меня очень впечатлило. Оба вокалиста прекрасно пели, и от каждого номера просто сносило крышу.

Но когда обе группы вернулись в гримерку, начались проблемы. Каждой команде полагалось сыграть по два сета, и оба раза вторыми должны были выступить The Elevation в качестве хедлайнеров. Но из-за опоздания Shadow они уже успели отыграть первыми. Теперь они хотели выйти первыми и после перерыва, но Shadow уперлись, поскольку рассчитывали пораньше уехать домой. Хедлайнеры обвинять Shadow в задержке; те возражали, что задержались совсем чуть-чуть и можно было их подождать. К тому моменту, когда начали подавать завтрак

(подумать только, завтрак в четыре часа ночи!), обстановка накалилась до предела. Техники вступили в перепалку, и Берт швырнул стул в парня из The Shadow Cabinet, но промахнулся и попал в хлипкую панельную дверь. Завязалась драка, кто-то повалился на стол, еда и приборы полетели во все стороны. Начался форменный бедлам: официантки визжат, техники молотят друг друга, а остальные пытаются их разнять. Когда все немного утихло, я посоветовала ребятам из Shadow забрать гонорар и сваливать подобру-поздорову. Оценив мою идею, они так и сделали, пока The Elevation побежали играть второй сет. Мне так и не удалось поговорить с клавишником The Shadow Cabinet.

После концерта мы вернулись в гримерку, где царила унылая атмосфера: прислуга пыталась привести помещение в порядок после разгрома. Энди стал упаковывать свою гитару и спросил меня, как я планирую возвращаться домой.

— За меня не беспокойся, — сказала я, — поеду в Лондон с ребятами, которые делали световое шоу.

Потом Энди предложил пойти позавтракать в беседку, куда мы и отправились вместе с Лесом Уильямсом и двумя девицами, которых он склеил. За завтраком Энди все же предложил мне поехать с ними, и я с радостью согласилась, чтобы не ждать, пока световики закончат демонтаж.

Вскоре все упаковались в большой микроавтобус; мы с Энди уселись на заднем сиденье вместе с Джимом Эдвардсом и его подружкой. Как только машина тронулась, Энди стал страстно меня целовать, и я сразу решила, что пересплю с ним. Грант меня в последнее время совершенно достал со своим дурацким заболеванием, которое называл то аутоиммунным, то коклюшем, и не позволял даже слова поперек сказать. С Грантом никогда не знаешь, на что нарвешься.

И представьте мое разочарование, когда мы с Энди наконец оказались в постели, но он сразу отшатнулся и отвел мою руку.

— Лучше не трогай меня, — попросил он.

— В чем дело? — удивилась я.

— Я должен рассказать тебе кое-что, — сдавленно произнес он.

— Выкладывай, — велела я, уже подозревая неладное.

После неловкой паузы Энди наконец сказал:

— Я под наблюдением врачей.

Господи, подумала я, кругом облом.

— У меня венерическое заболевание, — добавил он.

Только этого мне и не хватало.

— А раньше ты сказать не мог? — довольно жестко

поинтересовалась я.

— Но ведь тогда ты не согласилась бы поехать ко мне.

Он выглядел таким юным и таким отчаявшимся, что мне стало его жалко, и я все же довела его до оргазма пальцами и ладонями. На большее я не решилась. Да уж, все эти болезни — полный отстой.

Я проснулась слишком рано и больше не смогла уснуть. Мне очень хотелось оказаться сейчас у Гранта — я уже привыкла там ночевать, да и спалось у него лучше. Здесь же на продавленной кровати лежало несвежее белье, а в комнате мерзко воняло. Странно, что гитарист The Elevation обитает в такой дыре. Дом стал наполняться громкими звуками, отчего мне еще больше захотелось сбежать. Потом проснулся Энди и потребовал продолжения манипуляций. Деваться было некуда, и я подчинилась, несмотря на отвращение. Потом я пошла на кухню готовить тосты и кофе, но сначала тщательно вымыла руки.

В тот день Энди позвал меня в Гайд-парк, где они выступали в одном из открытых концертов, которые помогал организовывать Найджел Бишоп. У меня ушла масса времени на то, чтобы прийти в себя и собраться, а Энди вдобавок попросил зашить и погладить ему штаны. Я уже начинала раздражаться, но меня утешала мысль, что скоро тысячи людей увидят меня с самими The Elevation.

Мы приехали в парк и обнаружили там не меньше двадцати тысяч человек, распластанных на газонах, точно мухи на липучках. Народ кучковался небольшими компаниями, периодически останавливаясь поздороваться и поболтать с другими группами. Тут и там прогуливались обычные посетители с мороженым, резвились дети и собаки, к вящему неудовольствию продвинутой публики, которая таращилась в небо или читала андерграундные журналы, которые в последнее время плодились как грибы после дождя. По периметру собралось множество иностранцев в ступоре, которые с разинутыми ртами таращились на происходящее или щелкали фотокамерами, не веря своим глазам. Между группами людей шныряли с отсутствующим видом полицейские в штатском, исподтишка выглядывая любителей покурить дурь, хотя им не особенно везло. Власти, думаю, были не в восторге от проведения в Гайд-парке подобных мероприятий, ожидая всяких неприятностей, начиная сквернословием и заканчивая революцией. Но зрелище огромной толпы неформалов, приветливых и спокойных, явно обескураживало копов.

Группы выступали здесь бесплатно, и самые лучшие чередовались с посредственными, но никто не жаловался, потому

что на открытом воздухе, когда звуки растворяются в вышине, любая музыка воспринимается гораздо круче.

Правда, мне самой было не так уж и круто: зверски болели глаза, а темных очков с собой не оказалось. Кроме того, я по-прежнему была во вчерашней одежде и чувствовала себя очень некомфортно. Я понимала, что выгляжу неплохо, но вечернее платье — не идеальный выбор для такой оказии, поэтому мне все время хотелось сбежать, если кто-то подходил ко мне поздороваться. Потом ко всему прочему добавилась паранойя, что могут появиться The Relation, — мне не хотелось, чтобы Грант засек, с кем я тут тусуюсь. От всех этих сомнений я совсем загналась и устала.

От концерта The Elevation все были в полном восторге. Мы с Энди решили пройтись по территории под ручку и выглядели, думаю, прекрасно. Скоро Энди собрался уходить, потому что им пора было ехать на гастроли на север страны. Из парка они прихватили меня с собой и довезли до моей квартиры.

Чуть позже я позвонила Гранту, чтобы успокоить совесть, но он говорил ужасно грубо, и я разозлилась. Он даже понятия не имеет, насколько ему повезло со мной. Я твердо решила поскорее порвать с ним. И на волне неостывшей злости согласилась через пару дней пойти с Энди в кино. Как ни странно, нам пришлось стоять в очереди за билетами. По-моему, известных музыкантов следует избавлять от такой тягомотины. Пока мы там торчали, к нему без конца подходили всякие девицы со своими восторгами, как им понравилось выступление The Elevation в парке или их последний сингл. Энди смущенно улыбался, не зная, что им ответить. Впрочем, со мной он тоже держался слишком скромно, и приходилось тратить кучу сил, чтобы он вел себя свободнее и не напрягался. Вдобавок он увлекался Гурджиевым и прочей эзотерикой — видимо, у всех гитаристов одинаковые сдвиги. Но я уже наслушалась этих теорий, ведь Дэйви тоже ими увлекался, причем был гораздо убедительнее моего нового юного любовника, да и по второму разу они кажутся еще скучнее.

После фильма мы отправились ко мне домой, потому что я не представляла себе еще одну ночь в его ужасном жилище. Мы валялись, ели бананы и слушали музыку, но было заметно, что ему не терпится скорее затащить меня в постель. Я спросила, как протекает лечение. Энди заверил, что совсем недавно окончательно проверился и все уже в порядке. Он проявлял нетерпение, но я несколько раз переспросила, точно ли он уже здоров. Посчитав, что он не станет врать, раз уж сказал правду в самом начале, я дала ему зеленый свет. Он много суетился и был очень активным в постели, кончил несколько раз подряд, не

доставив мне особого удовольствия, — видимо, сказывался месяц без секса. Оставалось только надеяться, что дальше будет лучше.

* * *

Клуб «The Other Kingdom» все-таки выжили из Ковент-Гардена, когда чиновники отказались продлить лицензию на продажу алкоголя. Все пребывали в унынии. Найти в Лондоне площадку для концертов такого размера не так-то просто. Но нам удалось договориться о долгосрочном сотрудничестве с заведением под названием «The Big Tower» — мы решили арендовать ее под большие мероприятия по субботам. Клуб располагался в здании бывшего вокзального ангара и был приспособлен для любых мероприятий: там проводились спектакли, концерты и киносъемки. Зал вмещал около 2000 человек и, благодаря огромным размерам и высоте потолков, идеально подходил для наших целей.

Как-то вечером Джейсон подвозил меня домой и, рассказав о текущих сложностях с финансами у «The Other Kingdom», вдруг сменил тему на гораздо более личную:

— Как ты думаешь, почему мне не везет?

— В смысле? — удивилась я.

— Ну, я имею в виду, я же вовсе не урод. У меня классная работа, есть машина… Почему я не могу найти себе нормальную девушку?

— Может, ты просто ходишь в неправильные места? — предположила я. — Если, конечно, ты не считаешь нормальными девиц из «The Joint».

Он сказал, что не переносит баб, которые ошиваются в «The Joint», и спросил, где же водятся хорошие девочки.

— Наверное, сидят по домам или зависают в гостях у друзей.

— Кажется, я ни разу таких девчонок не встречал, — пожаловался Джейсон. — Мне нужна такая, которая будет меня любить, заботиться обо мне, готовить мне еду. Тогда я чаще оставался бы дома, вместо того чтобы шляться по клубам и тратить деньги на тусовки. Сейчас я хожу туда от безысходности, потому что других вариантов у меня нет.

Мне стало его жалко, но я не знала, чем ему помочь.

— Вот ты, например, отличная девчонка — мне нравится, какой ты человек, да и фигура у тебя что надо. Скажи, почему я тебе не нравлюсь?

Мне стало немного не по себе от такого вопроса, и я попыталась объяснить Джейсону, что не питаю к нему неприязни,

просто уже занята другим.

— Ну да, так всегда и бывает, — проворчал он.

Остановив машину возле моего дома, Джейсон спросил, можно ли ему подняться.

— Я была бы рада тебя пригласить, но мне надо переодеться и готовиться к выходу, — объяснила я. Мне и без него хватало неловких сцен.

— Ну ладно, — сказал он и уехал.

С Грантом я не разговаривала уже неделю, с тех самых пор, когда он меня разозлил своей неслыханной грубостью. Но в тот вечер The Relation играли в «The Big Tower», и мне очень хотелось после концерта потусоваться с ребятами. К гитаристу The Elevation я совсем охладела. Мне слишком нравился Грант, чтобы обращать внимание на других. Я, как обычно, работала на кассе, когда ворвался Грант с воплями, что он в ярости и ненавидит всех и каждого. Со зверским видом он грозился выгнать Руби взашей за какую-то провинность. Я сразу поняла, что уговорить его позвать меня в гости будет непросто, но все же собралась с силами и спросила, можно ли поехать с ним после концерта. Он ответил, что не в силах сейчас решить, потому что слишком зол, и велел спросить его позже. Поэтому после выступления я пришла в гримерку, села рядом и поцеловала Гранта. С подозрением уставившись на меня, он спросил, что мне от него нужно.

— Хочу поехать вместе с тобой, — ответила я.

Грант сразу сказал «нет», и мне пришлось спешно искать выход. Я понимала, что ничего не добьюсь, если буду играть по его правилам. Если я буду держаться клево и скажу: «Ну и ладно», то на этом разговор и закончится. Но я знала, что ему нравится, когда я изображаю покорность, и ради своих целей мне вовсе не трудно было немного поунижаться перед ним. Я стала умолять его и всячески подлизываться, и Грант оттаял, сказав, что мне полагается по меньшей мере медаль за настойчивость. Однако он по-прежнему не соглашался брать меня с собой, поэтому я начала его задабривать. Сначала я предложила ему «желтеньких»[7], но он отказался. Потом я протянула ему «синенькую», но ее он тоже отверг. В запасе еще оказался настой, однако Грант его раньше не пробовал и побоялся принимать. Наконец я пустила в ход смертельное оружие — «мэнди», и тут он сдался, согласившись принять ее в подарок, пусть и без всяких обязательств. Я начала всерьез опасаться, что сегодня мне ничего не светит.

Когда Грант поднялся и подхватил свой чемоданчик, собираясь уходить, я по-прежнему не получила приглашения и совсем расстроилась. И вдруг он повернулся ко мне, будто только что меня заметил, и спросил:

— Что ты тут делаешь?

— Тебя жду, — сказала я.

В ответ он широко улыбнулся:

— Тогда пошли со мной, и ни слова, а то получишь по башке.

Круто, обрадовалась я, и метнулась в офис предупредить, что сваливаю.

Посадка в микроавтобус превратилась в настоящий кошмар. Сначала мы все пытались туда втиснуться, потом машина отказалась заводиться. Гранту пришлось сесть за руль, поскольку у Билла были какие-то проблемы с водительскими правами, что непростительно для роуди. В дороге все жевали хот-доги, и вскоре весь салон благоухал луком. Вдобавок меня усадили на колени к Уайетту, и он, якобы засыпая, упорно ронял голову мне на грудь. Он и правда выглядел измученным, но позже Грант объяснил мне, что Уайет пытался меня склеить.

Когда мы добрались до постели, я боялась, что Грант продолжит свою жестокую игру и откажет мне. Но нет: он сразу притянул меня к себе и превратился в совершенно другого Гранта, ласкового и нежного, как никогда. В порыве любви — или, может, облегчения — я угостила его «мэнди», и мы мирно уснули.

Следующим утром он вернулся к привычному ворчанию и велел мне готовить завтрак. Он требовал шесть вареных яиц, но я уговорила его на яичницу-болтунью, потому что отлично умею ее готовить. Прежде чем я смогла приняться за приготовление образцового завтрака, пришлось перемыть гору тарелок с присохшими макаронами столетней давности. Мне очень хотелось показать Гранту, что я умею справляться с любой работой. Скоро проснулись остальные, и на кухне появился Спайк в шлепанцах, которые непонятно как держались на ногах. Все отправились в комнату Гранта послушать радиошоу, для которого они записали специальный сет.

Когда ребята снова разбрелись по своим берлогам, мы с Грантом вернулись к обычному бессмысленному разговору: я пыталась убедить его, что он вовсе не такой, каким себя считает, а он, пытаясь доказать мою неправоту, ярился пуще прежнего. Мои попытки разобраться в его душе и заставить его принять себя только смешили Гранта. Исчерпав все аргументы, я сделала ему минет. Он остался очень доволен, и мы долго валялись в обнимку, обмениваясь шутливыми колкостями, пока не пришло время собираться на репетицию. Тут я обнаружила, что пропала моя любимая бархатная шляпа, и Грант обошел весь дом, допрашивая ребят, но так и не узнал, кто ее взял. Тогда он вручил мне взамен свою смешную соломенную шляпу, и я в прекрасном

настроении выпорхнула из дому и отправилась на Кингс-роуд обедать с Реджинальдом.

Глава 13

В один прекрасный день я с ужасом обнаружила у себя странные выделения и повышенную чувствительность в паху. Симптомы становились все серьезнее, поэтому с одной из вечеринок я отправилась прямиком в неотложку. Врач осмотрел меня и, заподозрив венерическое заболевание, срочно направил в специализированную клинику. Вот отстой! Мне с трудом верилось, что я так вляпалась. Во всем наверняка виноват тот придурок из The Elevation.

Я тайком отправилась в венерический диспансер, который, как оказалось, располагался в подвале. Мне выдали зеленую карточку с номером, и я стала ждать своей очереди. Врач, который меня принял, первым делом задал вопрос о моих сексуальных привычках, и я выложила ему все как на духу. Потом он попросил меня зайти в отдельную комнату и раздеться ниже пояса. Сидя в гинекологическом кресле, я чувствовала себя безвольным куском мяса, пока врач с ассистентами осматривали меня и бесстрастно обсуждали вероятные причины заболевания, будто меня там вовсе не было. Потом мне сделали несколько чертовски болезненных анализов, которые, как я и боялась, показали наличие какой-то дряни. Я слезла с кресла, и мне вкатили аж два огромных укола пенициллина и велели на следующий день прийти за новой дозой. И разумеется, секс отныне воспрещался. С собой мне выдали листовки с информацией, которые я должна была раздать всем своим сексуальным партнерам. Впрочем, кроме непосредственного виновника, я тогда спала только я Грантом, но решила заодно припугнуть и Реджинальда. Вручив ему листовку, я полюбовалась его вытянувшимся лицом.

— О боже, — выдохнул он. — Мне придется сдавать анализ крови или еще что-нибудь?

Я еще немного поиздевалась над ним, но в итоге успокоила, сказав, что он вне опасности. В ответ Реджинальд отпустил парочку пренебрежительных комментариев насчет «грязных звезд» и сам посмеялся над своей шуткой. Потом я позвонила Энди и отчитала его по полной программе. Он оправдывался, что последние анализы у него были чистые, и многословно извинялся, что доставил мне столько неприятностей. Как оказалось, он посещал ту же клинику, что и я, и в следующий визит я решила непременно проверить его историю болезни. Под конец разговора он пригласил меня на фестиваль джаза в Виндзоре, где они собирались играть, но я все равно не могла

пойти, потому что работала в субботу, поэтому гневно отказалась.

А вот необходимость объясняться с Грантом совсем меня не грела. Я не сомневалась, что после таких новостей он разорется, обзовет меня шлюхой и выгонит раз и навсегда. Поскольку я успела с ним переспать после Энди, он уж точно подхватил ту же болезнь. Но если я ничего ему не скажу, а сама буду лечиться, то потом обязательно снова от него заражусь. Хочешь не хочешь, а придется признаваться, так что я набрала его номер, втайне надеясь, что его нет дома, но он тут же снял трубку:

— О, привет. Чего надо?

— Хочу кое-что тебе сказать.

— Тогда говори быстрее. У меня куча дел.

— Можно с тобой увидеться? — спросила я. — Речь не о свидании, просто разговор очень личный.

— Нет уж, выкладывай прямо сейчас, — велел он нетерпеливо.

— Ладно, — сдалась я. — Я подхватила венерическое заболевание.

Вместо ожидаемой бури эмоций и криков повисло долгое молчание.

— То есть и у меня то же самое? — спросил он непривычно тихим голосом.

— Я не знаю, что там у тебя. Да и ты сам вряд ли знаешь. — Я решила взять инициативу в свои руки.

— Так, — он тяжело вздохнул, — ничего венерического у меня нет, только аутоиммунное.

— Но в Альберт-холле ты всем и каждому рассказывал, что болен, — напомнила я. Грант пока не спросил, где я подцепила болячку, так что пусть лучше думает, будто он меня заразил.

— Но у меня ничего не было.

— Так или иначе, у меня есть листовка, где написано, что ты должен явиться в клинику и провериться.

— Хорошо, понял. Передашь ее мне сегодня вечером. — Ему даже хватило вежливости сказать «до свидания».

Я была поражена: ни оскорблений, ни привычной ругани. Слишком спокойная реакция для Гранта. Но к вечеру он мог вернуться к своим привычкам, поэтому мысль о предстоящей встрече меня по-прежнему пугала.

* * *

Около полуночи Relation в полном составе шумно ввалились в фойе клуба. Не выходя из-за стола, я кивнула охраннику, чтобы

тот их пропустил. Грант сразу подскочил ко мне и потребовал выдать ему бумажку от врача. Я возразила, что сейчас очень занята с посетителями, и тогда он нагло уселся прямо на стол и принялся ждать, задрав нос и покачивая ногой. Вдруг он довольно громко произнес:

— Я вот тут подумал…

Все присутствующие сразу повернулись.

— Мне интересно, кто тебя заразил, — продолжил он.

Я отчаянно покраснела и попыталась поскорее выпроводить покупателей, прошипев Гранту:

— Замолчи!

— Ну давай, — с деланым сочувствием начал уговаривать он, — расскажи нам, где ты подцепила эту ужасную заразу.

— Не твое дело, — огрызнулась я. — Давай позже поговорим.

— Я его знаю? — продолжал допытываться Грант.

— Возможно.

— Давай, говори уже, — настаивал он.

— Нет.

— Рассказывай, а то спущу тебя с лестницы.

— Ну тогда-то ты вряд ли докопаешься до правды, а, Грант? — усмехнулась я.

Весь расклад начинал мне нравиться: не так уж часто Грант пытался чего-нибудь от меня добиться; обычно все происходило наоборот. Разве что он иногда расспрашивал, как работает «The Other Kingdom» и сколько мы платим группам, но это совсем другое. На самом деле я ничего не собиралась ему рассказывать. Грант прекрасно знал, что я тусуюсь с музыкантами, но мне не хотелось хвастаться своими подвигами в роли группи. К тому же Грант мог запросто втоптать меня в грязь, поэтому я решила, что будет круче промолчать и заставить его терзаться догадками.

— Я все равно выясню, если захочу, — пригрозил он, отправляясь в зал клуба. — И у меня действительно аутоиммунное, вот увидишь.

Позже я тоже пошла послушать группу Traffic и увидела, что Грант стоит в стороне вместе со своими музыкантами. Я подошла и осторожно тронула его за плечо. Он отвел меня в сторону и стал уговаривать отдать ему предписание врача. Теперь я уже не стала упираться и сразу отдала листовку, извинившись за подставу. Он не ответил, внимательно читая текст.

— Не знаю, когда соберусь туда сходить, — наконец сказал он. — Надеюсь, в конце концов все образуется.

Мне стало стыдно, что я устроила ему такую пакость только из-за того, что захотела провести с ним ночь на прошлых выходных.

Когда Traffic закончили, Грант сказал мне, что им пора домой, потому что наутро они уезжают играть в Уэльс. Я грустно кивнула, полагая, что мы прощаемся очень надолго, если не навсегда. Но Грант, к моему величайшему удивлению, сказал:

— Я тебе скоро позвоню. — А потом, внимательно посмотрев на меня, добавил: — Да и ты можешь мне позвонить, если захочешь.

Я кивнула, состроив страдальческую мину, и он вдруг порывисто поцеловал меня на прощанье, попросив не тревожиться.

— Все будет хорошо, — пообещал он.

Доброта Гранта совершенно выбила меня из колеи. Он отнесся к новостям гораздо лучше, чем я ожидала, и даже не стал упражняться в злословии на эту тему.

* * *

После целой недели воздержания я собралась на вечеринку, которую устраивала Теа Портер у себя в Мейфэре. Теа прославилась тем, что открыла магазин в Сохо, где продавалась умопомрачительная одежда из ярких восточных тканей. С собой я решила прихватить Реджинальда: там его все знали, и мое появления рядом с ним автоматически добавляло мне очков. Джейн, моя подруга из глянцевого журнала, и мой сосед Джон тоже были приглашены.

Чтобы вечер удался как следует, я прихватила с собой кучу таблеток и настойки каннабиса с запасом. На мне была шляпа, выданная мне взамен потерянной в доме Relation. Я повязала на нее длинный розовый шарф из шифона, концы которого свисали и красиво развевались при движении. Кроме того, конечно, я надела свои любимые брюки из магазина хозяйки вечеринки и полупрозрачный черный топ. Образ довершали серебристо-белые тени, густо нанесенные вокруг глаз.

Мы с Джейн и Джоном пообедали в ресторане «The Drug Store», оформленном изогнутыми алюминиевыми листами, из-за чего в измененном состоянии сознания было очень непросто ориентироваться среди всех этих отражений. Я очень напрягалась, потому что мне до смерти хотелось произвести хорошее впечатление на крутых модников, которых я надеялась встретить на вечеринке.

Мы заехали за Реджинальдом, одевшимся в привычный наряд, дополненный неизбежными темными очками. Он был крайне мил и остроумен и приобнял меня на заднем сиденье

машины, что весьма впечатлило Джейн. По ее мнению, с Реджинальдом я попала в струю, и с моей стороны весьма дальновидно поддерживать с ним знакомство. На него гроздьями вешались самые разнообразные барышни, потому что он был знаменитым и богатым сынком какого-то лорда или типа того. Реджинальд же смотрел на фанаток свысока и держался с ними по-аристократически холодно, а ко мне относился очень хорошо, поскольку я была для него совершенно другим типом девушки. Я часто говорила ему, что он не моего круга, на что он обиженно дулся и вкрадчиво возражал: «Милая, я вхож в любые круги! Я общался с музыкантами, когда ты еще в школу ходила». В ответ я шутила насчет его возраста (хотя ему только-только стукнуло тридцать) и уверяла, что он слишком стар для наших тусовок. Он за словом в карман не лез и всегда находил язвительный ответ на мои подколы, но я его обожала. Своим интеллектом и манерами Реджинальд выгодно отличался от туповатых музыкантов, с которыми я обычно тусовалась, и мне всегда было приятно показаться в обществе с таким умным и успешным мужчиной.

Когда мы наконец приехали на вечеринку, нас встретила Теа Портер и, к моему удовольствию, мило поприветствовала меня поцелуем в щеку. Вокруг было полно очаровательных гостей в нарядах из ее магазина, и Теа представила меня всем по очереди. Когда меня спрашивали, чем я занимаюсь, я отвечала, что работаю в «The Other Kingdom», и у народа тут же загорались глаза. Меня оживленно расспрашивали, что такое психоделика и пробовала ли я ЛСД. Мне льстило, что я в состоянии просветить собравшихся с позиции знатока. Я могла рассказывать любые байки или пытаться поразить гостей, но по-настоящему удивить таких людей было сложно. Дело не в том, что им не хватало мозгов или типа того, но большинство из них страдало своего рода ментальным спазмом, который блокировал их сознание в жестких рамках определенного мышления и поведения, и добраться к ним сквозь эту броню было очень сложно.

С приличными людьми всегда так: мы для них всего лишь цирковые уродцы. Стоит кому-нибудь из нас оказаться в их компании, как они сразу нас окружают и начинают расспрашивать и изучать. Но не ради расширения собственного угла зрения и знакомства с другим образом жизни, а лишь для того, чтобы еще больше утвердиться в правоте своих предубеждений. Многие из них умудрились все же отведать вкус нашей жизни и даже принять некоторые из наших правил, когда они были им на руку. Другие считали нас бесполезными и даже опасными, но все равно им интересно было на нас посмотреть, только чтобы удостовериться, что уж с ними-то точно все в

порядке. К счастью, находились и правильные люди, которые не пытались нас осудить или поменять, а просто общались с нами на равных. С такими всегда было приятно тусоваться и болтать, веселясь над разницей наших представлений о жизни. Теа была именно такой: ее сознание и без всяких наркотиков отличалось необыкновенной широтой, поэтому я с радостью приняла ее приглашение.

Вечеринка выдалась на славу. Я наслаждалась компанией Реджинальда и интересными разговорами с людьми, которым он представлял меня как свое прекрасное маленькое открытие, а потом наблюдал со стороны, как мы общаемся. Мне очень понравился и сам дом с изысканным декором и обилием редкой дорогой мебели, а также изысканными фуршетными закусками и морем шампанского — хотя сама я не пила, потому что мешать алкоголь с настойкой каннабиса не очень круто. Реджинальд слегка напился и случайно разбил бокал с красным вином.

Гости сочли мою реплику просто уморительной. Понимаете теперь, о чем я?

Джейн уехала пораньше, а мы остались до самого конца. Джон вызвался отвезти нас домой. Ему порядком поднадоела вечеринка: его бесила вся эта правильная публика. Но таков уж Джон: ему только дай повозмущаться. В машине я уселась к Реджинальду на колени, и мы всю дорогу целовались. Его руки блуждали по моему телу, но я все же решила не спать с ним, чтобы ненароком не заразить. Когда мы его высаживали, я нежно поцеловала его и пообещала, что мы скоро встретимся.

— Очень-очень скоро, — сказал он с улыбкой, выходя из машины, и долго не отпускал мою руку в романтическом прощании.

Когда мы поехали дальше, Джон признался, что ему до сих пор не верится в мой роман с Реджинальдом. Конечно, он умен и успешен, но абсолютно не в моем вкусе. Я объяснила, что именно благодаря разнице между нами Реджинальд мне и нравится. Но Джону было сложно понять такой расклад. Не только правильная публика бывает ограниченной.

Глава 14

Я сидела в кровати, ела булочку с маслом и читала «Слепящую тьму» Кёстлера, когда ко мне ворвался Джон и сообщил, что звонит Грант и требует, чтобы я срочно взяла трубку. Ничего себе, подумала я, он сам позвонил мне, хотя недавно я послала ему записку, что мне уже лучше.

Я взяла трубку и сказала, повторяя его обычный вопрос ко мне:

— Так, ну и что тебе нужно?

— Чем ты занята? — спросил он.

— Собираюсь спать, а почему ты спрашиваешь?

— Не важно, — сказал он. — Что у тебя есть?

— А чего ты хочешь?

— Наркотики, таблетки, порножурналы… и побольше, — заявил он. — Хватай все это и скорее приезжай ко мне.

Я робко возразила:

— Грант, уже час ночи, и у меня жуткая простуда. И я в кровати.

— И то и другое ты с успехом получишь и здесь, девочка моя.

Мне пришлось согласиться, поскольку дело того стоило.

Кое-как приведя себя в порядок, я ринулась собирать пузырьки и журналы. Намереваясь всех поразить, я решила поехать прямо в ночнушке, только накинула сверху длинное пальто и надела ботинки. Прихватив одежду на завтра, я поймала такси. У двери дома Relation обнаружилось, что вместо звонка из стены торчат два провода и надпись с подсказкой: «Соедините проводки, чтобы позвонить». Так я и поступила и очень скоро услышала, как Грант шлепает в тапках по лестнице.

В комнате Билла собралась целая толпа. Народ пропитывал сигареты настойкой, которую принесла Венди: там совсем не было сиропа, и пить ее было невозможно из-за высокой концентрации медицинского спирта. Я обычно покупала у знакомого химика состав с сиропом, который он называл «коктейль с каннабисом». Нам с Венди пришлось перейти на рецептурные препараты после очередного обыска в нашей квартире: копы ничего не нашли, но у нас появился повод наведаться к лондонскому врачу, который хорошо относился к любителям травы, и объяснить, что нам нужен рецепт[8]. Да и в любом случае настойки куда круче косяков: от них сильнее торкает, а проблем гораздо меньше.

Я вывалила содержимое сумки прямо на кровать Гранта: пузырек с «мэнди», бутылочка пилюль декседрина, флакон с моей

настойкой и две большие зеленые облатки успокоительного, которые мне выдал врач скорой помощи, когда я перебрала с декседрином. Я предложила Гранту принять «мэнди» и заесть ее успокоительным и декседрином, но в меньших дозах, чем я. Перебрав мои запасы, Грант попросил дать ему настойки. Я налила ему чуть больше нормы и велела выпить залпом. Он поморщился, но проглотил. В этот момент по лестнице прискакал Спайк и стал рыскать глазами по комнате, пытаясь понять, чем это мы тут таким заняты.

— Привет-привет! — промурлыкал он. Вид у него был уже достаточно убитый. — Ну-ка, что это у нас тут?..

— Каннабис, — сухо пояснил Грант.

— О! Каннабис! Каннабис! — откликнулся Спайк возбужденным эхом.

— Да, все верно.

— А можно? Можно мне тоже?.. — Он настолько завелся, что даже не мог закончить предложение.

Грант ответил, что это мое, поэтому Спайк умоляюще посмотрел на меня. Я налила ему небольшую порцию, и он ее мигом проглотил.

— Осторожно, — предупредил Грант. — Он уже идет сюда… Наркотики он за милю чует.

— Привет, — сказал Джо, просовывая голову в комнату. — Что это у вас?

— Настройка каллабиса, — выпалил Спайк, перепутав половину звуков.

— Господи Иисусе, да возьми ты уже себя в руки! — прикрикнул Грант на вокалиста. — Это каннабис.

— А, микстура каннабиса, — ляпнул Джо и причмокнул губами.

— Настойка, — поправила я.

— Нет, микстура… Я знаю, о чем говорю, — принялся спорить Джо. — А как она действует?

Когда я объяснила, глаза у него загорелись.

— Можно мне тоже немного? — попросил он.

Спайк донимал Гранта, пытаясь выяснить, когда препарат подействует, а Грант отвечал, что самое время заткнуться и спокойно подождать. Я налила Джо чуть больше, чем Спайку, но гораздо меньше, чем своему парню. Всем хотелось знать, когда же уже начнет торкать, и я ответила, что придется подождать около получаса. Всеобщее внимание переключилось на таблетки, которые Грант раскладывал по обычным аптечным пузырькам, чтобы избежать ареста. Музыкантам сразу захотелось еще и пилюль, но менеджер строго заявил, что сам будет распределять

запасы. Джо попросил успокоительное, но мы его отговорили, потому что в сочетании с настойкой оно не имеет никакого смысла. Мы долго пытались придумать, куда спрятать пузырьки, но ничего умного так и не пришло в голову, поэтому на время Грант просто засунул их под матрас и пошел ставить пластинки. Он очень любил старый соул и блюз и настоял на том, чтобы слушать их на полную громкость. Спайк отчалил, пробормотав, что на него так ничего и не подействовало, а Джо потребовал еще одну ложку зелья, потому что тоже не почувствовал эффекта. Я дала ему добавки, хотя ему она не очень-то и требовалась, ведь приход еще не начался. Приятели Билла стали возмущаться по поводу выбора музыки, но Грант в ответ заорал:

— Я сегодня ваш диджей, поэтому будете слушать то, что я вам поставлю!

Тут я эффектно сбросила пальто и осталась в одной ночнушке, но ни Грант, ни Джо даже глазом не моргнули. Тогда я тоже сделала пару глотков из бутылочки, чтобы поскорее вылечиться от простуды — настойка каннабиса наверняка очень помогает, — а потом еще несколько глотков на удачу и чтобы поскорее улететь. Грант с Джо опять принялись ныть, что приход все еще не начался. Я попыталась объяснить, что они почувствуют его чуть позже и совершенно неожиданно. Сначала кажется, что ты адски накурился и тебя размазывает, а еще через час-другой, если принять нужное количество, начинаются странные физические ощущения, которые ни с чем не спутаешь. Джо спросил, похоже ли это на кислоту, и я ответила, что только чуть-чуть. Тут Грант навострил уши и заорал:

— Ничего подобного со мной не будет!

— Грант, уже слишком поздно, — объяснила я.

— Я буду сопротивляться, — с уверенностью возразил он.

— Делай что хочется, — посоветовала я, поскольку уже знала действие настойки.

Так мы и сидели: Джо прислонился к одной стене, Грант — к другой, а я между ними. Грант решил устроить светомузыку и вкрутить вместо оранжевой лампочки красную и синюю. Потом он принялся доставать свои старые пластинки с соул-синглами и ставить их по очереди, а Джо должен был догадаться, о каких клубах Ноттингема напоминают эти песни. Раньше «сэр Грант», как его тогда называли, был популярным диджеем в Ноттингеме. Джо смог опознать клуб «Oodle Boodle» на Грэмптон-стрит, и они оба захихикали, вспоминая об этом месте. Я спросила Джо, накрыло ли его, и он кивнул, расплывшись в улыбке. Грант попытался изобразить, как они танцевали, когда Relation еще были обычной классической соул-группой, но ему

катастрофически не хватало места и он постоянно спотыкался о наши ноги, пока наконец не повалился в изнеможении на матрас. Потом он вдруг резко вскочил с крайне озабоченным видом.

— Что с ним? — спросила я у Джо.

— Она спрашивает, что случилось, — повторил Джо Гранту.

— Надо кое-что проверить, — пробормотал Грант себе под нос.

— Что проверить?

— Надо проверить комнату Билла, — ответил Грант.

— Зачем?

— Да он чертов повелитель огня, вот зачем. — С этими словами он ринулся к двери и, обернувшись, добавил: — За ним нужно постоянно следить.

Он взлетел вверх по лестнице и начал звать Билла. Мы с Джо выключили музыку и прислушались. Грант забарабанил в дверь Билла и, не получив ответа, снова заорал:

— Билл! Билл! Ответь срочно!

— Я внизу, — раздался спокойный голос Билла с первого этажа.

— Где внизу? — завопил Грант.

— Да мы все тут, у Спайка в комнате.

— А я наверху! — проревел Грант.

— Да в чем дело-то?

— Дверь заперта, а я уверен, что от твоей комнаты остался только пепел.

— Моя комната… — Голос Билла звучал уже совсем рядом, и в нем читались нотки паники. — Что случилось у меня в комнате?

У Билла вечно загорались матрасы и книги. Он очень боялся однажды сгореть в собственной постели. Тут вмешался взбудораженный голос Спайка:

— Чего-чего? Что случилось?

— Я чувствую запах дыма! — закричал Билл, и мы услышали, как он несется вверх по лестнице.

— Тащи сюда свою задницу и скорее открывай дверь, пока мы не сгорели ко всем чертям! — Грант в истерике дергал ручку на двери, отчего общая паника только усилилась.

Обитатели дома понеслись в комнату Билла, спотыкаясь и падая по пути. Спайк то и дело возбужденно вскрикивал. Мы услышали, как они наконец открыли дверь и завалились в многострадальную комнату. До нас доносились приглушенные голоса, но к тому моменту мы уже окончательно потеряли интерес к происходящему.

Я испытывала смешанные чувства от того, что оказалась с Джо наедине. Он мне все еще нравился, но гораздо меньше

Гранта, так что все было клево. Джо погрузился в глубокую задумчивость, а когда Грант вернулся, удостоверившись, что в комнате Билла нет никакого пожара, Джо вдруг заявил с воодушевлением, что Грант непременно станет олицетворением семидесятых, потому что он этого достоин. И я внезапно с удивительной ясностью поняла: ух ты, а ведь Джо прав! Грант такой потрясающий, что заслуживает признания. Объект нашего восхищения задумался ненадолго и решительно заявил:

— Я просто остаюсь самим собой. Но вы, конечно, видите только то, что снаружи, а не внутри. — Он еще немного подумал. — Хотя на самом деле, если судить по поступкам, именно мое внутреннее «я» побуждает меня к такому поведению.

Он долго объяснял разницу между своей внешней оболочкой и настоящей сущностью, а Джо кивал с глубокомысленным видом и уверял, что ему удалось увидеть истинную личность Гранта. Потом он положил руку мне на коленку и заявил, что разгадал и мою личность, на что Грант ответил, что он тоже давным-давно разобрался и в Джо, и во мне. Тут мне стало страшно, потому что я-то ни одного из них так и не поняла. Вот сидят два безумных необразованных парня, которые утверждают, будто раскусили всех и каждого, а я вообще никого не могу понять. Грант велел мне замолчать и убраться обратно в угол, хотя я не двигалась и не сказала вслух ни слова.

Грант поставил какой-то длинный альбом, и мы все устроились поудобнее. Через некоторое время я заметила, что ноги ребят соединились и я оказалась между ними в замкнутом треугольнике. И так оно и было на самом деле: Джо олицетворял мое прошлое, а Грант — настоящее. Теперь все виделось мне по-другому, хотя меня по-прежнему волновали они оба. Разговаривая, Джо клал ладонь мне на ногу, а Грант, которому было сложно сидеть прямо, постоянно на меня прикладывался. Время будто перемешалось, я не могла вспомнить, кто из них сейчас мой парень.

В дверях, точно привидение, появилась Венди и спросила, нет ли у нас мелочи. Мы не сразу поняли, чего она хочет, но Грант моментально сказал «нет». Он вообще считал, что всегда гораздо проще сразу отказать, чем разбираться. Она снова уплыла в темноту, но очень скоро вернулась с тем же вопросом. Видимо, ей нужно было закинуть деньги в парковочный аппарат или еще куда.

Джо с Грантом не спешили ей помочь, поэтому мне пришлось перегнуться сначала через Джо, чтобы добраться до сумочки, а потом через Гранта, чтобы под светом лампы рассмотреть ее содержимое. Я нашла несколько монет и отдала их Венди, а

потом снова перегнулась через Джо, чтобы положить сумочку обратно. Он все это время лежал без движения и с наслаждением слушал пластинку. Я долго разглядывала его сквозь челку и думала, что он мне, конечно, по-прежнему нравится. Потом я перевела взгляд на Гранта и поняла, что он мне тоже дико нравится. Эта ситуация меня нисколько не беспокоила, скорее наоборот: было очень круто зависать с двумя парнями, от которых я в восторге.

Пластинка закончилась, но никто не шелохнулся, пока Джо наконец не собрался с мыслями, чтобы встать и поставить другую. Он выбрал первое, что попалось под руку, а когда вернулся на прежнее место, немного промахнулся и сел мимо матраса на пол. Теперь мы видели только его ноги, остальное скрывала занавеска, на край которой он, по всей видимости, уселся. Скоро карниз не выдержал и обрушился прямо на Джо. Мы все вскочили и стали приделывать занавеску на место. Каким-то чудом нам это удалось, и мы, довольные и уставшие, снова повалились на матрас. Очередная пластинка закончилась, и Грант поставил новую. Громкость по-прежнему была выкручена до предела. Люди из комнаты Спайка пытались кричать на нас, но их сопротивление постепенно угасало. Видимо, они тоже уже были не в себе. На этот раз звучал альбом Дайон Уорвик, которую я в обычном состоянии не жаловала, но сейчас мне ужасно нравилась партия ударных. Спайк прервал наши бдения, просунув голову в комнату и сообщив, что он проголодался и собирается готовить еду. Джо поддержал его, но даже не шевельнулся, чтобы помочь. Я лежала на подушке, у меня на плече покоилась голова Гранта. Если вытянуть ногу, я могла большим пальцем достать до ноги Джо. Мне хотелось пошевелиться, но почему-то не получалось. Тут палец на ноге начал гореть и будто распух, наполнившись жидким пламенем. Я испугалась, что от него загорится нога Джо, и постаралась отодвинуться подальше. Потом мне пришло в голову, что нехорошо елозить ногой туда-сюда, и я оставила эту затею. Джо пытался прочитать текст на обложке альбома Дайон Уорвик, но света не хватало. Он помучился пару минут и, сдавшись, улегся на место. Я заметила, как он недовольно наморщил нос: до нас долетели запахи стряпни с кухни. Видимо, они сильно раздражали Джо, потому что он встал и пошел проверить, что же там готовит Спайк. На кухне вокалист с выпученными глазами стал уверять, что на улице стоят две полицейские машины. Мы сразу вспомнили про наркотики, спрятанные в доме, но дальше этого паранойя не зашла: нам было слишком лень хоть что-то предпринять. Джо все же решил пойти и проверить, а когда вернулся, заявил, что у Спайка

галлюцинации, потому что никаких полицейских машин там нет. Так ребята и сновали по кухне, продолжая спорить.

Глава 15

Говорить я уже практически не могла, превратившись в чистый разум, отделившийся от тела. Видимо, Грант переживал похожее состояние, потому что уже довольно давно молчал. Он сидел с широко раскрытыми глазами и к чему-то прислушивался — то ли к звуками, то ли к собственным мыслям. Я стала размышлять о том, думает ли он в процессе действия или сначала решает, как поступить, а потом действует, но так и не пришла ни к какому выводу, когда он притянул меня к себе и начал целовать. Из-за сильной простуды я с трудом дышала, и пришлось хватать воздух уголком рта. Я очень старалась не испортить романтическую сцену своим хрипом. В ход пошли языки, когда мы осознали, что дверь в комнату открыта нараспашку. Я встала ее закрыть и решила тогда уж заодно смотаться в туалет. Вернувшись, я обнаружила, что Грант уже забрался в постель. К счастью, на мне была ночнушка и не пришлось устраивать привычный ритуал складывания одежды на краешек матраса. Я юркнула к Гранту под одеяло, гадая, что будет дальше, ведь мы так и не обсудили наше состояние здоровья и предписания врачей. Мы снова начали целоваться, и скоро рука Гранта оказалась у меня между ног, а я крепко схватила его член, и нам стало совершенно не важно, что там говорили доктора. Похоже, Грант вообще ни о чем не беспокоился и продолжал ласкать меня, и мы целиком отдались процессу, но в самом разгаре любовной сцены на нас рухнуло радио, прилаженное к стене. Мы страшно испугались, потому что находились в совсем другом мире, и это неприятное происшествие грозило разрушить всю романтику. Я покорно признала, что это моя вина, и принялась, как всегда, извиняться, пока Грант с недовольным видом вешал тяжеленный прибор на место. Крепление выглядело таким ненадежным, что я заметила:

— Мне не заснуть, пока эта штука будет надо мной висеть.

— Если радио упадет на тебя, то так тебе и надо, — бросил Грант и снова меня обнял.

Похоже, ему ничто не мешало вернуться к нашему занятию, и тут же все опять стало круто. Я села на него сверху, и Грант впервые за то время, что мы трахались, попросил меня не спешить. Видимо, ему было слишком хорошо и он хотел растянуть удовольствие. Мы занимались любовью очень медленно, и казалось, это длилось часами. Внезапно он опрокинул меня на спину и задвигался активнее. А потом произошло нечто странное. Обычно он старался подольше не

кончать, чтобы я успела получить удовольствие, а под конец я делала ему минет: Грант соблюдал осторожность, поскольку мы никогда не говорили о контрацепции, и он старался не кончать в меня, и к тому же ему нравилось, когда я ему отсасываю. Но теперь он впервые кончил в меня. Сначала я обрадовалась, решив, что мы перешли на новый уровень отношений, но потом вспомнила, что из-за болезни перестала принимать противозачаточные таблетки, ведь мне все равно было запрещено трахаться. Под кайфом я так увлеклась, что забыла обо всем на свете, хотя обычно очень тщательно слежу за приемом пилюль. В ужасе я воскликнула:

— Ох, вот засада! — потому что я просто обязана предупредить партнера, когда такое случается.

— В чем дело? — грубо спросил Грант, моментально возвращаясь к обычному агрессивному тону.

Так всегда бывало: в постели он вел себя как нормальный любовник, но для него нормальным было совсем другое состояние, если вы меня понимаете. Может, мне надо радоваться, что хотя бы в постели он со мной нежен, но я ведь не знала, как он себя ведет с другими девчонками.

— Я должна тебе кое-что сказать, — начала я.

— Чем ты меня на этот раз наградила? — рявкнул он.

— Речь, скорее, о том, чем ты меня наградил…

— О чем ты? — спросил он, приподнявшись на локтях и с подозрением уставившись на меня.

— Дело не в болезни, — объяснила я. — Просто сейчас самое неудачное время цикла.

— И?

— И я бросила принимать противозачаточные. Мне казалось, что это ни к чему, понимаешь?

— И что теперь? — В его голосе слышалась угроза.

— Теперь я с большой долей вероятности могу забеременеть.

— Я вообще ничего не хочу знать! Не нужно мне рассказывать, это меня не касается! — выпалил он на одном дыхании.

— Но ведь я имею право хотя бы предупредить, правда, Грант?

— Ничего подобного! Это твои проблемы, а мне и своих хватает.

— Но ведь ты так не думаешь, — попыталась я уговорить его.

— Именно так я и думаю! Пора бы уже понять.

— Ты не такой, — возразила я, гадая, о каких своих проблемах говорил Грант.

— Да нет же, я именно такой. Просто разберись с этим сама,

вот и все. Даже не думай через шесть месяцев прибежать ко мне с огромным пузом. Я ничего не хочу знать, ясно?

Не зная, как реагировать, я промолчала. Пока можно было не тревожиться, ведь еще не факт, что я действительно залетела. Я решила сменить тактику и спросила:

— А ты меня возьмешь с собой в Гайд-парк в субботу? — Мне очень хотелось попасть на концерт Relation на бесплатном фестивале.

— Нет! — рявкнул он. Видимо, мне полагалось сразу несколько черных меток.

— Почему? — все-таки решилась я спросить.

— Потому что я беру с собой другую девушку, вот почему.

Такого поворота я совсем не ожидала. Любые другие отговорки я бы еще поняла, но другая девушка… Нет, не может быть.

— И с кем ты пойдешь? — потребовала я объяснений.

— С Пэтти. — Грант говорил о секретарше Роланда Джонса.

— Но почему именно с ней?

— Потому что он попросила… и не только поэтому, — заявил он самодовольно. — Ты еще не все знаешь.

Меня душила ревность.

— И чего же я не знаю? — спросила я.

— После концерта я поеду с ней за город, — пояснил он с наглым видом и стал ждать моей реакции.

— Зачем? — спросила я мрачно.

— Она захотела поехать, и мне она нравится. Я планирую замутить с ней небольшой роман.

— Не надо, — печально попросила я.

Грант ускользал от меня, и я настолько обломалась, что стала умолять его взять меня на концерт в парке, и тут он спросил:

— Ну что, больно тебе?

— Очень, — ответила я.

— Знаю. Я и сам вижу, как тебя ранили мои слова, бились об тебя, как камни, — бам, бам, бам… Будешь знать, как меня злить. А теперь можешь дуться сколько угодно.

Я молча отвернулась и съежилась на другой стороне матраса, пытаясь разобраться в своих чувствах. Он действительно собирался приударить за этой девкой? Вполне возможно… Ведь они постоянно сталкивались в офисе. Интересно, как она выглядит? Мне не верилось, что Грант решил меня бросить. Может, он просто хотел заставить меня помучиться?

— Ты еще не плачешь? — спросил он безжалостно. — А уже должна бы.

— Нет, я не плачу. — Я старалась говорить безразлично.

— Вот и зря, — огрызнулся он.

— Если ты решишь ее закадрить, ноги моей здесь не будет.

— Ну и ладно, — ответил он.

Черт, подумалось мне, так я ничего не добьюсь. А Грант тем временем пустился в хвастовство, и я не могла понять, серьезно он говорит или нет. С ним вообще не разберешь, что к чему.

— Когда я стану символом семидесятых, — разглагольствовал он, — ты мне будешь только мешать. Хотя, возможно, я даже позвоню тебе как-нибудь.

Вот тут он промахнулся. Я сразу поняла, что все это время он блефовал и хотел только припугнуть меня. Я прямо заявила, что он врет, а Грант стал яростно отнекиваться, хотя едва ли мы оба понимали, о какой именно лжи идет речь. Дальше он добавил, что вообще никогда не говорил мне правду. Я совсем запуталась и решила, что единственный выход — опираться на его поступки, а не на слова. Потом я призналась, что Венди передала мне их разговор на кухне, когда он сказал, что его раздражает моя неспособность ответить грубостью на его грубость.

— Так и есть, — подтвердил он. — Я знал, что эта информация дойдет до тебя и заставит понервничать. Мне нравится тебя изводить, но почему ты не злишься на меня? Я тебе грублю, а ты ничем не можешь ответить. Разве это не значит, что мы несовместимы? Да-да, мы несовместимы. — Ему настолько понравился собственный вывод, что он несколько раз повторил его на разные лады.

— Тогда хватит сплетничать с Венди. Она мне все равно передаст твои слова, а я не хочу слушать всякие гадости.

— Так ведь поэтому я так и поступаю.

— Но зачем? Мало того что ты сам мне грубишь, так ты еще и подключаешь посредников?

— Я просто держу тебя в тонусе, чтобы не расслаблялась. Тебе полезно понервничать, и меня это забавляет. Так что вот. Продолжай меня развлекать, и у нас все будет в порядке.

Неужели единственная причина, по которой я нравлюсь Гранту, заключается в том, что его забавляют мои попытки ему угодить?

— Ты ублюдок, — сказала я.

— Еще какой, — согласился он. — Некоторые созданы быть милыми, а другим приходиться вредничать. Такой уж я мерзавец. Ведь гораздо проще быть хорошим. Но именно у плохих получается добиться своего. И если я стану лицом семидесятых, то только потому, что мне хватит подлости.

— Ты просто спятил, — возразила я, хотя в глубине души поверила ему.

— Как скажешь, — заметил он, — не буду тебя разубеждать.

— Но ты ведь не хочешь, чтобы я видела в тебе только плохое, Грант?

— Еще как хочу! Считай меня именно тем ублюдком, каковым я и являюсь. И я должен таким быть, если собираюсь стать символом семидесятых. Впрочем, мне осталось жить восемнадцать месяцев, так что к чему стесняться?

— Ты врешь, — сказала я неуверенно.

— Конечно, я все время вру, — кивнул Грант.

— Ты и сейчас врешь?

— Да.

— Это ложь?

— Да.

— Ты врал про Пэтти?

— Да.

— Ох, Грант, спасибо! — Мне стало легче. — Я знала, что ты не всерьез.

— Я никогда не говорю всерьез.

— А вот я тебе верю, и это важно для меня.

— Все что угодно, лишь бы ты была счастлива.

— Спасибо, Грант.

— Не за что.

— Какой же ты милый, — сказала я. — Значит, мне можно пойти на фестиваль в Гайд-парке?

— Конечно, можно.

— Спасибо огромное!

— Но только не со мной. Я беру с собой Пэтти. Но я ведь не могу запретить тебе пойти, правда?

— Но я думала…

— Я знаю, что ты думала. Этого я и добивался, наблюдая, как ты бежишь прямиком в ловушку. Ты так ничему и не научилась, а? — Грант торжествующе уставился на меня.

Терпение у меня лопнуло. Я снова запуталась и была совершенно не в силах разобраться в логике Гранта. Мне так и не удалось добиться ответа, а голова будто превратилась в огромный дирижабль и грозила вот-вот улететь. Я улеглась с твердым намерением уснуть и ни о чем не думать, но тут меня накрыло странное ощущение: ноги словно парили в полуметре от земли, а на грудь давила тяжеленная наковальня. Я с трудом дышала, но все же провалилась в сон. За остаток ночи нас побеспокоила только картонная фигурка кошки, которая почему-то упала на нас. Проснувшись, мы с подозрением уставились на нее, а потом друг на друга, после чего снова завалились спать.

Глава 16

Мы проснулись в 10:30. По крайней мере, столько было на часах, когда Грант растолкал меня и заставил выйти и позвонить в службу точного времени. Будильник Гранта остался у Руби, потому что в то утро у него была куча дел. Я вернулась обратно в постель, а Грант топал по комнате, одеваясь и собираясь. Спросонья я всегда не в настроении и обычно жду, пока Грант уберется, и только потом встаю. На половину двенадцатого у меня была назначена встреча с поверенным по поводу телефонного счета на 250 фунтов, который мне выкатили за время работы на Римском фестивале, когда приходилось звонить в Америку и Европу. Я решила, что сегодня никуда не пойду, а позже позвоню поверенному и извинюсь.

Я лежала и смотрела, как Грант одевается. Этим утром на нем были вельветовые джинсы, темно-синяя рубашка и короткая безрукавка. Он довольно часто носил обтягивающие джемперы, в которых выглядел совсем мальчишкой. На талии у него болталась медная цепочка со свисающими ключами, прямо как у тюремного надсмотрщика. Он надел потрепанные белые кеды, в которых я его увидела в первый раз, и я только сейчас заметила, что на самом деле это бейсбольные бутсы. Грант очень ими гордился и любовно чистил и полировал. Бросив мне: «Увидимся», он вышел из комнаты. Я не ответила. Еще целых полчаса он блуждал по дому: Руби проспал, и Грант на него наорал, а потом начал перераспределять утренние обязанности; разбудили Билла, и начались долгие споры по поводу того, кто поедет в «Sound City».

Наконец Грант отчалил, объявив всем и каждому, что примет ванну в конторе, потому что тут можно подцепить паразитов. Я еще немного повалялась. Наутро я все еще была под кайфом, но по-другому. По ощущениям я ушла очень далеко от вчерашних событий, и тем не менее не могла о них не думать. Похоже, ночные разговоры слегка вынесли мне мозг, и теперь уже не верилось, что они происходили на самом деле. И все же я помнила каждое слово, по-прежнему изумляясь тому, что творится у Гранта в голове. Разгадаю ли я его когда-нибудь? Мучает ли он точно так же других девчонок? Но я не знала ни одной его бывшей девушки, которую могла бы расспросить, а от его соседей толку было мало: они слишком давно знали Гранта и привыкли к его эксцентричности.

Я заметила на столе блокнот и решила поискать подсказки в его заметках. Просмотрев их, я обнаружила между страницами несколько писем. Первое было от его мамы. В нем говорилось:

«Дорогой Грант, здесь те вещи, которые ты просил. Я не смогла отправить по почте банку супа, поэтому послала упаковку сухой смеси. Получится абсолютно то же самое, если аккуратно следовать инструкции. Убедись, что кастрюля чистая, потому что в Лондоне наверняка легко отравиться».

Какая милая материнская забота, подумала я. Остальные послания были написаны на маленьких квадратиках голубой бумаги для заметок очень детским почерком, и во всех говорилось примерно одно и то же: «Милый Грант, я очень по тебе скучаю и расстроилась, что ты не смог приехать на выходных и повидать меня. Но ты, наверное, очень занят. Я мечтаю остаться с тобой вдвоем хоть на несколько часов…»; «Милый Грант, интересно, навестишь ли ты меня на следующих выходных? Я безумно люблю тебя. Просто обожаю. Я не могу забыть то прекрасное время, которое мы провели вместе, прежде чем ты уехал, и я уверена, что и ты меня помнишь…»; «И, милый Грант, я бы очень хотела приехать в Лондон и побыть с тобой хоть немножко. Тебе, конечно, придется прислать мне денег, но разве не замечательно снова увидеться? А то мы встречаемся всего на пару часов». Еще в одном письме говорилось: «Милый Грант, меня очень огорчило известие о твоей болезни. Что же это такое? (Вот и мне интересно, милочка.) Может, еще что-нибудь случилось, милый? Твои письма в последнее время, кажется, изменились. Если тебя что-то беспокоит, пожалуйста, скажи мне, дорогой, ты же знаешь, ради тебя я готова на всё…» Господи, подумала я, что за ерунда? В письмах упоминался ребенок по имени Дерек, но не говорилось напрямую, что Грант его отец. Девице, видимо, очень хотелось попасть в Лондон, но, судя по всему, пока она не очень преуспела.

Я просто не верила своим глазам. Письма были совершеннодурацкие и беспомощные, да и правописание хромало. Неужели Гранту не противно читать неграмотные девчачьи любовные послания? Да что за бред? Он запрещал мне любые нежности — и вдруг хранит слюнявую чепуху от какой-то провинциальной цыпочки по имени Сьюзан? И такая дура ему нравилась? Или он даже любил ее? Как он терпел эту безмозглую болтовню и что писал Сьюзан в ответ? А вдруг она фантастически красива? Нет, автор таких писем просто не может быть красавицей, у нее ума не хватит выглядеть отпадно. Возможно, такой тип цыпочек и нравится Гранту на самом деле? И я вспомнила, как он критиковал мои хипповые наряды.

В полном недоумении я лежала еще около часа, пытаясь во всем разобраться. Кто-то спустился по лестнице и начал набирать номер на телефонном аппарате. Это оказался Уайетт, который

звонил в Кеттеринг или еще куда-то.

— Здравствуйте, миссис Робертс, это Уайетт. Как папа? — сказал он, продолжая запихивать шестипенсовики в аппарат. И снова: — Здравствуйте, миссис Робертс, это Уайетт… Нет, Уайетт, миссис Робертс… Нет, миссис Робертс, — с бесконечным терпением, — то был Малькольм, а меня зовут Уайетт… Да, миссис Робертс, Малькольм Ричардз. — И зазвенели шестипенсовики.

Похоже, Уайетту наконец удалось объясниться с миссис Робертс, и он продолжил:

— Я видел в магазине на углу рубашки всего по двадцать шиллингов за штуку и подумал, может быть, папа тоже захочет парочку? — Миссис Робертс, должно быть, подтвердила, что папа непременно захочет парочку рубашек, поскольку Уайетт ответил: — Ладно, тогда я куплю их и постараюсь привезти как можно скорее. — Затем он кладет трубку и тихонько уходит обратно в свою комнату.

Да что же такое, подумала я, прямо день интимных признаний звезд рок-н-ролла! Затем я услышала, как Билл приглашает желающих к себе в комнату кофе. Я решила забить сегодня на работу и позвонила сказать, что меня замучила простуда. Затем, все еще в ночной рубашке, поднялась к Биллу. Помимо прочего, мне нужно было посоветоваться с Венди по поводу этих писем.

Похоже, ее мой рассказ не особенно удивил. По словам Венди, публика, с которой Relation знались до приезда в Лондон, не сильно отличалась от этой Сьюзан. Я так и предполагала, но оглянулась на Билла, чтобы увидеть его реакцию, но он и глазом не моргнул, храня абсолютное спокойствие. Меня же сводила с ума мысль о том, что у Гранта осталась подружка в провинции, что он мог быть совершенно другим человеком с девчонкой, и близко не настолько клевой, как я, что он открывал ей душу, доверялся ей. Я спросила Билла, видел ли он подругу Гранта.

— Я ничего про нее не знаю, — возразил он, защищаясь.

— Детали мне не нужны, — объяснила я. — Просто расскажи, как она выглядит. Она симпатичная? Клевая? Умная? — Очень вряд ли, судя по письмам, но чем черт не шутит. — Она забавная? Ну, знаешь, всякое такое. Уж это-то ты можешь мне сказать.

— Послушай, — ответил Билл, — вот честно, никто из нас с ней не знаком. Я видел ее один раз, мельком, около двух лет назад, но совершенно не помню, какая она с виду.

Мне было ужасно обидно, что не удалось ничего выяснить об этой провинциалке. Возможно, Грант держит ее где-то взаперти? Но, как ни крути, меня не слишком радовала необходимость

соперничать с недалекой дурехой, и если Гранту действительно такие нравятся, то что я вообще здесь делаю?

Или Лондон все-таки поменял стандарты Гранта? Но вписываюсь ли я в его нынешние предпочтения? В Ноттингеме он вряд ли встречал таких, и поначалу, возможно, я показалась ему забавной новинкой. Меня это устраивало, лишь бы новизна не приелась. За завтраком мне даже говорить не хотелось, настолько меня занимали вопросы, роившиеся в голове.

Тут хлопнула входная дверь: вернулся Грант, а я не одета и вообще…

Я услышала, как он заглянул к себе, и, увидев прежний беспорядок, начал подниматься в комнату Билла, чтобы разузнать, в чем дело. Неодобрительно оглядев нас, Грант проворчал, что Руби придется уйти, если он не возьмет себя в руки к следующей неделе. Мы все глупо кивнули в знак согласия, и он снова ушел. Через минуту раздался его рык с лестничной площадки:

— Спускайся немедленно и прибери здесь!

Венди и Билл захихикали, а я послушно побежала вниз, где меня отчитали за то, что я не оделась и не убрала в комнате к приходу Гранта.

— Откуда мне было знать, что ты вернешься? — заныла я, одновременно стараясь побыстрее заправить постель.

Затем я оделась, а Грант плюхнулся на матрас и начал просматривать сегодняшние письма.

— Не могу одобрить все эти расходы на такси от Джо, — проворчал он.

Покончив с почтой, Грант взялся за книгу «Билли-враль» Уотерхауса, но слишком быстро переворачивал страницы, и мне не верилось, что он действительно их прочитывает. Оторвавшись от книги, он заметил, что я собираюсь уходить, и сказал:

— Ты хорошо заправляешь постель, этого не отнять.

— Спасибо, Грант.

— Лучше иди, — поспешно добавил он.

— Почему? — Ведь и так было понятно, что я ухожу.

— Потому что когда собралась уходить… то и уходи…

— Почему? — настаивала я.

— Потому что ты меня заводишь. — И он снова взял книгу.

Грант намекал на послеполуденные сцены орального секса, которые превратились для нас в некий ритуал.

— Ну, тогда я пошла, — произнесла я.

— Иди-иди, — ответил он, не отрываясь от чтения.

Я наклонилась поцеловать его на прощанье, гадая, стоит ли вообще это делать, но все-таки решила, что стоит, — и не

прогадала, потому что Грант меня обнял и поцеловал.

Меня все еще мучил насморк, поэтому я задержала дыхание.

Грант встал и захлопнул дверь. Думаю, ему не хотелось демонстрировать соседям, что он со мной нежен. Они видели в наших отношениях только одну сторону: агрессивную и доминирующую натуру Гранта. Возможно, они считали, что я сплю в уголке на полу или типа того.

После того как я ему отсосала, Грант разлегся в кровати, удовлетворенно вздыхая, а я снова завела прежнюю тему, умоляя сводить меня в парк. На этот раз он мягко и спокойно объяснил, что действительно ничего не получится: он ведет туда Пэтти из офиса, потому что она его попросила.

— И ты уедешь с ней на выходные?

— Нет, — покачал он головой. — Да и когда? В воскресенье мы выступаем в Сандерленде.

— Но ты сказал… Зачем ты сказал, что уедешь? — возмутилась я.

— Чтобы наказать тебя.

— За что же меня наказывать?

— За то, что постоянно выносишь мне мозг. — Он сердито зыркнул на меня. — Чтобы больше я такого не слышал!

Выношу Гранту мозг? Да когда такое было?

— И что я сказала? — поинтересовалась я.

— Я просто не хочу ничего знать, — продолжал он, будто не слыша меня.

— О чем ты говоришь, Грант?

— О том, что ты не принимаешь таблетки, вот о чем. Когда ты сразу после секса начала болтать, что ты беременна… Со мной такой номер не пройдет. — Он опять начинал заводиться.

Похоже, Гранта действительно зацепил тот разговор, потому что он разразился целой тирадой насчет того, что у него достаточно проблем и ему не нужна дополнительная ответственность. Но если бы я все-таки родила ребенка, он не прочь его увидеть.

— Но никаких денег, имей в виду, — предупредил Грант, будто я и правда залетела, будто намек стал фактом. — Я коплю деньги, чтобы свалить отсюда, — внезапно добавил он. — Буду жить в самом центре пустыни Гоби, пока все напряги не развеются, и тогда я вернусь и посмеюсь над вами, идиоты, и скажу, что вы вообще ни во что не врубаетесь.

Я спросила:

— А как же ты собирается стать олицетворением семидесятых, зависая посреди пустыни Гоби?

— Не волнуйся, справлюсь.

Я начала его убеждать, что на самом деле у него есть совесть, а грубит он лишь для того, чтобы ее скрыть.

Он принялся яростно опровергать мою догадку, а потом снова завел разговор о том, чтобы я избавилась от «этого», подразумевая беременность, хотя «это» на самом деле пока существовало только у него в голове — очередной пунктик, с которым приходилось разбираться. Когда Грант спросил, что я собираюсь с «этим» делать, я отвечала уклончиво и расплывчато, наслаждаясь его виноватым видом, который он пытался замаскировать грубостью.

— От тебя только одни хреновы проблемы, — ворчал Грант.

— Груби сколько хочешь, но такты делу не поможешь, — заявила я.

— Ну почему ты не принимала таблетки?

— Но ведь не предполагалось, что я буду заниматься сексом в этом месяце, помнишь?

— Не знаю. Я тут ни при чем.

— А кто же зазвал меня сюда? — усмехнулась я.

Он не ответил, а потом задал другой вопрос:

— Ты ведь уже не заразная?

— Вряд ли. Наверное, вылечилась… врачи говорят, что вылечилась, но все равно запрещают заниматься сексом. Поэтому я и не заморачивалась с таблетками в этом месяце.

— То есть у нас обоих снова венерическое… так?

— Я-то знаю, что у меня было, — заметила я, — но так и не поняла, на что жаловался ты.

— У меня проблемы с мочевым пузырем, — заявил Грант, а я подумала, до чего же это неромантично. — Говорят, аутоиммунное. — Ну вот, снова-здорово.

Но теперь я получила хоть какое-то объяснение. Судя по всему, болезнь была связана с печенью. Гранту запретили употреблять алкоголь и кофе, а также заниматься любовью, потому что это грозило повышенным давлением, что, в свою очередь, увеличивало нагрузку на почки. Толком я так и не разобралась, но хотя бы не ЗППП, и то ладно.

Я положила бутылочку настойки в сумку, потому что на этот раз действительно собралась уходить.

— И не приноси больше с собой эту дрянь, — попросил Грант. — Я завожусь, и все заканчивается тем, что я подхватываю дурную болезнь и становлюсь отцом. Не таскай сюда эту отраву, от нее одни беды.

— Тогда я пошла.

— Давай выметайся.

Грант проводил меня по ступенькам вниз и открыл наружную

дверь. Я спросила, куда он собирается, и он пояснил, что хочет перекусить бутером с сосиской.

— Что еще за бутер? — не поняла я.

— Ты вообще ничего не понимаешь, — разозлился Грант и, демонстративно сморщив нос, двинулся вниз по улице к кафе на углу.

Глава 17

Целую неделю мы с Грантом не виделись. Может быть, он решил, что я притворяюсь крутой и специально ему не звоню, но на самом деле мы в «The Other Kingdom» совсем закрутились, готовясь к выступлению The Doors и The Jefferson Airplane, двух знаменитых групп с Западного побережья, которые собирались дать в «The Big Tower» пару концертов. Поскольку это будет их единственное выступление в Англии, ожидался широкий резонанс как в прессе, так и на телевидении. Должны были собраться все представители поп-сцены.

Хоть я не видела Гранта, я знала, чем он занимался, потому что Венди держала меня в курсе. Он буквально зациклился на мне. Его так запарила моя возможная беременность, что он без конца приставал к Венди на кухне со всевозможными расспросами: сколько мне лет, с кем я спала, каков срок беременности. Она сообщила, что я по-прежнему пишу Дэйви, который гастролирует в Штатах, но не сказала ни слова о том, с кем я хожу тусоваться, кроме Гранта, и отрицала, что я беременна. Грант только еще больше взбесился и заявил, что впредь не собирается со мной разговаривать, и стер мой номер со стены у телефона.

Затем он позвонил мне и драматическим тоном сообщил:

— Твоего номера больше нет на стене около телефона и нет в моей жизни. Теперь ты меня не скоро услышишь, — после чего бросил трубку.

Я даже не знала, как реагировать, да и была слишком занята подготовкой концерта, чтобы загоняться на пустом месте. Мне и так хватало диких заморочек: типография задерживала печать билетов, а реклама выступлений требовала кучу сил. Мы с Лизой Беллами отвечали за прессу и список гостей, и количество людей, пытающихся заполучить бесплатную проходку, просто зашкаливало.

Лиза не работала на «The Kingdom», просто помогала андерграундным организациям снизить налоги, а в свободное время рисовала громадные картины с вагинами. Мне она нравилась: симпатичная и при этом очень собранная и четкая. Кроме того, у нее была куча влиятельных связей и богатый опыт в организации и раскрутке концертов.

Мне очень нравилось работать в этой сфере. Я знакомилась со многими известными людьми, общалась с журналистами и все такое. Когда приехали The Jefferson, я надела на прием в «The Revolution» свой лучший прикид. На входе сразу несколько

фотографов подскочили ко мне, чтобы сделать снимок, и заверили, что сегодня я выгляжу круче всех. Это произвело большое впечатление на Джейсона и сильно повысило мою самооценку.

Внутри толпилось множество людей, которых я знала, но еще больше незнакомцев, поэтому я ходила по залу и общалась. Ко мне постоянно подкатывали смутно знакомые левые ребята, пытаясь выцепить бесплатные билеты на концерт.

Реджинальд почему-то тоже там оказался, и мы минут десять поболтали. Сегодня перевес был на моей стороне, потому что я тут всем заправляла, а он оставался всего лишь зрителем. Мне не хотелось долго с ним зависать, потому что не люблю смешивать разные круги общения. Будь Реджинальд из музыкальной тусовки, ему бы вообще со мной не обломилось. Он привлекал меня именно тем, что занимался совершенно другими вещами, в которых я ничего не смыслила.

Короче, я оставила его и столкнулась с Гарольдом Граймзом, молодым и очень серьезным репортером, с которым мы встречались и раньше. Он был алкоголиком и специализировался на андерграундных группах и фолк-музыке; его статьи печатали в «Hit Maker», модной газете о поп-музыке. Он уже слегка перебрал и сразу принялся меня лапать с совершенно определенной целью. А поскольку на горизонте пока не маячил никто покруче, я решила, что и он сойдет. Пусть выглядит он не особенно круто, но это же Гарольд Граймз. И я позволила ему уговорить себя заглянуть в его берлогу в Эрлс-Корте — довольно респектабельное место, которое он делил с менеджером известной блюзовой группы.

К моему разочарованию, у него не нашлось даже крутой аудиосистемы, только маленький бесполезный магнитофон — но зато целая куча потрясающих бесплатных пластинок! Итак, мы уселись смотреть телевизор вместе с тем самым менеджером, а Гарольд между тем подготавливал почву для последующего наступления: поглаживал меня и с причмокиванием целовал. Каждый раз, когда второй чувак выходил из комнаты, Гарольд мысленно меня раздевал, а когда мендежер возвращался, мы переставали тискаться и сидели с невинным видом, как ни в чем не бывало.

Но меня приставания Гарольда скорее раздражали, а кроме того, мне было интересно посмотреть на чикагские беспорядки, которые показывали по телику. Поэтому я извинилась и спросила, не хочет ли кто немного настойки. Оба сказал: «Нет, спасибо!», что меня удивило. А затем они добавили, что вообще не употребляют наркотики, что удивило меня еще больше. Итак, я

упоролась одна, отчего чувствовала себя довольно глупо. Они отпускали пошлые шутки и цинично издевались над моим состоянием, которое, как мне казалось, я довольно успешно маскировала, разве что смеялась над вещами, которые не казались смешными моим собеседникам, и поэтому они предпочитали потешаться надо мной. В конце концов второй чувак, которого звали Фил, пошел спать, и я осталась наедине с Гарольдом. Он придвинулся ко мне, и я, чтобы избежать утомительной возни с платьем, которое он мне и так помял, предложила:

— Пойдем в кровать.

— Практична, как настоящая женщина, — весело заметил Гарольд.

— Просто я забочусь о своей одежде, — пояснила я и повесила аккуратно сложенные вещи на спинку дивана.

Каким бы интересным ни было его лицо, когда он разделся и я увидела его отвислое брюхо, меня обуяли большие сомнения. Правда, в постели он проявлял энтузиазм и все время спрашивал, кончила ли я. Я заявила, что никогда не отвечаю на такие вопросы, но пусть он не волнуется. Глядя в его зеленые глаза, я совершенно забывала о его непривлекательном теле.

На следующий день я пошла на бесплатный концерт, который The Jefferson играли в «Parliament Hill Fields». Там было круто, если не считать того, что шел дождь. Позже я встретилась с Гарольдом, и мы пошли на прием The Doors в «1CA». Граймз пытался протиснуться, чтобы взять интервью у Джима Моррисона, вокалиста группы и гвоздя программы, — высокого красавца в черной коже, вроде современного Элвиса. Камеры самым мерзким образом следили за каждым его шагом. Он напоминал червяка на крючке, который извивается туда-сюда, пытаясь хоть на минуту ускользнуть от их внимания. Глаза у него были мертвыми как пепел. Меня это слегка ошарашило, а если учесть, что прием проходил на выставке «Кибернетическая интуиция»[9], в окружении пищащих и скрипящих машин и механизмов, мне стало еще хуже.

Как только прием закончился, мы с Гарольдом, Филом и еще двумя ребятами отправились в дурацкий маленький клуб под названием «The Case», где тусовались музыканты с менеджерами, а также девицы, желающие закадрить поп-музыкантов. Там в основном пили, никакой музыки и танцев. Публика ютилась в крошечном зале чуть ли не вплотную друг к другу. Кто-то обсуждал дела, кто-то выяснял отношения, но всех объединяло одно: стремление поскорее нажраться. Я уже начала задумываться, хорошо ли скажется на моем имидже появление с

Гарольдом Граймзом. Да, он известный и влиятельный, но при этом толстый и одет как попало. Водились за ним и всякие сомнительные поступки — например, он играл за футбольную команду «Hit Maker» против представителей шоу-бизнеса. А еще я начала замечать, что его сознание отягощено заблуждениями, присущими низшему классу: он резко осуждал хиппи-культуру и наркотики, позволял себе неприятные комментарии в мой адрес. Он считал меня представителем этой «культуры» и постоянно доставал объяснениями, почему мы предпочитаем затуманивать рассудок наркотой, вместо того чтобы работать. Меня страшно раздражали его рассуждения, потому что я считаю такие разговоры пустой тратой времени. И с чего вообще этот мелкий тупица решил, что может сравнивать мой образ жизни со своим? Подобное поведение говорит только о его глупости и ограниченности. Я не считаю себя хиппи, если под этим подразумеваются люди, которые расхаживают босиком и со спутанными волосами. Я ношу обувь ручной работы и стригусь в одном из самых дорогих салонов красоты Лондона. А наркотики принимаю не для того, чтобы сбежать от реальности, — в отличие от алкашей вроде Гарольда, которые пьют, чтобы забыться. Затуманенность — это когда не можешь отличить один кислотный трип от другого, когда не помнишь, что с тобой происходило во время прихода и сколько их было в твоей жизни. Я очень отчетливо помню все свои трипы и не валяюсь, упоротая, на спине, таращась в облачка на небе, — хотя, должна признаться, однажды в Риджентс-парке меня пробило на слезу от красоты пейзажа. Я умею работать и считаю, что у меня неплохая карьера, а для этого, согласитесь, нужно быть довольно собранным, и не так уж важно, хиппи ты или нет. Я очень спокойно и доходчиво постаралась объяснить все это Гарольду, но он так и не уразумел, что в тусовке встречаются самые разные люди. Незамысловатая формула «хиппи есть хиппи» намертво застряла у него в башке. Потом он пустился в россказни о «дядюшке Берте»[10] и тяжкой жизни в голодные военные годы — «маргариновые сороковые». Он хвастался, что сумел вырваться из будней обычных клерков и стать журналистом «Hit Maker». Это я, конечно, могла оценить, но хотелось бы, чтобы его сознание тоже развивалось вместе с карьерой.

В общем, меня порядком задолбала обстановка в «The Case», вдобавок сосед Гарольда Фил начал бубнить, что все бабы шлюхи. Он уверял, что не стал бы спать с девушкой на первом свидании, а я возразила, что, если девушка спит с тобой в первый же вечер, это еще не делает ее шлюхой. И вообще, что он имеет в виду под словом «шлюха»? Фил ответил, что уж он-то может отличить

шлюху от нормальной девушки. Вот я, например, не шлюха, и даже если бы мы с ним сегодня перепихнулись, он не стал бы меня считать таковой. В ответ я предложила ему разуть глаза и посмотреть вокруг: нынче девушки уже так себя не ведут, если они не последние дуры. В мире достаточно парней, которым хватает ума понять, что у девушек тоже есть свои принципы и свои потребности, хотя встречаются и узколобые идиоты вроде него, кому нравится нас унижать и втаптывать в грязь без всякого зазрения совести. Но мы вполне можем обойтись без таких мужиков, которые вообще не понимают, что к чему. Фила страшно обидели мои слова, и он надулся. Я и сама не получила ни малейшего удовольствия от нашего спора, поэтому решила свалить, даже не попрощавшись с Гарольдом.

В следующий раз я встретила Граймза на втором концерте, когда сидела в пресс-зоне с Лизой. Он заявился в мешковатых джинсах и ветровке, напялив на голову ковбойскую шляпу, — ему казалось, что так веселее. Отпустив пару пошлых шуток, он пошел в зал, и я вздохнула с облегчением. Неожиданно Лиза стала меня расспрашивать о Гарольде. Она понимала, что у меня с ним что-то было, ведь такие вещи сложно скрыть. Как объяснила Лиза, она считает меня очень клевой, и если я с кем-то затусовалась, он тоже наверняка клевый. Ее слова просто снесли мне крышу: Лиза и сама была круче всех в тусовке, и я не ожидала от нее такого комплимента. Но самое странное, что ее вообще привлекали мои парни и она была не прочь замутить с Гарольдом. Я удивилась еще больше: мне казалось, он даже мне не ровня, не говоря уже о Лизе. С другой стороны, ей нравились трудные задачи, и причиной ее интереса к Гарольду могло быть стремление отвадить его от алкоголя. Или она надеялась подобраться ко мне поближе и понять, что я за человек, переспав с моими парнями. Но почему именно Гарольд? У меня было столько отличных партнеров, хотя мне бы не понравилось, закадри она того, кем я дорожу, потому что Лиза весьма серьезная соперница. В любом случае, я сказала, что дала Граймзу от ворот поворот, так что пусть забирает его себе, и Лиза так и поступила.

На следующей неделе я прочла в «Hit Maker», что Гарольд Граймз плодотворно поработал — сделал целую кучу интервью с разными артистами и написал рецензии на последние концерты. Я невольно улыбнулась, припомнив, как он сначала поработал со мной на приеме и после него, а потом потрудился и над Лизой на балконе «The Big Tower». Но его статьи поддерживали репутацию нашего клуба, да и целом жизнь начала налаживаться. Пока я наблюдала, как Лиза активно очаровывает слегка озадаченного Гарольда, откуда ни возьмись появился Грант, загорелый и

окрепший, и сообщил, что сегодня я ночую у него. Я была несказанно рада даже его привычной грубости и не стала спорить. Однако не могла выкинуть из головы мысль, как Лиза справится с пивным брюхом журналиста.

Глава 18

Спустя несколько недель я впервые получила от Гранта письмо. Он сообщал, что находится на севере страны с группой и будет отсутствовать еще три дня. Он жаловался на конфликты с организаторами и еще больше злился на Руби, который совсем пошел вразнос и ничего не делал. Если он не возьмется за ум, придется оставить его в Питлохри, сетовал Грант. Тревожило его и состояние волос, которые продолжали упорно выпадать. Помимо того, Гранта напрягал вялотекущий конфликт с Джо, который собачился по любому поводу. И вообще, из-за ужасной погоды у него несварение желудка, все бабы шлюхи, а наркотиков катастрофически не хватает. Так что мне предстояло как следует подготовиться к возвращению Гранта и всячески поддержать его при встрече. Сантиментами и нежностью в письме и не пахло, но мне все равно было приятно: будто поэма, написанная лично для меня. Он думает обо мне во время гастролей, и я не премину ему на это указать. Пусть объяснится. Мысль о его скором возвращении подняла мне настроение на целый день.

Тем вечером было совершенно нечем заняться, поэтому я двинула в гости к Тео. Я давно его не навещала и хотела посмотреть, какая там обстановка после того дикого скандала, когда все разбежались кто куда. Джонни, Марк и Блондинка-Гигант больше там не обитали. Джонни поселился в какой-то дыре в Килберне и продолжал работу над книгой. Марк и Блондинка свалили в Калифорнию, но нарвались там на целую кучу неприятностей и теперь, кажется, расстались. Марк уже успел в истерике обзвонить всех знакомых, взывая о помощи и прося в долг. Гений проводов тоже слинял, так и не доведя свой компьютер до ума. Ему взбрендило, что спецслужбы следят за ним из-за его махинаций с телефонами, и теперь он прятался где-то на севере. Его заклятый враг Хоббит, который делал проекторы, теперь присосался к каким-то американским банкирам и работал на них.

Таким образом, Тео остался совсем один со своими деньгами, шикарным жильем и паранойей. На ужасы одиночества накладывалась напряженная работа над окончанием сценария, и в результате Тео всерьез подсел на метамфетамин и иглу.

Последний раз, когда я у него была, все вышло просто ужасно. Тео позвонил и попросил ему помочь. Он хотел, чтобы я прочла его сценарий с точки зрения зрителя и указала непонятные места, которые нужно изменить. За труды он обещал 5 фунтов, так что я сразу согласилась. У него в гостиной

обнаружилась целая толпа тусовщиков под кайфом, которые не могли оторвать взгляд от световой инсталляции. Самого Тео я нашла в его кабинете — он как раз ширялся ампулой мета. Уж и не знаю, сколько он успел принять до моего приезда, но он был совсем не в себе, носился по кабинету и безостановочно говорил. Я уселась читать сценарий. Любой догадался бы, что его написал заядлый амфетаминщик. Текст нуждался в серьезной доработке, и я начала делать пометки, однако Тео постоянно отвлекал меня. Стоило мне написать очередную фразу, как он немедленно требовал пояснений, что я там обнаружила такого неправильного. Я пыталась ему хоть что-нибудь втолковать, но он никак не мог сосредоточиться и постоянно перескакивал на полнейшую белиберду: то перечислял мне причины для паранойи, то заставлял зачитывать выдержки из книги о ведении боя на сверхмалых подводных лодках. Все это каким-то образом было связано с его так называемой «таблицей власти»: закончив нынешний проект, он собирался написать сценарий и спродюсировать фильм о субмаринах, благодаря которому заработает на собственную минисубмарину, что приведет Тео в ячейку 22 «таблицы власти». Ячейка 22 обеспечит ему неприкосновенность за счет славы, как у Греты Гарбо и Beatles. Идея звучала крайне странно, но чем больше я слушала Тео, тем больше мне казалось, что тут есть определенный смысл. Я даже начала его уважать за умение выстроить такую сложную схему. Его не на шутку понесло, и спустя несколько потерянных часов мне пришлось напомнить, что мы с ним собирались поработать. Он ширнулся еще разок, и мы принялись переписывать сцену. Так продолжалось до десяти утра — мы постоянно прерывались, когда Тео хотел мне что-то показать или поставить запись, на которой некий майор нудно рассказывал о своем опыте работы на подводных лодках.

— Ты слышишь? — вопил Тео, в негодовании тыкая в меня пальцем. — Ты хоть понимаешь, о чем он говорит?

И поскольку я совершенно ничего не понимала, он пускался в дальнейшие объяснения по поводу хаоса, творящегося в мире сверхмалых подводных лодок.

Меня поразило, насколько разные подходы к работе у Тео и Реджинальда. Реджинальд всегда садился за тексты днем, в трезвом уме, в то время как Тео редко принимался за дело до полуночи, а перед этим накачивался наркотой, чтобы набраться храбрости приступить к завалам. Реджинальд считал свой писательский труд работой, а Тео воспринимал его травматическим опытом.

К утру он успел ширнуться раза четыре и, пока я отвлеклась,

добавил немного амфетамина мне в овсянку. Правда, я и так была под кайфом, поэтому ничего не заметила, пока он сам не спросил, как я себя чувствую после дозы. И тем не менее я не на шутку разозлилась и попросила его не совать мне наркотики без предупреждения, потому что мне не нравится воздействие мета, да и ему лучше поскорее слезть с амфетаминов: мет реально убивает, и если Тео будет продолжать в том же духе, скоро он вообще перестанет соображать, я уж не говорю об окончании сценария. Судя по его сегодняшним темпам и по состоянию рук, он закачивал в себя эту дрянь круглосуточно. Помимо язвочек от игл с наркотиками вдоль всех вен можно было разглядеть и сотни следов внутримышечных уколов: Тео приходилось вводить витамины, потому что нормально питаться на «скорости» невозможно. У него было столько дыр от иголок, что казалось, будто он даже дышит внутривенно.

Мои нравоучения Тео пропустил мимо ушей, потому что, как и любой амфетаминовый торчок, не сомневался, что все под контролем. Он признал, что ему нравится не только сам наркотик, но и весь процесс с иглами и уколами. Понимая, что таким образом он убивает миллиарды клеток мозга, Тео придумал теорию, согласно которой эти клетки должны успеть восстановиться. Он даже умудрился подкрепить свою идею цифрами, и, по его расчетам, выходило, что он может колоться до самого окончания работы над сценарием. Я никогда не спорю с теми, кто приводит точные расчеты, поэтому просто выразила надежду, что он знает, что делает.

Тео совсем утратил способность связно выражать мысли, но пытался сидеть и переписывать сценарий, когда ему удавалось хоть немного сосредоточиться. Я предложила закончить, потому что и сама была не в лучшей форме — действие «голубеньких» уже давно отпустило.

Но Тео настаивал на продолжении работы, хотя все его попытки ни к чему не приводили. Потом ему вдруг резко понадобилось поделиться своими гениальными мыслями с народом, и он начал истерично названивать знакомым, тараторя в трубку с безумной скоростью. Никто, конечно, не хотел его слушать в такое время суток, поэтому в итоге Тео оставил телефон в покое и уселся за пишущую машинку. К моему удивлению, несмотря на все стимуляторы, он все же начал клевать носом. Время от времени его пальцы застывали без движения над клавиатурой, и мне приходилось тыкать ему в бок карандашом. Наконец я встала и заявила, что мне пора на работу. Тео с упреком заметил:

— Не очень-то мы продвинулись.

Вот спасибо, подумала я и пожала плечами. Мы умудрились переписать всего одну сцену, которая по-прежнему была слишком длинной. Я даже не стала напоминать о деньгах. Тем временем Тео впал в очередной транс. Его сознание продолжало истерически метаться из стороны в сторону, хотя тело уже отказывалось повиноваться. Я больше не видела смысла впустую тратить на него время. Но его состояние изрядно меня напугало: весь исколот, мышц почти не осталось, кожа да кости. Но я очень надеялась, что он найдет в себе силы доделать сценарий и придет в себя. А я собралась и пошла домой спать. После такой ночки мне уже было не до работы.

Это было шесть недель назад, и сегодня я решила снова позвонить Тео и узнать, как у него дела. Он пригласил меня в гости, потому что хотел познакомить с новыми людьми, которые у него поселились. Я приехала и позвонила в дверь. Прошло довольно много времени, прежде чем мне открыли и в проеме показался подозрительный незнакомый парень с рыжими волосами. Я сразу поняла, почему случилась заминка: Тео врезал в дверь еще два мощных замка, открыть которые было непростой задачей для одного человека. Я объяснила парню, кто я такая и к кому пришла, и он нехотя впустил меня, сообщив, что его зовут Робин, а Тео смотрит телик в маленькой комнате. Я проследовала за Робином, и сначала мы попали в большую гостиную. В квартире было удивительно чисто. Золотистый ковер будто только что вымыли с шампунем, а поверхность плексигласового стола так блестела, что в нее можно было смотреться вместо зеркала. На столе стояли только большая пепельница и почти полный пузырек с настойкой. На бархатных диванах сидели пять человек, они разговаривали и слушали негромкую музыку. Среди них я заметила только одну девушку, которая сидела между двумя парнями на большом диване. Парень, который меня впустил, быстро пробормотал имена каждого из собравшихся, а потом представил меня. Девицу звали Гизела, и она явно была иностранкой. Один из парней передал мне косяк, а когда я отправила его дальше по кругу, предложил мне приобщиться к бутылочке с настойкой.

— Пробовала такое когда-нибудь? — спросил он со знанием дела. Я только собралась ответить, как он посоветовал: — Прими одну столовую ложку.

Я поблагодарила и сделала небольшой глоток. Настойка оказалась без сиропа. В чистом виде у препарата был совершенно отвратительный вкус. Я поставила пузырек на место и уселась рядом с парнем с тощим кроличьим лицом. На нем был приличный официальный костюм. Парень наклонился ко мне и

доверительно сказал:

— Я ничего не почувствовал.

— Это потому, что ты раньше не пробовал, — пояснил Робин.

— А сколько ты выпил? — спросила я.

— Мне кажется, маловато, Пэдди, — заметил другой парень.

— А я уже улететь, — сообщила Гизела, и я окончательно убедилась в том, что она иностранка.

Пэдди посмотрел на нее, а потом быстро схватил пузырек и сделал несколько больших глотков. На лице у него отразился весь спектр эмоций, которые он испытывал, пока жидкость прожигала себе путь до желудка. Я глянула на остальных и поняла, что им глубоко наплевать на выходку Пэдди. Для новичка он выпил слишком много. Если честно, я вообще не припомню, чтобы при мне кто-то принял такое количество.

— Многовато, — заметила я.

— Пэдди хочет выпасть из реальности, — пояснил Робин серьезно. — С ним такого еще не бывало.

Выпасть из реальности? Как бы он не выпал насовсем, подумала я.

— Пойду к Тео, — сказала я и отправилась в комнату с телевизором.

Тео сидел, угрюмо уставившись в экран. Показывали какой-то голливудский мюзикл. Цвета выглядели размыто и нереально при ярком освещении. Я присела рядом и поздоровалась. Он выглядел изможденным и нервным, говорил очень тихо. Он сообщил, что слезает с амфетамина, потому что закончил сценарий. Скоро он передаст напечатанную версию на студию и будет ждать их реакции. Впрочем, сам он считал, что не придется много переделывать. Дальше он собирался свалить в Штаты и заняться подводными лодками. Я выразила надежду, что у него все получится, хотя в глубине души сомневалась в успехе. Если сценарий остался в прежнем виде, Тео могут заставить переделывать его еще раз сто.

Он спросил, познакомилась ли я с ребятами, которые теперь живут с ним. Я кивнула и поинтересовалась, кто все эти люди. Робин умел водить, поэтому Тео позволил ему поселиться у себя в обмен на шоферские услуги. Сам он не мог водить свой «бентли», потому что вечно был под кайфом. Гизела приехала из Германии и однажды осталась спать на диване. В итоге ей предложили жилье, если она будет убирать в доме, заваривать чай и делать Тео массаж. Ниалл и Кит выполняли функции разнорабочих. Ниалл сооружал для хозяина дома огромный стол в кабинете. По задумке, стол должен был тянуться во всю длину одной из стен, и в нем предполагалась масса ящичков и полочек, чтобы

уместились разные графики, рисунки и карты. Отдельные детали должны были сами выезжать, двигаться и менять конструкцию под конкретные задачи. Тео сам придумал макет и очень гордился своим изобретением. Кит, приятель Ниалла, помогал ему с плотницкими работами. Кроме того, он ходил в магазин, наводил порядок и в целом выполнял функции всеобщего мальчика на побегушках.

— Мне здесь уже не нравится, Теодор, — призналась я. — Всё не так, как прежде.

— Да, знаю, — услышала я в ответ. — Но люди, подобные этим, — он неопределенно кивнул головой в сторону гостиной, — они необходимы, неужели ты не понимаешь?

— Мне так вовсе не кажется. — Я решила говорить прямо. — Зачем ты вообще с ними тусуешься? Они ведь даже не друзья тебе. Ты их презираешь, а они тебя боятся. Я даже не уверена, что ты им нравишься. Ты чужак в собственном доме.

— Нет у меня больше друзей. Они сбежали, когда наступили тяжелые времена. Хоть бы попытались понять, в каком я состоянии, — горько пожаловался Тео.

— Не говори ерунды, Теодор. — Опять типичные его заскоки.

— В любом случае, теперь здесь вот так, — сказал Тео, погружаясь в мрачные размышления. — Я много думал. Мне больше не нужны друзья. Они всегда тянули меня ко дну, не давали развиваться. Теперь это в прошлом. Там, куда я направляюсь, мне не понадобятся друзья. Я вообще никого с собой не возьму. А вот эти ребята пусть остаются, чтобы было с кем поделиться идеями, и к тому же я не люблю одиночество. Но они сами мне не нужны, — пояснил он после паузы, — мне нужно их присутствие, хоть я и не питаю иллюзий насчет их мотивов. Мне известно, чего они хотят, и с ними будет совсем несложно распрощаться, если я так решу. Ни чувства вины, ни конкуренции, ничего того, что обычно возникает с друзьями и с равными тебе людьми.

— Ты совсем запутался, — сказала я.

Тео впервые улыбнулся:

— Вижу, мы сегодня в очень циничном настроении.

— Я просто не могу согласиться с твоими мыслями. Грустно, что теперь ты решил обойтись без друзей.

— Я не против заблуждаться, если разбогатею, — заметил Тео с видимым удовольствием.

— Вероятно, ты и тут ошибаешься.

— В чем именно? — Он уставился на меня через темные очки.

— Ну, по поводу богатства.

— Вот увидишь, — пообещал он.

— Ладно. А в остальном как ты? — сменила я тему. — Удалось слезть со «скорости»?

Он замялся на мгновение, а потом ответил довольно уверенно:

— Почти.

— Почти — это как?

— В общем, проблема решена. Все под контролем, — заявил он нетерпеливо.

— Вот и хорошо.

Он собирался что-то сказать, но вдруг из гостиной донесся оглушительный крик. Это был вопль неприкрытого ужаса, пролетевший из гостиной через коридор до маленькой комнаты с телевизором. Тео побледнел, взял меня за руку и вывел из комнаты.

— Скажи им, чтобы вели себя тихо, — сказал он, запирая за мной дверь. Я услышала, как он сделал громкость на максимум.

Глава 19

Выяснив, что произошло, я постаралась поскорее свалить. Я не знала, что надо делать в таких случаях, да и не очень хотела влезать, по правде говоря. Состояние Пэдди меня не на шутку напугало: оно предвещало серьезные проблемы, если не уладить дело как следует. Мне сразу представились больницы, доктора, полиция со своими расспросами. Пэдди словил бэд трип и серьезно подсел на измену. Когда я вошла в гостиную, он стоял посреди комнаты, напрягшись и неестественно подтянув плечи к ушам. Он смотрел прямо перед собой невидящим взором. Гизела забилась в угол и в ужасе наблюдала за происходящим с открытым ртом. Остальные разбежались по своим комнатам, глотая транквилизаторы, чтобы прийти в себя после воплей Пэдди. Я подошла к Пэдди и дотронулась до него. От напряжения тело у него стало каменным. Я позвала парня, но он меня даже не услышал. И я решила, что надо поскорее убираться отсюда, и поскольку остальные явно не собирались помогать бедняге, я просто ушла.

Позже я выяснила, чем кончилось дело, — Тео рассказал мне по телефону. Сам он тоже не стал ничего предпринимать, так и оставшись перед теликом. Когда транквилизаторы подействовали, остальные устроили небольшое собрание, чтобы решить, как поступить с Пэдди.

Передозировка настойки подействовала на него нетипично. Он застывал и впадал ступор на десять минут, потом снова орал, а потом возвращался в неподвижное состояние. Все были напуганы до чертиков. Немку пришлось уложить в постель и дать ей сильную зеленую таблетку, от которой она вырубилась. От Пэдди решили избавиться, чтобы его крики не переполошили соседей, которые могли вызвать копов. Двое ребят взяли его под руки и вытащили на улицу, потом перевели на другую сторону улицы и оставили около входа в магазин, а сами сбежали, как только он снова принялся орать. Вернувшись в дом, все с беспокойством следили за Пэдди через окно. Тео отказался открывать дверь или сделать телевизор потише, потому что не хотел ничего слышать. Оказавшись в магазине, Пэдди снова завопил, и в доме были отлично слышны его крики. Все столпились у окна и смотрели, как он верещит и снова впадает в ступор. Какой-то прохожий подошел к бедолаге и попытался с ним заговорить, но, не получив ответа, нерешительно оглядел Пэдди и поскорее ушел.

Ребята решили, что нечестно оставлять Пэдди на улице,

поэтому совершили еще одну вылазку и вернули его домой. Чтобы приглушить вопли, пришлось запереть парня в большом шкафу. Какое-то время оттуда доносились его приглушенные крики, сменяясь жуткой тишиной. Спустя некоторое время вопли прекратились. Парни решили проверить, что происходит. Когда они открыли дверцы шкафа, перед ними предстал Пэдди, который выглядел уже довольно нормально.

— Привет, а почему я тут заперт? — спросил он, а потом снова заорал и упал в обморок.

Его уложили на один из диванов и стали обсуждать, какой препарат ему дать, чтобы немного успокоить. Барбитураты не подходили, потому что в настойке слишком много алкоголя. Выбор пал на зеленые транквилизаторы, и парню скормили две таблетки. Пэдди начал рассказывать о кошмарах, которые ему привиделись. Он тараторил, будто зачитывал стенограмму репортажа из воскресной газеты. Пока его мыли и приводили в порядок, его голос слабел, а мысли расползались во все стороны. В итоге он вырубился, прежде чем его донесли до кровати, и не приходил в себя часов пятнадцать. Но я всего этого уже не видела, потому что давным-давно свалила домой, хотя, возможно, и не следовало бы, поскольку сразу после моего возвращения к нам снова пожаловали копы.

Понятное дело, если живешь с тусовщиками, полицейские рейды становятся привычным делом. Я сидела у Венди в комнате и рассказывала ей про Пэдди. Джон резал куски плексигласа для очередной световой инсталляции, а Тед был на репетиции группы. В общем, я рассказала Венди о заморочках в доме Тео и призналась, что чувствую себя виноватой, ведь я просто сбежала и даже не попыталась помочь, хотя меня это и не касалось. С другой стороны, чувак сам хотел «выпасть из реальности» и сдуру перебрал наркотика, о котором вообще ничего не знал. Венди заметила, что он сам во всем виноват и впредь будет умнее. Мы с ней вспоминали прежние жуткие приходы, усевшись по-турецки на полу возле камина и поставив между нами пепельницу. В своем белом платье-джеллабе я выглядела совсем как дитя цветов.

Тут раздался громкий стук в дверь, но мы решили не открывать, подумав, что хозяин квартиры опять пришел изводить нас своими дурацкими претензиями: то музыка слишком громкая, то мы якобы стырили лампочку с лестничной площадки. Его приводило в бешенство, когда мы только хихикали в ответ, потому что не понимали его: он был иностранец и не мог двух слов по-английски связать. В общем, мы продолжали сидеть, хотя снаружи стучали всё громче, а потом мы услышали жуткий

грохот, и дверь распахнулась, а за ней стояли наши дружки из отдела по борьбе с наркотиками.

— Привет, Кэти, — сказал главный, самодовольно размахивая ордером на обыск.

— Привет, — еле слышно откликнулась я.

— Ты ведь прекрасно понимаешь, что нам надо, верно? — спросил он, пока остальные просачивались в дверной проем.

— Понятия не имею, — ответила я. И чуть не упала в обморок, вспомнив, что у меня прямо на столе возле пишущей машинки лежит коробка «синеньких».

Мне приказали пройти в комнату, пока ее будут обыскивать.

— Конечно, пойдемте, — сказала я, изображая максимальную готовность сотрудничать со следствием.

Коп начал рыться в ящике с нижним бельем.

— Так, ну и где ты прячешь свои запасы? — спросил он.

— Я бросила после прошлого раза, — заверила я, вставая между ним и коробочкой с таблетками.

Он двинулся к кровати, приподнял матрас, а потом стал шарить внутри наволочек.

— Будет гораздо проще, если ты сама скажешь, где искать. Мы же все равно найдем, — попытался он меня убедить.

— Да нечего тут искать, — протестовала я.

— Мы-то знаем, что у тебя кое-что есть.

— Кто вам сказал такую глупость? — парировала я, отлично понимая, что он просто пытается блефовать.

Это была одна из любимых уловок копов: они пытались вызвать у людей паранойю, делая вид, что всё знают и что у них есть осведомители из нашей тусовки. И там действительно попадались такие персонажи, которые давали информацию копам, получая взамен деньги и неприкосновенность, но их, к счастью, было немного. К тому же их легко раскусить, прежде чем они успеют узнать что-нибудь важное.

Я не сомневалась, что это стандартный обыск, который устраивают у тех, кто однажды попался. Своего рода напоминание о том, что за нами следят. Сегодня даже было полегче: полицейские не привели специально обученных собак и женщин-копов, которые могли обыскать нас на месте. Но мне нельзя было снова оказаться в участке, поэтому следовало срочно избавиться от таблеток. Когда офицер опять начал рыться у меня в комоде, я решила, что пора действовать.

— Вы не против, если я закурю? — спросила я.

— Давай-ка посмотрим. — Он взял мою пачку сигарет, осмотрел золотую полоску на фильтре. — Ладно, так и быть.

Я прикурила сигарету и села за стол, на котором лежала

злополучная коробочка.

— А это кто? — спросил коп, указывая на фотографию Дэйви на стене.

— Вряд ли вы его знаете.

Пока он внимательно вглядывался в снимок, я положила руку с сигаретой на стол.

— Не будь так уверена, — ухмыльнулся полицейский. — Мы знаем больше, чем тебе кажется.

— В любом случае он в Америке. — Я переложила сигарету в другую руку, а свободную руку снова положила на стол.

Коп рассматривал ряд фотографий моих парней на стене, а я тем временем потянулась к коробочке и осторожно придвинула ее к себе. Он повернулся и посмотрел на меня.

— Ты под кайфом? — резко спросил он, уставившись на меня пронизывающим взглядом.

— Нет, — удивилась я его вопросу. А еще больше меня удивила сама формулировка: обычно полицейские не пользуются жаргоном.

— По глазам видно, — пояснил офицер.

— Что видно? — Я прикидывалась спокойной, а сама только и мечтала, чтобы он поскорее вернулся к обыску.

— Глаза. Я вижу, что ты под кайфом, у тебя сужены зрачки.

— Не-а, от травы такого не бывает, вы путаете, — возразила я.

— Посмотри на свои зрачки, — посоветовал он. — Я же вижу.

К этому моменту я уже умудрилась открыть коробочку и высыпать таблетки в руку. Кажется, их было семь, но я не посмела разглядывать.

— Да тут просто яркое освещение, вот и все, — объяснила я.

— Правда? Ты уверена? — Он улыбнулся и продолжил поиски.

— Так что там у меня со зрачками? — Я настаивала на объяснениях. — Дайте посмотреть. — С этими словами я встала и подошла к зеркалу. — Кажется, все в порядке.

— Ладно, не важно, — сказал коп, переключив внимание на чтение моих писем.

Я притворилась, что разглядываю глаза, и потерла их рукой, в которой были таблетки, одновременно незаметно закинув их в рот. Проглотить их оказалось нелегко: они будто заполнили весь рот, и мне никак не удавалось пропихнуть их в горло все разом. К тому же они оказались очень горькие. В итоге я подавилась и закашлялась.

— Мне нужно выпить воды, — пробормотала я и ринулась на кухню, уже не заботясь о скрытности.

Там в это время орудовал другой коп, рыская по шкафу с продуктами. Выпив воды, я спросила, нашел ли он что-нибудь интересное.

— Ага, посмотри, какой улов! — Он с победным видом продемонстрировал жестяную банку с чаем «лапсанг сушонг», который сдуру принял за траву.

— Боюсь, эта находка не гарантирует вам повышения, — сказала я с издевкой. — Это чай, который оставил один из наших друзей, увлекающихся макробиотической диетой.

Полицейский открутил крышку и стал подозрительно принюхиваться.

— Да, похоже на то, — признал он наконец. — Ну ладно.

Я вернулась в свою комнату, очень довольная тем, как мне удалось разрулить всю ситуацию. Мне хотелось рассмеяться в лицо копам и рассказать, как ловко я обвела их вокруг пальца, но это было бы чересчур. Интересно, как теперь выглядят зрачки? Тут в комнату пришел еще один коп и стал копаться в моих вещах по второму кругу.

— В чем дело? Не доверяете коллеге? — спросила я. Мне было сложно держать себя в руках и не начать издеваться над ними в открытую: к этому моменту таблетки начали действовать и я очень расслабилась.

— Не помешает проверить еще разок, — веско пояснил офицер.

— Зря теряете время.

— Это уже наше дело.

Он повернулся к столу и увидел пустую коробочку, которую я поставила на место. Я с интересом наблюдала, как он рассматривал коробочку, тряс ее и в итоге решил открыть. С трудом сдерживая смешки, я забавлялась их бесплодными попытками поймать меня с поличным. Потом полицейские постучали по всем постерам на стене, чтобы убедиться, что за ними ничего не спрятано. Постояв немного посреди комнаты, один из них заключил:

— Тут все чисто.

— На сей раз тебе повезло, — бросил другой, повернувшись ко мне.

— Говорю же, я не принимаю наркотики, — с невинным видом заявила я.

Мы все вышли и отправились посмотреть, как дела в других комнатах. У Джона все было в порядке — у него имелись рецепты на настойку, как и у меня. Но я свои пузырьки выбрасывала, а он хранил, приклеивая к ним этикетки с надписями вроде «Сладкие сны» или «Опасные наркотики». Полицейские забрали с собой

пару бутылочек в качестве сувенира.

А вот Венди повезло меньше: у нее в косметичке нашли небольшой кусочек гашиша, которого едва хватило бы на пару косяков. Лица копов просто сияли от радости. Они рассматривали гаш и взвешивали в руках. В целом количество смешное, но Венди в любом случае вляпалась: в прошлый раз она уже получила условный срок за амфетамин, так что теперь ее сразу не отпустят под залог. Ей придется поехать в участок и провести там ночь. Мне было жаль Венди, но еще больше я радовалась, что меня саму пронесло. Я до сих пор гордилась тем, как провернула операцию, поэтому стояла с гордо поднятой головой и обменивалась умными репликами с копами. Парни тоже были довольны, что поиски увенчались успехом.

— Передайте поцелуи сержанту Филлипсу, — сказала я, выпуская их наружу.

Как только они уехали, я ринулась в комнату Джона поделиться своим опытом, а заодно обсудить, как помочь Венди. Один наш друг, который вел обычную жизнь, на следующее утро поехал в полицию и внес залог за нашу подругу. Ей велели переехать к родителям, потому что мы на нее плохо влияем.

После рейда я не могла уснуть целые сутки — не привыкла к такому количеству стимуляторов. Но в конце концов я все же вырубилась, а когда очнулась, Венди уже собирала свои вещи и готовилась к переезду. Без нее здесь будет совсем не так круто, как раньше, грустно подумала я.

Глава 20

Я обрадовалась, когда Грант сразу после возвращения позвонил мне. Я рассказала ему про рейд полиции, и он ответил, что так мне и надо. Но он и сам казался немного подавленным, а затем попросил, чтобы я прихватила еды и приехала. Я пообещала быть в девять, но явилась к десяти. Но он вроде не обиделся. Настроение у Гранта было довольно мягкое; он в одиночестве смотрел телевизор.

— О, привет, — сказал он, когда я подошла его поцеловать. — Обойдемся пока без нежностей. Что ты принесла поесть?

— Курицу и всякое по мелочи.

— Давай сюда скорее, — сказал он, копаясь у меня в сумке.

— Но я только приехала, — запротестовала я.

— Мне есть хочется, — бросил он.

Грант выглядел усталым и голодным; видимо, гастроли его вымотали. Я была рада сделать для него хоть что-то. Было приятно вернуться в его крошечную комнату. Я приготовила ему куриный салат и отнесла порцию Биллу; он, обдолбанный, лежал на кровати и мрачно играл на гармонике. Ему уже рассказали о Венди, и я не хотела еще больше портить ему настроение известием о ее отъезде. Когда я вернулась в комнату Гранта, он поглощал еду, как голодный волк. Прервавшись, чтобы приказать мне лечь в кровать, он вернулся к еде. Я вытащила свежую бутылочку настойки, которую получила в тот же день, и сделала несколько глотков.

— Дай сюда, — сказал Грант, и я передала пузырек ему. Он запил салат хорошей порцией настойки и причмокнул, а потом включил музыку и забрался в кровать.

Мы лежали рядом и смотрели телевизор с выключенным звуком, а потом занялись сексом, впервые оставив свет включенным, чтобы Грант мог смотреть на меня. Он сделал мне кунилингус, чего раньше тоже ни разу не бывало, и, должна признаться, довел меня до полнейшего экстаза. С Грантом сегодня все было по-другому. От него исходили какие-то новые вибрации. Я совершенно уверена, что четко их ощущала, хотя почти не была под кайфом. Но я не пыталась их проанализировать или доискаться причин, ничего такого, мне хватало того, что я лежу рядом с ним и он меня не выгоняет. В голове блуждали только приятные мысли — по крайней мере, у меня.

Мы лежали голые, когда дверь открылась и вошел Джо. Он

принарядился и выглядел великолепно. Я собиралась прикрыться, но подумала, что нет смысла суетиться, ведь Джо уже видел меня прежде, поэтому просто осталась лежать как была.

— Привет, — сказал Джо. — Трахаетесь тут украдкой?

Я чувствовала, что он смотрит на меня, но не поднимала на него взгляд. Мне вдруг пришло в голову, что было бы неплохо нам оказаться в постели втроем. Уверена, парням понравилось бы, даже если бы они не признались в этом. Но они оставались слишком провинциальными, чтобы воспринять мое предложение в правильном ключе. Мне нравились они оба, и со своей стороны я не сомневалась, что вышло бы круто. Однако для них все было не так просто: между ними чувствовалась напряженность.

— Чего тебе? — спросил Грант нетерпеливо.

— Мне надо в Хэмпстед, можно взять машину? — Мне показалось, что Джо было неприятно спрашивать у Гранта разрешения.

— Нет, нельзя, — коротко ответил Грант, переключив все свое внимание на сигарету.

Парни пользовались видавшим виды американским лимузином — именно на нем они ездили на концерты. Это было удобно: благодаря наличию лимузина им не приходилось каждый раз ехать на площадку в микроавтобусе вместе с техникой. Грант целиком и полностью отвечал за машину и всегда водил ее сам. Джо довольно часто пытался выпросить лимузин на время, и Грант даже иногда соглашался, но не сегодня.

— Почему? — просил Джо.

— Потому что нельзя, — отрезал Грант. — Я отвечаю за машину, и я говорю «нет».

— Послушай, — сказал Джо очень спокойно, — я прошу только потому, что дико опаздываю. Не будь козлом, а? Дай машину!

— Это не мои проблемы, — ответил Грант, вздернув нос.

Джо ощутимо напрягся и стиснул зубы.

— Да кем ты себя возомнил? — Голос у него дрожал от ярости. — Чей это автомобиль? Ты еще даже не член группы, а возомнил себя Иисусом Христом. Ты всего лишь старший техник-роуди, и твоя задача — выполнять наши поручения!

— Ладно, — сказал Грант, будто не слышал оскорблений, — если хочешь машину, получи разрешение в письменной форме от Роланда Джонса. Если он разрешит тебе взять лимузин, то не вопрос. Но я сомневаюсь, что он позволит. Так что проваливай.

На это бедному Джо нечего было ответить. Он прекрасно понимал, что Роланд Джонс не обрадуется, если члены группы захотят использовать машину по своему усмотрению. Он стоял в

дверном проеме, уставившись на Гранта.

— Думаешь, ты умнее всех? — Джо разочарованно покачал головой. — Хватит доставать меня, или у тебя будут проблемы!

— Да проваливай уже, — бросил Грант скучающим голосом, и Джо развернулся и свалил, на прощанье громко хлопнув дверью.

— Вот это да, — сказала я. Мне раньше не доводилось слышать, чтобы они так ругались, хотя я знала, что с некоторых пор они не особенно ладят.

— Он действует мне на нервы, — заявил Грант. — В туре он без конца пытался опустить меня перед другими группами. Он не попросил, а приказал мне принести его чехол от гитары на глазах у менеджера Хендрикса. Ему хотелось выглядеть круче и заставить людей думать, будто он важнее меня. И такие вещи происходят постоянно! Когда я, например, болтаю с промоутерами или с другими интересными мне людьми, Джо перебивает меня и отправляет проверять технику или еще что-нибудь в этом роде.

— Но ведь это не твоя обязанность — носить вещи или проверять оборудование, правда? — заметила я.

— Я знаю, и он тоже это знает! Но все дело в том, что он соперничает со мной. Пытается что-то доказать. Ты же знаешь, когда я работал диджеем и строил карьеру, он был никем. Потом The Relation начали выбиваться в люди, и на некоторое время он меня обошел, потому что у меня не было работы, когда я только приехал в Лондон. Но сейчас у нас совместный проект, и я с радостью им занимаюсь. Я знаю, что вполне гожусь для такой работы, потому что отлично справляюсь. Ему стоило бы успокоиться и вести себя адекватно. Я не цепляюсь за Джо или за группу. Могу в любой момент собрать вещи и свалить, и я так и сделаю, если он не перестанет на меня наезжать.

Я раньше не осознавала, что этим двоим настолько тяжело ужиться друг с другом, и мне стало интересно понаблюдать за их противостоянием. Грант снова обнял меня и на время забыл о своей обиде. Возможно, он пытался отыграться на мне, потому что действовал очень энергично и сильно поцарапал меня, когда кончил, что произошло, надо сказать, довольно быстро. Дальше мы двигались будто в замедленной съемке. Грант был очень нежен, ласкал мою грудь и выдумывал всякие штуки.

Затем мы улеглись рядом и начали привычную словесную игру. Моя роль заключалась в том, чтобы склонить его к глубоко личным темам и выудить побольше откровений. Его задачей было уклоняться от ответов и заодно как можно сильнее задеть меня унизительными комментариями. Сначала я стала размышлять

вслух:

— Почему ты мне вообще нравишься?

— Не говори мне, — попросил Грант.

— Хорошо, но почему? — настаивала я.

— Я не хочу знать, — ответил он.

— Почему нет?

— Опасная тема, на такой вопрос лучше не отвечать. Красный свет! — предупредил он.

Мне пришлось двигаться окольным путем, переходя с темы на тему, почти теряя нить разговора, но возвращаясь к изначальному вопросу. Прошло полтора часа, прежде чем я сумела объяснить, почему он мне нравится. Мне всего лишь хотелось сказать, что он классный и никогда не надоедал мне. Мы лежали на кровати, и я осознала, что чем больше времени провожу с Грантом, тем меньше понимаю его, и я очень хотела узнать его получше. Его личность меня интриговала, и Грант постоянно поддерживал градус моего интереса. Даже в самые нежные моменты он никогда не раскрывал передо мной душу, не обсуждал свои чувства, да и мне не позволял. Казалось, он не доверяет словам, которые описывают чувства, и предпочитает, чтобы за него говорили поступки. Грант грубил без намерения обидеть и забавлял, даже не пытаясь никого рассмешить. Размышляя об этом, я пришла к выводу, что даже в том случае, если мне не удастся его разгадать, я все равно сохраню к нему уважение, потому что под маской грубияна Грант оставался неплохим парнем.

На следующее утро я решила уйти с утра пораньше, пока он не проснулся. Мне не хотелось, чтобы он привык к моему присутствию как к чему-то само собой разумеющемуся. Пусть хоть разок сам застелет кровать.

Глава 21

В четверг днем я позвонила Гранту с работы. Мне нужна была информация об исключительном праве, оговоренном в одном из контрактов Relation.

На звонок ответил Джо и скрипучим фальцетом сообщил, что Гранта нет дома. Я велела ему не морочить мне голову: если Грант отказывается разговаривать со мной, это очень по-детски и глупо с его стороны.

— Честно, — ответил Джо нормальным голосом, — его сейчас нет.

Я вспомнила о тех временах, когда Грант не разрешал мне разговаривать с Джо.

— И где же он? — спросила я раздраженно.

— Без понятия. А зачем он тебе нужен?

— Хочу поговорить с ним.

— Поговори со мной… Кому вообще интересен этот Грант?

— Мне интересен, — ответила я.

Джо на мгновение замолчал, а потом позвал меня в гости. Я очень удивилась такому повороту событий.

— Вряд ли это хорошая идея, Джо. Я звоню Гранту не просто так, а чтобы обсудить пару рабочих моментов, — пояснила я, не очень понимая, чего пытается добиться Джо.

— Я сам приглашаю тебя приехать, Грант тут ни при чем.

— Неохота мне влезать в ваши ссоры с Грантом, — возразила я. — И я обычно не прихожу, пока Грант меня не позовет. Ему может не понравиться, если я появлюсь без спросу.

— У тебя есть своя голова на плечах, разве нет? — продолжал Джо уговаривать меня. — Если я тебя приглашаю, то и незачем спрашивать разрешения у Гранта, верно? Ведь дом принадлежит нам всем. Грант — всего лишь один из жильцов.

— Да, я знаю, но не хочу ставить Гранта в неловкое положение.

— Слушай, я тебя приглашаю, а если Гранту это не понравится, будет иметь дело со мной. А заодно сможешь обсудить с ним свои дела.

Пожалуй, в его словах был смысл. Что тут такого, если я увижусь с Джо, убеждала я себя. Потом он спросил, есть ли у меня сироп от кашля, которым сейчас все закидываются. Я сказала, что у меня есть пузырек, а про себя решила, что это неплохой повод приехать.

И тем не менее перспектива наткнуться на Гранта меня беспокоила. Приехав, я сразу пошла в комнату Джо. Он был в

своих узких белых штанах и футболке с Kewpie Doll.

— Привет, — сказал он, ухмыляясь.

Дома был Руби, а потом пришли Венди и Билл. Эта парочка все еще умудрялась оставаться вместе, хотя Венди приходилось на ночь ехать к родителям за город. Пристально посмотрев на меня, Венди поинтересовалась, что я делаю в комнате Джо. Тот хотел выйти поесть перед употреблением сиропа, но я посоветовала выпить микстуру на пустой желудок, а затем сразу поесть, пока она не начала действовать, потому что во время прихода вкусовые рецепторы сходят с ума. Ощущаешь, что вроде как жуешь, но вкус не чувствуется. Очень странный эффект. Вроде ешь хлеб с маслом, а кажется, что это просто бумага с чем-то жирным сверху.

Одной бутылки должно было хватить на две порции, но Джо выпил значительно больше, а остальные мрачно за ним наблюдали. Я посетовала на его жадность и допила остатки. Ровно в этот момент в комнате появился Спайк.

— Привет, — поздоровался он с подозрением в голосе.

— Привет, — ответили мы. Приветственный ритуал до сих пор в был силе.

Спайка слегка обидело, что ему не досталось никаких наркотиков. Он стоял и раскачивался взад-вперед. Пока все спорили, где поесть, я скользнула наверх к Гранту. Постучав в дверь, я услышала в ответ «войдите», открыла дверь и замерла на месте: на матрасе, помимо Гранта, лежала какая-то девица.

— Привет, — выдавила я; надо же было хоть что-то сказать.

— О, привет, — растерянно откликнулся он.

Я вернулась в комнату Джо и потребовала объяснений, какого черта эта баба делает в комнате Гранта. Похоже, остальные были не в курсе, что у него гостья, и удивились не меньше меня. Недоверчиво качая головой, ребята уверяли, что мне это привиделось и лучше пойти посмотреть еще раз. Однако у Джо на лице блуждала странная усмешка, и в приступе паранойи мне показалось, что он знал о девушке у Гранта в комнате. Ну ладно, решила я, сейчас я ему покажу. Пересплю с басистом, и посмотрим, как Гранту это понравится. Ко всему прочему, я по-прежнему хотела Джо, а теперь у меня нашлось прекрасное оправдание.

Я улеглась на кровать в комнате Джо. Чтобы не показаться навязчивой, я не стала раздеваться и устроилась поверх одеяла. Пока я в полумраке лежала на спине, чувства понемногу пришли в равновесие и злость прошла. Конечно, я сердилась на Гранта, но не поэтому оказалась в комнате Джо. Пусть я уже не была одержима гитаристом, но финал наших отношений меня по-

прежнему не устраивал. Следовало хоть и с большим опозданием, но все же завершить их как следует. Каким будет это завершение, я не имела понятия. Если оно окажется неприятным, возможно, лучше его избежать: в таких делах я трусиха и не люблю открытых конфликтов. К тому же я знала, что особого удовлетворения мне это не принесет, ведь я была влюблена в Гранта. Меня кольнула догадка, что я всего лишь хочу убедиться, что по-прежнему могу соблазнить крутого гитариста. Впрочем, эта потребность уже не настолько меня волновала.

Еще мне пришло в голову, что в последнее время я стала употреблять слишком много наркотиков, особенно с тех пор, как начала тусоваться с Relation. А поскольку за прошедшие месяцы мое отношение к людям сильно поменялось, я невольно задалась вопросом, не послужили ли наркотики причиной этих перемен, или дело в высокой конкуренции в сфере шоу-бизнеса, во влиянии Гранта и стечении обстоятельств. А возможно, сочетание всех причин сделало меня такой. Я стала жестче и равнодушнее к людям без особого статуса, зато со знаменитостями мне было легко найти общий язык. Я научилась разбираться с делами, пусть не идеально, но на вполне достаточном для успешной карьеры уровне. Я поняла, как функционирует музыкальная индустрия и как там зарабатывают деньги и влияние; я видела, какое значение имеют деньги и власть и как ими можно воспользоваться. Теперь, если мне представится возможность, я ее не упущу и сумею обернуть в свою пользу. И все же я не до конца подготовилась к новому рывку: мне следовало много понять и узнать. Однако я не ошиблась с выбором карьеры и двигалась вперед довольно уверенно. А вот эмоциональное развитие значительно запаздывало по сравнению с профессиональными успехами. Я научилась спокойнее относиться к жизни, но по-прежнему допускала ошибки и не всегда могла определить, чего мне хочется и что будет полезно для меня. Я до сих пор не научилась отказывать парнями вроде Гарольда Граймза, хотя понимала, что они мне ни к чему. Но рано или поздно необходимость спать с ними все равно отпадет. Разумеется, я хотела любить и быть любимой, как в физиологическом, так и во всех остальных смыслах, которые вкладывают в понятие «любовь», но не собиралась тратить время на случайные связи. Но я знала, что со временем во всем разберусь, поскольку учусь на своих ошибках. Я даже была готова к боли, разочарованиям и одиночеству, готова шагнуть навстречу любым испытаниям, которые мне уготованы. Я сумела устроить свою профессиональную жизнь, а вскоре — пусть и чуть медленнее, чем мне хотелось бы, — налажу и личную, когда найду того, кто

мне подходит.

А тем временем Грант был этажом выше, я лежала внизу в ожидании Джо. Мысли вернулись к Гранту и его девице. Не важно, кто она такая и откуда взялась, сейчас меня это не заботило. Ясное дело, было неприятно наткнуться на нее, и я почувствовала обиду и ревность. Пожалуй, я судила слишком поспешно: возможно, Грант с ней даже не спал. Но, так или иначе, я их застала. В обидах и ревности вообще нет ничего рассудочного. Рассудок в голове, а ревность прячется прямо в генах, и мне ее досталось в избытке, поэтому так сложно с ней бороться. Если бы меня стали уверять, что я несправедлива к Гранту, я бы просто рассмеялась в лицо таким советчикам. Дело в том, что справедливость — понятие умозрительное, в нее лишь остается верить, как в Бога, например. А вот любовь, злость или ревность существуют на самом деле, их можно почувствовать. Размышляя об отвлеченных материях, я впала в некое подобие транса и только успела подумать, что сироп от кашля оказался довольно забористым.

Я очнулась от того, что Джо щекотал мне пятку.

— Ты почему не в постели? — спросил он.

— Да я просто прилегла ненадолго, — объяснила я.

— Ты под кайфом? — улыбнулся Джо.

— Да вроде нет, — соврала я, хотя на самом деле вовсю «поплыла».

— Давай же, забирайся в постель.

Все было точно как раньше. Я сначала устроилась с краю кровати, но потом вспомнила, что мое место у стенки. Я повернулась спиной к Джо и стала ждать, как он поступит. Он попросил меня повернуться, что я и сделала, а потом Джо сказал:

— Привет.

Я ответила тем же и рассмеялась. Мы занялись сексом. Было неплохо, но я четко поняла, что больше не люблю Джо. Чувства к нему остались в прошлом, и мне нечего было ему предложить. К тому же в постели он значительно уступал Гранту; мы с Джо попросту не подходили друг другу.

На следующее утро нам даже не о чем было говорить. Джо поцеловал меня на прощанье и пообещал позвонить, но мне было наплевать: я думала о Гранте. Я слышала, как он ходит у себя наверху и раздает указания. Мне совсем не хотелось с ним встречаться. Подождав, пока он скроется у себя, я осторожно выскользнула из комнаты Джо и вышла на улицу. Наша история с Грантом еще не закончилась.

Глава 22

Я чувствовала себя слегка потрепанной и решила провести четыре дня в завязке — много спала, готовила здоровую пищу и читала «Аутодафе».

Дела на работе шли хорошо. Я справлялась лучше всех, и начальство это знало. В последние месяцы я в основном занималась административной работой, и теперь все дела проходили через меня. Я советовала Джейсону, какие группы привозить, а с некоторыми договаривалась сама. На моих плечах лежало продвижение клуба в прессе, а также всевозможные повседневные заботы: реклама, расписание, исправная оплата концертов групп и, разумеется, мои проценты от выручки. Я действительно отлично изучила работу заведения и начала набивать себе цену, шантажируя руководство возможным уходом. В результате мне немедленно повысили зарплату. Ладно, подумала я и оставила свои уловки, потому что теперь знала, как управлять начальством.

Джейсон часто подвозил меня домой и, когда мы не говорили о работе, предпринимал вялые попытки меня соблазнить. Но я оставалось непреклонной. Он по-прежнему меня не возбуждал, да и в любом случае мне хватало проблем по части мужчин и я не хотела усложнять и без того непростую ситуацию. Кроме того, я не сомневалась, что Джейсон будет больше уважать меня, если не сумеет подцепить, поэтому неизменно отказывала ему — твердо, но вежливо, чтобы не обидеть.

Вскоре мне позвонила Венди: Грант достал ее вопросами, что я делала тем вечером, когда ворвалась к нему, пока он был с другой девушкой. «Она пошла домой», — сказала ему Венди, поскольку искренне думала, что я так и сделала. «Но я слышал ее позже. Почему она не постучалась ко мне?» — допытывался Грант. «Кэти не стучит в дверь по второму разу», — заявила Венди. «В тот момент я уже был один, — сварливо ответил ей Грант. — И та девушка была просто подругой!»

Тут я призналась Венди, что спала с Джо. Сначала она не верила, а потом потребовала объяснений. Я не очень-то хотела углубляться в сложные причины своего поступка и попыталась отвертеться.

— Но тебе ведь по-прежнему больше нравится Грант, правда? — спросила меня подруга.

— Конечно.

— Тогда почему ты ему изменила?

— Он ведь и сам был с другой девушкой, разве нет? —

напомнила я.

— Девушка или не девушка, ты бы такого не сделала, если бы действительно запала на него, — сказала Венди, противореча самой себе. — И почему с Джо? Хуже не придумаешь. Он такой придурок, почему ты с ним переспала?

— Потому что хотела, — с раздражением ответила я.

Терпеть не могу, когда другие оскорбляют парней, с которыми я спала, — как бы я сама к ним ни относилась, — но, кроме того, Венди попала в точку, будто угадав мои сомнения в правильности своего поступка. И все-таки я не хотела с ней объясняться. Дело сделано, и теперь остается только ждать последствий. Я боялась, что Грант узнает, и одновременно боялась, что не узнает, да и само ожидание дальнейшего развития ситуации вымотало мне все нервы. Именно поэтому я на время отказалась от наркотиков: от них в голове появлялись мысли, к которым я была не готова. Работа, сон и чтение показались мне разумным способом занять время, а из таблеток я баловалась только витаминами.

— Что ж, подруга, по-моему, ты сглупила, — сообщила Венди. — И я надеюсь, что Грант ничего не узнает, а иначе что ты будешь делать?

И пока я размышляла о словах Венди, сразу за ней позвонил Грант и сказал, что хочет только одного: увидеть меня немедленно. Затем он повесил трубку. Нервничая, я проглотила немного настойки и прыгнула в такси. Меня впустил сам Грант — никаких особых взглядов, никаких вопросов, только сердитые приказы, которым я с облегчением подчинилась. Он всегда шарил у меня в сумке, чтобы посмотреть, нет ли там чего-нибудь интересного, и сейчас, найдя пузырек, жадно отхлебнул из него, даже не посмотрев, сколько он выпил, а потом передал настойку мне. Забыв, что я уже приняла довольно много, хотя меня пока не вставило, я глотнула еще и внезапно поняла, что, пожалуй, переборщила. Вот засада, подумала я, но ничего не сказала.

— Не снимай сапоги, — приказал мне Грант. — Мы идем в кино.

— А что за фильм? — спросила я.

— Про войну в Древнем Риме.

Оказалось, что он говорит о «Царе Эдипе». Я попыталась объяснить, что это не военный фильм и там про Древнюю Грецию, но Грант все равно заставил меня пойти, и мы отправились в кинотеатр. К тому моменту, когда началась картина, нас уже порядком плющило. Мы еле успевали следить за диалогами, особенно если учесть, что герои изъяснялись на «шекспировском» английском. Внезапно Грант подтолкнул меня:

— Видишь этого парня? — Он указал на Эдипа. — Он снимался в «Звуках музыки». Но что он делает в этом фильме?!

Грант действительно удивился и начал смеяться. Я попыталась сосредоточиться, но меня пугали физические изменения, которые происходили внутри меня. Я совершенно не чувствовала собственного тела. Казалось, все ощущения битком набились в голову, которая через минуту грозила взорваться. Мне пришлось сменить позу и немного встряхнуться, чтобы вернуться к жизни. Я взглянула на Гранта, чтобы проверить, как он справляется. Он озадаченно сидел в кресле, разинув рот, а потом нацепил темные очки, продолжая в недоумении качать головой во время долгих речей и отступлений.

— Я никак не врубаюсь, — говорил он снова и снова, — где же боевые сцены?

Когда я наконец втянулась в сюжет, он заявил, что хочет уйти, но я отказалась.

— Почему? — громко воспротивился он.

— Потому что хочу досмотреть и понять, что к чему, — прошипела я.

Я читала пьесу и теперь пыталась сопоставить ее с фильмом, который смотрела. В нем были те же персонажи и тот же сюжет, но все происходило вроде бы задом наперед. Я пыталась сообразить, сделано ли это специально, и если да, то зачем, или у меня все перепуталось в голове, потому что я перебрала с настойкой. Когда Эдип наконец выколол себе глаза и продолжал умолять об изгнании, я больше не могла смотреть, сцена было слишком отвратительной. Я опустила голову к коленям, чтобы не видеть изображения и просто следить за диалогом. Но так стало еще страшнее из-за долгих пауз и драматичного музыкального сопровождения.

— Сядь ровно! — приказал Грант. — Веди себя как следует, когда идешь со мной в кино!

И он продолжил толкать меня, пока я наконец не выпрямилась. Грант все еще держал в руках большую порцию мороженого, которую купил во время антракта и которая теперь полностью растаяла. Не в силах следить за действием на экране, я принялась смотреть, как Грант пытается расправиться с ним, отхлебывая жижу прямо из коробки. Мороженое стекало из уголков рта и капало прямо на куртку, и мы оба начали хихикать. Вскоре на нас стали оборачиваться, сверля неодобрительными взглядами, и мы еще больше развеселились, перейдя на громкий смех. Теперь на нас глазел уже чуть ли не весь зал, и мы, чувствуя приближение истерики, поднялись и двинулись к выходу. Тут нас ждала очередная проблема: в таком состоянии было практически

невозможно обойти всех людей на сиденьях. Вместо того чтобы вырулить к главному выходу, мы каким-то образом попали к аварийному, полному длинных коридоров, ступеней, которые никуда не ведут, и дверей тюремного вида, которые не открывались. Блуждать в этих коридорах оказалось еще хуже, и мы оба почувствовали надвигающуюся панику.

Тогда мы опять вернулись в зал, и Грант велел мне:

— Давай вытаскивай нас! — но сразу снова залип на фильм, таращась в экран и качая головой.

Я увидела лампочки «Выход», размытые, будто они находились на далеком холме, и, схватив Гранта за локоть, потащила его в сторону одной из них. Точно коровы на льду, мы плелись по длинной ковровой дорожке. Я протолкнула своего спутника в дверь, и мы вновь очутились в лабиринте коридоров. Я уже решила, что опять ошиблась, но тут мы внезапно оказались в мужском туалете. Раньше я никогда не была в мужском туалете кинотеатра и принялась осматриваться, изучая обстановку. У писсуара стоял парень, глядя на нас через плечо. Тревога и изумление у него на лице сменяли друг друга, и он рефлекторно застегнул молнию на ширинке в такой спешке, что поранил себя. Его лицо исказилось гримасой мучительной боли.

— Он защемил себе яйца! — восторженно взревел Грант и громко захохотал.

— На выход! — крикнула я, и мы наконец оказались на улице, где побежали до ближайшего светофора мимо прохожих, которые с удивлением глазели на нас.

Немного погодя я сообразила, что мы заблудились, потому что не узнавала ни один из магазинов. Грант тоже не знал, где мы и куда идем, но ему было все равно. Мы замолчали, пока Грант не объявил, что он голодный. Теперь нам предстояло пересечь дорогу, чтобы добраться до ресторана, который он заметил. Не дожидаясь меня, Грант бросился туда на полной скорости. Мне не повезло: непрерывный поток встречных автомобилей, казалось, только и старался помешать мне перейти дорогу. Я дважды добиралась до середины, и дважды мне приходилось разочарованно поворачивать назад. Грант орал и махал мне руками с другой стороны улицы, и моя тревога достигла панических масштабов. В конце концов я просто пошла напролом, надеясь на лучшее и глядя прямо перед собой. К счастью, все получилось. Никаких гудков или визга тормозов; я лишь слышала рев, с которым машины проносились мимо.

— Почему ты не подождал меня? — накинулась я на Гранта.

— Ой, я бы никогда не перешел, если бы стал ждать; посмотри, что приключилось с тобой, — возразил он. — Я просто

увидел просвет и побежал.

Затем мы оказались в захудалом ресторане, а перед нами было меню, которое ни один из нас не мог прочесть. Я опасалась заказывать сытную еду — один ее вид мог вывести меня из равновесия, поэтому выбрала яблочный пирог. Гранту потребовалась целая вечность, чтобы решить, чего он хочет, и официантка в нетерпении нависала над нами, пока Грант то и дело менял решение. Наконец он заказал некое блюдо, по названию больше напоминающее завтрак. Шум разговоров других посетителей волнами накатывал на нас. Иногда он достигал такой громкости, что я опасалась, как бы у меня не лопнула голова, но как только гул становился невыносимым, он тут же стихал. Я хотела в туалет, но Грант попросил не оставлять его одного.

— У тебя все равно не получится, — предупредил он.

Но мне нужно было выйти, и я сказала, что уж как-нибудь справлюсь. Кажется, у меня ушла целая вечность, чтобы найти туалет и осуществить свое намерение, а когда я вернулась, Грант в недоумении таращился на огромную тарелку сосисок, яиц, бекона и чипсов, которую официантка поставила перед ним. Я неплохо справилась со своим яблочным пирогом, и мы встали, чтобы расплатиться. На кассе нас поджидали ряды лоснящихся тортов и пирожных. Грант ахнул и вытаращил глаза.

— Мне совершенно необходим кусок торта! — воскликнул он.

— Тогда и я хочу.

Мы долго выбирали, а потом продавец, кладя в пакет первый кусок, дал Гранту нож, чтобы отрезать торт с лимоном и меренгами, который выбрала я.

— Ох, мне с этим не справиться, — сказал Грант, отпрянув в ужасе. — Это женское дело, — добавил он, быстро передав мне нож и отступив, чтобы понаблюдать.

О боже, подумала я и начала хихикать. Я осмотрела торт, который выглядел довольно хрупким. Наверняка рассыплется, когда я попытаюсь поднять его и положить в пакет, но все равно надо попробовать. Грант загибался от смеха, глядя на мои усилия сдвинуть нож под тортом, а у меня дрожали руки. Мне удалось с осторожностью приподнять кусок, но прежде чем я поднесла его к пакету, который держала в другой руке, торт соскользнул и приземлился обратно на тарелку вверх тормашками. Тут я снова начала хихикать, а парень, стоявший за прилавком, уставился на нас обоих с изумлением. Меня накрыла паранойя: я понимала, что выгляжу совершенно обдолбанной, и хотела поскорее сбежать. Я схватила кусок торта рукой, и вся начинка размазалась по ладони. Кое-как мне удалось засунуть добычу в пакет, хотя

большая часть осталась у меня на руке, а Грант бросил деньги на прилавок. Мы побежали к двери, размазав лимонный крем по всей ее ручке.

Снаружи мы скорчились в приступе безумного смеха, а потом заметили, что идет дождь. Рука у меня была ужасно липкой, но я никуда не могла пристроить пакет, чтобы вымыть ее. Мы снова отправились в путь и повернули на длинную дорогу, ведущую к дому. Теперь мы уже не разговаривали, а только смотрели вперед в конец улицы, который, похоже, не приближался. Грантувеличил скорость, чтобы быстрее добраться, и не хотел признавать, что нас колбасит. Я прибавила шагу, стараясь идти с ним вровень. Какое-то время мы сохраняли быстрый темп, но, казалось, заметной разницы не было. Грант пустился бежать, и я помчалась за ним, сжимая в липкой руке пакет с кусками торта. Я сумела догнать Гранта, и мы понеслись рядом, глядя прямо вперед, пока с глубоким облегчением не добрались до дома. Ввалившись в его комнату, мы сбросили мокрые ботинки и принялись делиться впечатлениями о невероятном приключении.

— Должно быть, мы приняли слишком много, — сказала я, отмывая руки.

— Ты абсолютно права, — согласился Грант, — такого никогда не было раньше. Знаешь, меня действительно накрыло в кино, потому я и хотел уйти.

— Да, но мне хотелось остаться и разобраться в сюжете.

— Нас, нахрен, надули, — проворчал Грант, отрывая пакет со своим куском торта. — Это был даже не военный фильм! — И он стал набивать рот сладкой крошкой.

Я посмотрела на свой развалившийся торт с безе и откусила кусочек. На вкус он был не так хорош, как на вид, поэтому я выкинула остатки в окно.

Затем Грант включил печальные бит-пластинки и сидел, наслаждаясь ими, сгорбившись на краю матраса и качаясь взад-вперед. Я не могла оставаться у него: мозг воспринимал музыку как чрезмерный шум, голову будто сжали под огромным давлением. Я поднялась в комнату Билла, надеясь немного прийти в себя. Билл сидел с двумя парнями, которых я не знала, но, кажется, у них все было в порядке. Я начала рассказывать им о кино и тортах, но они, даже не улыбнувшись, тупо таращились на меня. Может, наше приключение не настолько смешное, подумала я, хотя была уверена в обратном. Почему же они не смеются?

— Да что же с вами такое? Вы что, накурились?

Но нет: они триповали. Только этого мне не хватало. Я вернулась к клаустрофобному биту, что неустанно пульсировал в

обители Гранта. Мой парень все еще качался взад-вперед, не обращая внимания ни на что, кроме музыки. Я легла, хотя мне было тяжко. Мне казалось, что с минуты на минуту я начну орать, потому что музыка становилась невыносимой, но мне не хотелось пугать Гранта. Я решила, что надо проспаться, поэтому сняла одежду и легла в постель. Не спросив меня, Грант сделал звук немного тише, и разум у меня постепенно успокоился. Спустя какое-то времени Грант лег в постель и вытащил меня из бессвязных снов. Он хотел, чтобы я проснулась, и собирался трахнуть меня. Если это будет так же захватывающе, как наш предыдущей секс под кайфом, решила я, то и пусть. Но на этот раз все получилось слишком безумно: я едва могла выдерживать его прикосновения без содроганий, а когда Грант вошел в меня, все тело накрыл один безумный неуемный оргазм. Меня буквально разрывало изнутри, а потом Грант кончил, и я почти потеряла сознание. Еще бы чуть-чуть — и не знаю, куда нас унесло бы.

На следующее утро все опять пришло в норму. После того как Грант со свойственным ему рвением убежал в офис, Джо поднялся по лестнице и просунул голову в дверь:

— Привет. Я вроде слышал тебя вчера вечером, — сообщил он. — Почему бы тебе не сделать кофе и не зайти ко мне?

Я пробормотала, что буду через несколько минут, и он ушел. Я встала и отправилась на кухню. Когда я принесла кофе, Джо валялся в постели, читая научно-фантастическую книжку. Мы немного поболтали, и он похлопал по постели, приглашая меня присесть рядом. Было очевидно, что у него на уме. Он считал, что, если однажды трахнул меня, может в любой момент сделать это снова. Джо не сомневался, что на самом деле я хочу только его, а Грант — лишь запасной вариант. Интригуя за спиной соперника, Джо мог менять расклад в свою пользу, но при этом ему надо было терпеть мое постоянное присутствие. Кроме того, противостояние с Грантом меняло образ Джо и добавляло порочной утонченности довольно мягкому и беззлобному парню, каким я считала его раньше. Я видела Джо насквозь и скорее презирала его за такие уловки. Однако он, сам того не понимая, на самом деле играл в мою игру. Я не хотела назад к Джо, но мне было интересно, как воспримет Грант мое общение с ним. Реакция Гранта волновала меня куда больше, чем компания Джо или его тело. Так что пусть он получит меня, это уже ничего для меня не значило.

— Если я переспала с тобой в последний раз, не жди, что это войдет у меня в привычку, — предупредила я, чтобы Джо не слишком задавался. Пусть сначала попотеет.

— Я уверен, что тебе хочется, — усмехнулся Джо. — Ведь тебе нравятся всякие фокусы вроде любовного треугольника. Как по мне, это все равно что «Джул эт Шим».

— Не совсем, — саркастически усмехнулась я. «Жюль и Джим» — фильм, название которого так переврал Джо, — и близко не напоминал нашу тройную историю.

— Если ты не ляжешь в кровать, я сам затащу тебя туда, — пригрозил Джо, положив книгу.

— Одежду снимать? — довольно бессмысленно спросила я.

— Иначе тебе будет жарковато, — усмехнулся он, радуясь своей воображаемой победе.

Я снова разделась и легла рядом с Джо.

Глава 23

Когда мне позвонили из «International Magazine», в котором откуда-то узнали обо мне, и захотели взять у меня интервью об андерграунде и сделать фото, я забыла обо всем. Мне нравилось предвкушать беседу с журналистами, и я потратила уйму времени, чтобы определиться с нарядом и своими будущими высказываниями. Конечно, мне нужно было подстричься, и мы с Гэвином нашли очередную смену стиля весьма уместной. Снова кудри, но на сей раз ничего вызывающего. Волосы у меня опять отросли и выглядели мягкими и пластичными, и теперь лицо будто обрамлял ореол кудряшек. Интервью ожидалось недели через две, поэтому мне хватало времени на подготовку.

Я все еще иногда получала нерегулярные письма от Дэйви в Штатах. По-видимому, The Dream Battery распались, и Дэйви снова присоединился к Заку Фрэнксу, чтобы играть с The Savage. Он действительно добился славы и успеха, потому что The Savage были невероятно популярны в Штатах. В последнем письме Дэйви сообщил, что скоро сможет приехать домой и что с нетерпением ждет встречи со мной. Ничего страстного, просто вежливое сдержанное письмо, как и все прочие, — типичный Дэйви. Затем мне пришло в голову, что я с самого расставания ни разу всерьез не думала о новой встрече с ним.

Я вспомнила, как обожала его и как прощание с ним укрепило мою решимость не плыть по течению, а добиваться конкретных целей. Но возвращение Дэйви, его физическое присутствием прямо здесь, рядом со мной, — это просто не укладывалось у меня в голове.

Поэтому я вытащила все его фотографии и принялась их разглядывать, пытаясь наполнить образ Дэйви подобием жизни и реальности, но никак не могла понять, что мне следует думать или чувствовать. Да, он красив, и да, я его любила. И да, он сделал мне больно и заставил плакать. Но как же давно это было! Он увидит, что я стала совсем другой и научилась справляться со своей жизнью, хотя он, вероятно, изменился еще больше меня. Сейчас Дэйви играл в одной из самых популярных в Штатах групп и, по английским меркам, был богат и знаменит. И вот он возвращается и желает снова увидеться со мной. Чем больше я смотрела на фотографии и думала о нас, тем больше понимала: теперь мне все равно, что он обо мне подумает. Даже его звездный статус меня теперь не впечатлял; мне хватало того, что я была знакома с Дэйви. И все же отчасти его возвращение меня тревожило. Когда-то я очень любила этого парня. Если он не

изменился, если выглядит, думает и ведет себя по-прежнему, то качества, за которые я его полюбила в те давние дни, должны сохранить магию и сейчас. Да, подумала я, я хочу увидеть Дэйви, и прикрепила все его фотографии у себя над кроватью.

Между тем у нас в «Big Tower» намечался концерт еще одной популярной американской группы — нью-йоркских Sound & Touch, которые закатили прием по случаю своего первого выступления в Англии. Эта группа с Восточного побережья считалась одной из самых опытных на сцене, очень политически и социально сознательной. Ее участники выходили за пределы протеста, посредством грубого, разнузданного юмора неся в народ шокирующие заявления и при этом не особенно заботясь об «электронной бомбардировке» звуком. Команду составляли шестеро: три вокалиста, которые пели, читали стихи и рассказывали истории, и еще три музыканта.

На вечеринку меня привел Джейсон, но сразу по прибытии я, как обычно бывает на подобных мероприятиях, потеряла его в толпе. The Sound & Touch я узнала издалека. Выглядели они довольно странно. Три поэта-исполнителя были намного старше музыкантов; все с очень длинными волосами, гораздо ниже плеч, и одеты как деревенщины. Я заприметила двух музыкантов, плюхнулась на пустой стул и стала издалека их разглядывать. Люди сновали мимо, и те, кто меня знал, останавливались похвалить мою новую прическу. Затем кто-то крикнул:

— Кто в «Tower» на следующей неделе?

Я притворилась, что задумалась, а потом неуверенно ответила:

— Разве не The Sound & Touch? — И все засмеялись.

Затем один из парней The Sound & Touch наклонился ко мне и спросил, нет ли сейчас в Лондоне Джими Хендрикса. Его не было, но разговор уже завязался. Мы принялись сравнивать музыкальную индустрию здесь и в Штатах. У американца были длинные темные волосы, которые он подвязал эластичной лентой, чтобы не лезли на лицо. Он смотрел на меня пронзительным взглядом, и от его внимательных глаз было некуда деться. В какой-то момент он внезапно сощурился и произнес:

— Близнецы.

— Как ты догадался? — спросила я, заинтригованная его попаданием в точку.

— Проще простого, — улыбнулся он. — Просто сравнил нас с тобой и увидел много общего.

Значит, он тоже Близнецы, подумала я и обрадовалась. Пусть я мало понимаю в системе знаков Зодиака, но она точно работает.

Например, я заметила, что зодиакальные знаки влияют на отношения, — можно всегда сказать: «Мы расстались, потому что он Лев, а я Козерог. Всем известно, что Львы с Козерогами не сходятся». Может, конечно, это лишь уловка, но зато занятная.

И вот мы, двое Близнецов, а значит, целых четыре личности, прекрасно нашли общий язык, хотя раньше мне казалось, что сочетание двух таких персонажей чревато взрывом. После приема я собиралась заглянуть в «The Joint» и предложила американцу — его звали Ларри — составить мне компанию. Его не пришлось долго уговаривать, и очень скоро мы тихо свалили с приема.

С проходом в «The Joint» у меня уже давно не возникало проблем, а сейчас, когда все сообразили, с кем я туда явилась, нас окружили улыбками и максимальным гостеприимством. Мы уселись в ресторанной зоне и завели беседу за ужином, однако было сложно расслышать друг друга за шумом концерта, хотя разговор завязался очень интересный. Поэтому вскоре мы покинули клуб и отправились ко мне домой. Ларри восхищался тем, насколько расслабленная здесь обстановка по сравнению со Штатами, где не так хорошо относятся к хиппи и все ужасно боятся полицейских. Он говорил динамично, почти агрессивно и настолько быстро, что я с трудом понимала его и приходилось постоянно переспрашивать.

— Прости, видимо, я не всегда хорошо понимаю твой акцент, — извинилась я.

— Вот бы и мне научиться говорить так, как ты, — заметил Ларри. — Твой голос проникает прямо в сознание.

— Почему ты так решил?

— Все дело в том, как ты говоришь…

— И как же?

— У тебя волшебное произношение! Ни разу такого не слышал. Похоже, в Нью-Йорке толкутся только шотландцы и ирландцы, вот честно. Я в восторге от твоего голоса.

Мне не верилось, что в Нью-Йорке он встречал только шотландцев и ирландцев, но даже если так, вряд ли голос у меня такой уж особенный. По-моему, вполне нейтральный акцент, стандартный для образованных людей среднего класса. Разве что речь немного сдобрена современным сленгом, только и всего. Но его комплимент меня порадовал, и я стала гадать, хочет ли он переспать со мной. Впрочем, скоро я забыла об этих мыслях: мне так нравилось тусить с Ларри, что остальное не имело значения. Потом он легонько взял меня за руку прохладной ладонью с подвижными нежными пальцами.

— Знаешь, я не из тех похотливых музыкантов, которые кадрят девушек просто ради развлечения или чтобы

покрасоваться перед толпой, — сказал Ларри.

— Да, я понимаю, о чем ты.

— Мне нравятся девчонки, с которыми можно поговорить, — пояснил он, и я одобрительно кивнула.

Потом он отпустил мою руку, и я подумала, что он потрясающий.

Но тут зазвонил телефон. Это был Джо:

— Ну как, получила сообщение?

— Какое сообщение? — удивилась я.

— С приглашением.

— Нет, ничего не получила

— Может, тогда приедешь в «The Joint»? — предложил Джо.

— Я только оттуда, — возразила я.

— Тогда просто приезжай курнуть.

— Я не одна.

— Значит, мы сами сейчас приедем. — И он бросил трубку, прежде чем я успела возразить.

Вот отстой. Мне хотелось дать ему понять, что вовсе не мечтаю о встрече с ним, но парням вроде Джо надо чуть ли не буквально вколачивать свою мысль, иначе они вообще ничего не услышат.

— Сейчас приедут The Relation! — с фальшивым энтузиазмом сообщила я своему новому другу из Америки.

И сразу же мне показалось, что реплика прозвучала слишком подобострастно, а мне не хотелось создатьу Ларри дурное впечатление, поэтому я попыталась объяснить, что они мои старые друзья и часто заезжают в гости. Но оправдания тоже звучали не особенно убедительно, поэтому я вовсе замолчала. Я проклинала Джо за неуместный звонок и очень надеялась, что он хотя бы приедет не один. Мне по-прежнему хотелось поэкспериментировать с нашим любовным треугольником, поэтому я не могла послать Джо к чертям прямым текстом, но последние события меня уже совсем не устраивали. Я очень надеялась, что Ларри не уйдет сразу после приезда ребят, потому что он мне всерьез нравился, да и знакомство намечалось очень полезное. У меня еще ни разу не было парня из американских групп. С другой стороны, думала я, нельзя же прийти в гости к девушке и ожидать, что у нее нет никакого прошлого. Так что, учитывая, что у меня наступило время экспериментов, я решила расслабиться и посмотреть, что будет дальше. Для моего нового знакомого сегодняшний вечер тоже станет своего рода экзаменом.

Спустя десять минут ко мне в комнату ввалилась целая толпа. Я, конечно, порадовалась, что Джо не явился в одиночку, но не думала, что будет столько народу. Приехала практически

вся группа и еще двое, которых я видела впервые. А появления Гранта я и вовсе не ждала — не в его правилах ездить в гости. В первые минуты атмосфера была немного напряженная, и Джо сразу это заметил. Чтобы заявить свои права на меня, он подошел ко мне и поцеловал с особой нежностью.

— Всем привет! — сказала я. — Это Ларри из Sound & Touch, они только прибыли в Лондон.

Потом я представила ребят Ларри, и все друг другу вежливо поулыбались. Спайк сразу набросился на моего нового друга, и вскоре они погрузились в разговоры о музыке.

— А ты зря времени не теряешь, — прошипел Джо мне в ухо.

— Заткнись и радуйся, что я вообще не отправила вас ко всем чертям, — огрызнулась я, чувствуя напряжение, как на таблетках.

Джо удивленно уставился на меня, не скрывая обиды:

— Я могу и уйти, если что.

— Не говори ерунды, — ответила я и уселась на кровать.

Билл крутил косяки, а все остальные по очереди ставили музыку. Настроение у меня испортилось. Я сидела и злилась на всех и каждого, пока остальные прекрасно проводили время за разговорами о группах и об Америке. Я поглядывала на Ларри и надеялась, что не придется ехать с Джо. Про себя я даже решила отказаться от идеи эксперимента с любовью втроем, пока Грант ни о чем не узнал. Джо начинал действовать мне на нервы.

Спустя пару часов Джо встал и сообщил, что хочет домой.

— Ты со мной? — спросил он громко.

— Да, — раздраженно бросила я.

Ничего другого мне не оставалось: он слишком очевидно дал понять, что я с ним. Повернувшись к Ларри, я пообещала, что мы завезем его в отель.

— Может, увидимся завтра? — спросил он.

— Да, конечно! — с радостью согласилась я, испытав облегчение от того, что он вроде бы совсем не обиделся.

В машине, где мы сидели рядом, я дала Ларри свой номер телефона, и на прощанье мы обменялись простым «спокойной ночи» без всякой романтической подоплеки.

Когда мы оказались с Джо в его комнате, я спросила, где Грант.

— Спит в своей постели, — сказал Джо.

Собственно, так я и думала.

— Он знает про нас?

— Понятия не имею. Да и какая разница?

— Ты что-то имеешь против Гранта? — поинтересовалась я.

— Да ничего конкретного. Просто он меня раздражает, вот и все. — Джо занял оборонительную позицию: ему явно не

нравились мои прямые вопросы.

— Ты по-прежнему с ним не разговариваешь? — спросила я.

— Да нет, разговариваю.

— То есть вы снова дружите?

— Я же объяснил: я с ним говорю, — разозлился Джо.

— Как ты думаешь, остальные могут ему рассказать о нас? — Мне было интересно, обсуждали ли ребята нашу ситуацию.

— С какого черта? Это не их дело, — возмутился Джо.

— Им могло показаться, что надо ему рассказать справедливости ради. Ведь все вы дружите между собой, да еще и живете вместе.

— Успокойся, — бросил он со злостью.

— Тогда объясни, почему никто ничего не говорит Гранту, — потребовала я. — Кто-то же должен сказать. Вы же друзья.

— Не тебе говорить о справедливости и дружеской верности!

Мне не понравился его наезд, и я предпочла сменить тактику:

— Но что я могу поделать, Джо?

— Это ты о чем?

— Да вообще обо всем. — Я примирительно пожала плечами.

— Не понимаю тебя, — заявил Джо, который к этому моменту остался в одних трусах.

Я указала на них:

— Твой несравненный вид в этих желтых трусах — вот что заставило меня сдаться без боя. Меня дико возбуждает желтое нижнее белье.

Он понял мою иронию и густо покраснел.

— Так и будешь сидеть сиднем всю ночь? — проворчал он.

— Да нет, почему же, — устало ответила я и принялась развешивать одежду на спинке тесного дивана.

Стоило мне забраться под одеяло, как Джо вспомнил, что ему очень хочется выпить воды.

— А ты не мог раньше попросить? — раздраженно поинтересовалась я. — Я уже разделась.

— Я тоже голый, — возразил он. — Давай, сходи.

— Сам сходи, — огрызнулась я.

Мы начали ругаться: я упрекала его в эгоизме, а он твердил, что в итоге я все равно выполню его просьбу.

— Впредь не дождешься, — заявила я.

— Тебе же нравится, когда я с тобой груб! Признай это.

— Ничего подобного — с тех самых пор, как я начала встречаться с Грантом.

— В смысле? — удивился Джо.

— Гранту это удается лучше, чем тебе.

— Тогда чего же ты к нему не возвращаешься?

— А я от него и не уходила.

— Но мы-то оба понимаем, что ты вернешься ко мне по первому зову, — заявил Джо уверенно.

— Да неужели? — скривилась я.

Джо уставился на меня, пытаясь понять, что у меня на уме, а потом грубо притянул меня к себе и стал яростно целовать. Я позволила ему сосредоточиться на этом занятии, чтобы не продолжать дурацкий спор и не возвращаться к вопросу стакана воды. Джо повел себя очень жестко и бросил меня на кровать. Я ударилась головой о стену, но не успела даже вскрикнуть, потому что меня отвлекла другая боль: он укусил меня за сосок так сильно, что я инстинктивно врезала ему кулаком по голове и попыталась оттащить его за волосы. Джо выпрямился и отвесил мне пощечину.

— Ублюдок, — прошипела я сквозь зубы.

— Залезай на меня, — приказал он с самодовольной ухмылкой.

Я послушалась, и он схватил меня за бедра с такой силой, что синяков было уже не избежать. Несмотря на боль, я терпела. Потом Джо заставил меня отсосать ему, хватая за волосы и больно дергая за уши, чтобы я быстрее двигала головой. Я с трудом сдерживала слезы.

Немного придя в себя после отвратительной сцены, я спросила:

— Понравилось?

— Очень, — ответил Джо, с интересом разглядывая меня.

— Отлично, — бросила я и отвернулась.

Я ненавидела его и злилась на себя, что решила снова с ним переспать, к тому же не один раз. Не иначе, у меня ум за разум зашел, если я допустила к себе этого бесполезного злобного слабака, тщеславного тупого ублюдка. Слава богу, Грант ничего не знает и теперь можно обо всем забыть. Грант стоит десяти таких Джо, и мне стало стыдно, что я его обманывала. Но впредь это не повторится, так что нет нужды рассказывать Гранту. Если Джо или ребята вздумают ему насплетничать, я просто буду все отрицать. Глупо было тратить время на Джо; после сегодняшнего мне даже не хотелось с ним разговаривать. В таких размышлениях я и уснула.

Потом в дверь Джо начали громко стучать, но поначалу я решила, что мне это снится. А когда я открыла глаза, в дверном проеме стоял Грант. Я не сумела выдавить ни слова и просто смотрела на него.

— Телевизионщики уже здесь, — сказал Грант и тут наконец разглядел меня. После паузы он повторил: — Джо,

телевизионщики уже здесь, тебе пора вставать, — а потом вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Джо выскочил из постели, а я осталась лежать, онемев от ужаса. Конечно, я сама виновата: дело к тому и шло. Я надеялась, что все обойдется, раз уж я решила окончательно порвать с Джо. Но вышло по-другому, и я не понимала, чего теперь ожидать. Мне было жутко стыдно и противно; не лучшее начало утра. Я никак не могла собраться с мыслями, а в доме вдобавок шныряли операторы с телевидения. Мне хотелось только одного: скорее сбежать отсюда и повидаться с моим милым американским Близнецом, а этих двоих послать куда подальше. Они не стоили моих эмоций.

Я за секунду оделась и выскочила из комнаты еще до появления съемочной группы. Джо был в отличном настроении. Я попрощалась с ним, а он в ответ сказал, что скоро позвонит.

— Не стоит, — бросила я на бегу и исчезла.

Глава 24

Мне пришлось выпить несколько чашек кофе в офисе, чтобы наконец прийти в себя и привести мысли в относительный порядок. В ожидании хоть какой-то реакции Гранта, если таковая вообще последует, я решила сосредоточиться на Ларри. При любом раскладе мне очень хотелось встретиться с Близнецом. Он задержится в Англии всего дней десять, и если между нами что-то завяжется, не стоит терять ни минуты. К счастью, хотя бы с ним я пока не успела напортачить.

Когда я вернулась домой из «Kingdom», Ларри позвонил почти сразу. Я предложила ему приехать ко мне в гости. При встрече мы продолжили разговор так, будто и не было никакого звонка от Джо. Я чувствовала, что все больше и больше влюбляюсь в Ларри, и мне даже было немного боязно идти с ним в постель, потому что я опасалась что-нибудь сделать не так. Мы долго разговаривали, я ставила пластинки британских групп, которых он прежде не знал, но он не обращал особого внимания на музыку, предпочитая слушать меня. Мне даже не верилось, что можно столько всего рассказать едва знакомому человеку. Иногда в комнату заглядывал кто-нибудь из моих соседей: все прекрасно знали, кто такой Ларри, и даже пытались остаться поболтать с нами, но между нами искрился такой накал эмоций, что остальные предпочитали ретироваться. Было уже поздно, и все шло к тому, что пора лечь в постель. Ларри взял меня за руку и спросил:

— Я останусь, можно?

— Конечно! — сказала я.

Мы разделись и без всякой неловкости забрались в постель. Сначала мы просто лежали и смотрели друг на друга, а потом он придвинулся и стал меня целовать. Это было приятно и немного забавно, потому что его длинные волосы скользили по лицу, лезли в рот и глаза. С распущенной шевелюрой Ларри выглядел настоящим дикарем. В какой-то момент нам даже пришлось прерваться, пока он собрал ее в хвост. Он объяснил, что распускает волосы на концертах. Впрочем, очень скоро его кудри снова оказались на свободе, но нам уже было все равно: процесс захватил нас целиком. Иногда мы устраивали небольшие передышки и ботали о различиях между нашими народами.

— Англичане меня пугают, — признался Ларри.

— Почему? — удивилась я.

— Они глубже, что ли. А еще собраннее нас. И больше уверены в себе.

— Ну, я не настолько уверена в себе, — улыбнулась я. — По-моему, тут я скорее похожа на тебя.

— Да, я тоже это почувствовал.

— Я, в свою очередь, побаиваюсь Америки, хотя, конечно, не прочь там однажды побывать.

— Уверяю тебя, это ужасное место, там нет ничего интересного, — заметил Ларри. — Если честно, я даже стыжусь своей страны.

— В детстве мне очень нравилась Америка, — протянула я.

Мне вспомнились кадры из американских фильмов и телепередач: аккуратно одетые седовласые юристы; солдаты, которые веселятся в увольнительных, а потом сражаются на фронте и погибают от вражеской пули. Когда-то я завидовала красивым загорелым американским девицам, которые в изящной униформе маршировали на парадах и могли выкинуть любой трюк — например, подбросить в воздух тяжелый жезл с серебряным наконечником и поймать его одной рукой. Мне захотелось объяснить Ларри, что я думаю об Америке теперь:

— Я толком ничего не знаю о твоей стране, кроме того, что она великолепна, огромна и очень богата. Все мои детские представления о ней никуда не делись, и Штаты меня по-прежнему привлекают. Но мы слышали столько ужасных историй о тамошних порядках, что становится как-то не по себе. У вас на самом деле насколько плохо? Неужели все хорошее пало под натиском тотальной ненависти? Мне просто не верится: ведь ты, например, американец, и я тебе верю, а ведь ты не один такой? Да и «обычные» люди не сплошь злодеи…

Он внимательно выслушал меня и, поразмыслив, ответил:

— Ты права. И я, конечно, люблю свою страну, просто она мне вроде как уже не принадлежит. И так считаю не только я, это коснулось многих людей — творческих и самых обычных, черных и евреев, протестантов и католиков. Речь о родителях и детях. О противостоянии «их» и «нас». Всем кажется, что Америка им больше не принадлежит. Мы забыли, как жить, понимаешь; мы разучились думать. Нас заставляют следовать за лидером и лишают всякой индивидуальности. Нас выворачивают наизнанку, и к тому времени, когда я буду слишком стар, чтобы все это исправить, мы уже будем заперты в клетке новых моральных устоев. Поэтому я предпочитаю не стричься и заниматься музыкой. Но я играю не ради денег или славы. Творческая молодежь нас любит, но этого недостаточно: нет смысла обращать в новую веру тех, кто и без нас все знает. Мы хотим стать зеркалом, которое собирает всю ненависть, направленную против нас, и посылает обратно еще большее негодование. Люди

из глубинки не понимают и презирают нас; они злятся и пытаются распускать руки. Мы чувствуем себя в безопасности, только когда играем концерты для таких, же как мы, или выступаем на телевидении. Телекомпании опасаются нас обижать, не то они потеряют всех своих спонсоров.

Я лежала и смотрела на Ларри. Его серьезность и жесткость удивили меня. Спустя несколько минут я прижалась к нему и прошептала на ухо:

— Ты первый американец, с которым я переспала.

Ларри заглянул мне в глаза и улыбнулся, от чего у меня в животе запорхали бабочки.

— Ты первая англичанка, с которой я познакомился поближе, — сказал он.

Потом он стал говорить всякие нежные слова, которые обычно говорят любимым, хотя сама я уже разучилась произносить их вслух, потому что мне пришлось научиться сдерживать эмоции и казаться недоступной. К тому же очень часто такие разговоры оказываются лишь болтовней в постели. И тем не менее, должна признаться, мне было очень приятно услышать, что Ларри впервые испытал такие чувства. В итоге он и меня втянул в эту игру, попросив рассказать, какие у меня ощущения от нашей с ним встречи. Впрочем, мне показалось, что для него это вовсе не игра.

— Попробую объяснить, — сказала я задумчиво. — Я почти влюблена в тебя, насколько это возможно после двух дней знакомства.

— Очень искренний ответ, — заметил он. Ему понравились мои слова. — Твоя честность перед самой собой подкупает, я сразу обратил на это внимание.

— Спасибо, — улыбнулась я.

— Ты когда-нибудь встречалась с теми, с кем не могла поговорить по-настоящему? Просто не могла адекватно донести свои мысли?

— Да, бывало, — вздохнула я. — И поначалу это просто ужасно: когда не получается сказать то, что хочется, злишься все больше и больше, но потом вдруг находишь в этом определенное удовольствие и просто предаешься своим размышлениям, не заботясь о том, чтобы тебя поняли.

Он молча на меня смотрел, а я пыталась в точности припомнить свою предыдущую реплику.

— Ты меня удивляешь, — сказал наконец Ларри. — Вот уж не ожидал, что у девушек бывают такие глубокие мысли.

— Правда? — смутилась я. Ведь раньше я ни о чем таком не думала и просто высказала то, что пришло в голову.

— Знаешь, — заметил Ларри, — твои слова прекрасны.

Кажется, я произвела на него впечатление, и до чего же приятно было слышать комплименты вместо колких замечаний Гранта, беседа с которым часто превращалась в прогулку по минному полю. Я словно расцвела и рискнула добавить:

— Мы словно представители разных планет, которые изучают друг друга.

— Я кажусь тебе настолько другим? — удивился Ларри.

— Вот именно.

Мне и правда казалось, что он очень отличается от нас. Чувство юмора, серьезность, деликатность и даже его ум совершенно не вязались с образом обычных английских парней. Большинство из местных тусовочных ребят рано бросили школу и не могли похвастать даже мало-мальским образованием. Именно поэтому они вели себя агрессивнее и деструктивнее своих ровесников из Америки. Голод и нехватка материальных благ подстегивали их, заставляя писать гораздо более жизненную музыку, чем та, что появлялась в Штатах у парней с неплохим образованием и поддержкой со стороны богатых семей. В музыке неизменно отражается жизненная позиция ее авторов. Рассуждая об этом, мы оба выяснили много нового для себя.

Так или иначе, я была счастлива, что Ларри совсем не такой, как мои прежние знакомые. Хотя по прошествии нескольких дней мне стало грустно, ведь скоро нам предстояло попрощаться. От осознания того, что дни нашего общения сочтены, я любила Ларри еще больше. Меня мучил вопрос, правда ли я в него влюбилась или мне просто нравится, что скоро он уедет и не будет вторгаться в мою обычную жизнь. А если бы Ларри остался здесь, а Грант вдруг захотел вернуть меня? На уровне подсознания я продолжала думать о Гранте и с нежностью хранила свои чувства к нему. Можно ли тогда говорить, что я люблю Ларри? Быть может, меня привлекала только свобода, ведь наши отношения никогда не будут испорчены повседневностью. Рано или поздно влюбленность начала бы мешать работе, а мне очень хотелось двигаться дальше.

Но на данный момент я могла сказать точно: я люблю его. Мне просто необходимо было такое чувство после недавней кутерьмы в личной жизни. И если честно, мне не хотелось отпускать Ларри. Звуки пролетающих самолетов расстраивали меня почти до слез.

Каждую свободную минуту мы старались проводить вместе, и я, конечно, слегка забросила работу. Я убеждала себя, что это не имеет никакого значения, потому что скоро Ларри уедет насовсем, и я хотела напоследок насладиться его обществом. Мы

почти не спали, поскольку постоянно находились темы для разговора, а потом наступало время секса, и мы сами не замечали, как начинало светать. Группа улетала в Канаду на следующий день после концерта в «Big Tower». В день их выступления я и вовсе не могла сосредоточиться на работе. Попросив одну из младших сотрудниц подменить меня на рабочем месте, я умчалась в гримерку, чтобы побыть с Ларри. Слушая шоу Sound & Touch, я испытывала неподдельную гордость за любимого. Ларри играл на басу, и мне особенно нравилось, когда вокалисты отдыхали и музыканты выходили на передний план. Поначалу по сцене скакал пожилой поэт в трусах, пританцовывая и размахивая плакатами с лозунгами. В Америке, как мне объяснил Ларри, это было абсолютно нормально, но для английской публики выглядело странно. Да и сама я, честно говоря, не особенно впечатлилась. Зато когда за дело взялась гитарная секция, публика поддержала ребят на все сто процентов. Реакция была потрясающая. Ларри прекрасно смотрелся на сцене. Каждый раз, когда он отбрасывал назад свои длинные волосы, я вспоминала, как они скользили у меня по лицу, пока мы занимались любовью. Все знали о нашем романе и уверяли, что мне очень повезло. Впрочем, я и сама это знала и не нуждалась в чужих подсказках. Мне уже было не важно, чтобы все знали, кого я подцепила. Мы любили друг друга, и других подтверждений мне не требовалось.

Когда шоу закончилось, мы сразу поехали домой, чтобы провести вместе последние несколько часов. Это было невыносимо — Ларри обещал вернуться, а я умоляла его не уезжать. Он уверял меня, что не хочет никуда ехать, но не может просто так бросить группу. Все контракты подписаны, впереди еще столько работы… Он пообещал, что пригласит меня к себе, когда они снова окажутся в Нью-Йорке. Я увидела противоречие в том, что сначала он обещал приехать сам, а теперь говорит, что позовет меня в Нью-Йорк, и мы впервые поссорились. Все кончилось тем, что мы сидели и дулись друг на друга. А потом уснули, хотя не собирались, и утром не услышали будильник. Какой-то инстинкт заставил меня подскочить в постели. У Ларри оставалось ровно десять минут, чтобы добраться до отеля, откуда они уже все вместе должны были ехать в аэропорт. Он разозлился, что мы проспали, и вдобавок никак не мог найти свою повязку для волос, отчего настроение у него испортилось окончательно. У нас уже совершенно не оставалось времени на разговоры, поэтому мы просто целовались на прощанье.

— Я буду писать, обещаю, — сказал Ларри.

— Я никогда тебя не забуду, — ответила я.

Я следила, как он спускается по лестнице, а потом вышла на балкон посмотреть, как он удаляется вниз по улице. Вот и все, подумала я и топнула ногой от несправедливости всего происходящего. Я знала, что мои чувства изменятся, когда он окажется за океаном и пройдет какое-то время. И знала, что Ларри это тоже прекрасно понимает. Я заплакала и почувствовала себя совсем одинокой, ведь мне было так с ним хорошо на протяжении этих десяти дней.

Глава 25

В последующие несколько дней я жила и работала, словно робот, пытаясь убедить себя в том, что ничего не было. Но как только мне начало казаться, что Ларри всего лишь плод моего воображения, я получила письмо. И не просто письмо: в огромном конверте лежало множество маленьких, в пяти из которых я нашла любовные письма других девиц к Ларри.

Их послания дышали подростковым поклонением, и чем дальше я их читала, тем больше поражалась. Зачем нужно было присылать мне письма глупых девчонок? Я вовсе не хотела читать этот бред. О чем должны были рассказать мне письма поклонниц? О том, что Ларри ловкий парень, от которого тащатся толпы тупых американок? Но дальше было еще хуже. Собственное письмо Ларри представляло собой длинные претенциозные стихи, нацарапанные разноцветной шариковой ручкой и чередующиеся с обрывками песен Дилана, которые каким-то образом должны были соотноситься с нашей историей, полной сладкой агонии. То прекрасное и драгоценное, что происходило между нами, свелось к поверхностной модной чепухе. Что толкнуло Ларри на такую подмену? Может, он был под кайфом? Попахивает приходом от метедрина. Какова бы ни была причина, я так разозлилась, что скомкала жалкие бумажки и швырнула об стену, наблюдая, как они разлетаются в разные стороны.

Текст также содержал прозу: беспорядочные мысли о том, как он представляет себя не человеком, а бабочкой, которая беззаботно порхает из стороны в сторону в бесконечном поиске цветка жизни (при этом слово «цветок» было выделено темными голубыми чернилами). Ниже говорилось, что с момента нашей с ним встречи Ларри не мог понять, то ли он человек, которому приснилось, что он бабочка, то ли бабочка, которой снится, что она человек. По правде говоря, его дилемма меня нисколько не беспокоила, и эти слова вообще не имели бы смысла, не знай я, откуда они взялись: это была исковерканная цитата давно усопшего китайского мудреца Чжуанцзы. И я ее знала, поскольку тоже читала эту книгу, как и многие другие, потому что люблю читать. А он пытается впечатлить меня искаженными мыслями древнекитайского философа, не дав на него даже ссылки и не упомянув источник цитаты. Да что же это такое? Неужели он не мог написать своими словами? Почему вместо искреннего проявления чувств, которыми мы наслаждались, будучи вместе, Ларри прислал мешанину из чужих любовных записок, Боба Дилана, преувеличений и неясностей? Неужто я в нем ошиблась?

Не могла же я настолько поторопиться с выводами? Я была разочарована и крайне раздражена, причем главным образом из-за писем поклонниц. Они-то мне точно не нужны, и если уж на то пошло, то и Ларри тоже, если он таков на самом деле. Но ничего, проворчала я, потянувшись за ручкой и бумагой, сейчас мы это исправим.

В ответ я написала: если ему есть что мне сказать, то пусть выражается собственными словами и использует цитаты правильно. Чтобы показать, что я действительно знаю, откуда он взял фразу про бабочку, я вставила исходную цитату с указанием на источник:

> Однажды мне, Чжуанцзы,
> приснилось, что я бабочка.
> Проснувшись, я не знаю,
> бабочка ли я, которой приснилось, что она человек,
> или человек, которому снится, что он бабочка.
>
> *Чжуанцзы (629 г. до н. э.)*

Дату я указала приблизительно — он бы все равно не узнал.

Так или иначе, я просила его не присылать мне стихов и загадок, потому что мне не интересно расшифровывать его претенциозный бред. Пускай получает обратно свои любовные письма; похоже, они ему нужнее, чем мне. Неудивительно, что я казалась ему особенной. По сравнению с девицами, которые пишут такие бездарные письма, я все равно что одноглазый в мире слепых. «Выходит, я открыла тебе глаза, — написала я в завершение, — а сейчас ты открыл глаза мне. И я в очередной раз убедилась в твоей слепоте, ведь будь ты зрячим, ты не стал бы отправлять мне эти жалкие послания».

Затем я собрала листки и, пока ярость не утихла и я не передумала, уверенным шагом направилась к почтовому отделению, чтобы отправить письмо Ларри. Посмотрим, что он на это скажет, думала я. Возможно, он исправится и пришлет достойный ответ, но у меня были большие сомнения.

Я уже начала привыкать к отсутствию Ларри, убеждая себя в том, что все случившееся между нами было всего лишь сказкой длиной в десять дней. Теперь мне хватало уверенности, чтобы взять себя в руки и приступить к работе, которая меня уже заждалась. К тому же нужно было взять пару дней отгула для интервью «International». Девушка, которая задавала мне вопросы, воспринимала каждое мое слово чересчур серьезно, будто истину глобального значения. А вот фотограф оказался симпатичный — светловолосый, молодой и полный энергии. После фотосессии он

отвел меня в свою роскошную квартиру, где мы накурились вместе с его богатыми друзьями. В общем, я отлично справлялась без Ларри, иногда даже спрашивая себя, случилось ли это со мной на самом деле. Довольно скоро знакомая круговерть вновь поглотила меня, и тогда я вспомнила о Гранте.

Но вскоре другое письмо выбило меня из колеи. Ну просто неделя писем! На этот раз послание было от Дэйви. Он спрашивал, смогу ли я встретить его в аэропорту, так как он со своей группой The Savage возвращается через два дня. Из-за Ларри я совсем забыла про возвращение Дэйви, которое сейчас, напротив, помогло мне задвинуть подальше мысли о Ларри и отложить раздумья о Гранте.

В назначенный день я приехала в аэропорт встречать The Savage, и вскоре Дэйви стоял передо мной. Я уже и забыла, насколько он мал ростом.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответила я.

Мы даже не поцеловались.

Он по-прежнему говорил в нос и не сменил акцент на американский. Дэйви загорел, и его белокурые волосы, выгоревшие на солнце, отросли и завивались кольцами. Во всем остальном передо мной был все тот же Дэйви, спокойствие которого начало меня раздражать. Мы сели в машину, которая прибыла за группой, и обменялись парочкой холодных фраз.

Нас с Дэйви подбросили до моего дома, откуда вечером собирались отвезти на прием. Встреча обещала быть грандиозной, ведь The Savage, базирующиеся в основном в Америке, наконец-то вернулись домой в Англию. Дэйви осмотрел мою комнату, вставив пару комментариев о том, что она стала выглядеть намного круче, а потом спросил, чего нового у меня в жизни. Я кратко рассказала о своей карьере в «The Other Kingdom» и сама стала задавать ему вопросы. Пока он осторожно и подробно отвечал на них, я обратила внимание на его пальцы, унизанные кольцами. Не люблю побрякушки на парнях. Дэйви рассказал, что The Savage и дальше будут записываться вместе, но играть живые концерты перестанут.

— Неужели ты не будешь скучать по всему этому? — удивилась я.

— Не очень, — ответил он. — Мне достаточно намяли бока. Американская сцена более жестока, чем здесь. Тут никогда не бывает такой наглой толпы. Там девчонки подбегают после концерта и спрашивают: «Можно вас поцеловать, сэр? Можно вас потрогать, сэр? Не хотите меня трахнуть, сэр?» Забавно, что они называют музыкантов «сэр». А группи — это нечто! Там они

совсем другие!

— Расскажи мне о них, — выпалила я жадно.

— Ну, для них охота на знаменитостей — дело жизни, в отличие от английских группи. Они по-настоящему посвящают все свое время и энергию завлечению музыкантов, особенно английских. Они идут на самые разные подвиги, чтобы пробраться за кулисы или отыскать отель, где остановилась группа; и если им это удается, они даже звонят друзьям, чтобы похвастать, кого им удалось подцепить. Поначалу я находил их забавными, но чем дальше, тем больше они стали казаться мне ненормальными. Причем среди них встречались и очень красивые цыпочки.

Очевидно, Дэйви было чем поделиться, поэтому я потребовала рассказать мне побольше о группи.

— Ты слышала что-нибудь о «гипсолитейщицах»? — спросил он, и я покачала головой. — Это две девчонки, которые путешествуют по всей стране, а их миссия — создавать гипсовые слепки членов группы. — Дэйви перевел дух. — То есть буквальном смысле членов, — добавил он. — Они сосут парню, пока его дружок не встанет, а затем засовывают член в контейнер с жидким гипсом и ждут, пока состав не затвердеет. Такая мука — расклеивать потом лобковые волосы!

Я не знала, что сказать. У меня в голове не укладывалось, что девушки могут заниматься такими вещами. Я, конечно, делала минеты, но всегда наедине с партнером. И ни за что не скатилась бы до такой вульгарщины, чтобы сосать в присутствии зрителей. Да и на кой черт им сдались гипсовые слепки причиндалов? Ну точно извращенки, заметила я Дэйви.

— Ну да, в каком-то смысле ты права, — неопределенно ответил он.

Я сменила тему, спросив его, чем он намеревается заниматься теперь, когда не нужно посвящать все свое время группе, и Дэйви заявил, что хочет стать актером.

— Меня взяли в школу актерского мастерства. Конечно, нужно будет прослушать курс ораторского мастерства, но я всегда хотел быть кинозвездой. Мне уже двадцать шесть, нельзя же вечно выступать по клубам. Но музыку я тоже не брошу. Вообще-то я собираюсь скоро записать сольник, но при удачном раскладе в актерстве я вижу больше перспектив.

Мне подумалось, что в этом весь Дэйви, чувствительный и прагматичный одновременно. Такой не потеряется, если вдруг карьера не сложится. Мне нравилось его решение, и мы поговорили о том, какое влияние оказывает актерский опыт на внутреннее состояние человека. Тут я сообразила, что ни разу не

слышала воодушевления в голосе Дэйви; он всегда говорил почти монотонно. Я и раньше замечала за ним такую особенность, но сейчас меня слегка покоробила эта монотонность. Даже рассказывая о «гипсолитейщицах», Дэйви оставался равнодушным, будто он круче всех. Ему даже случилось пережить в Штатах парочку, как он выразился, «серьезных» любовных историй, но он неизменно притормаживал, пока дело не зашло слишком далеко.

— Но ведь ты всегда так поступаешь, правда? — спросила я, вспоминая себя. — Девчонки, с которыми ты проводишь время, в конечном итоге безнадежно в тебя влюбляются, а тебе, похоже, любовь ни к чему.

Он довольно резко возразил:

— Раздражает, когда на меня слишком вешаются. Не люблю несбалансированных отношений.

— Неужели ты сам никогда не влюблялся, Дэйви? — спросила я. — Обычно влюбляются как раз в тебя, но разве не было в твоей жизни девчонки, которая вскружила тебе голову?

— Допустим, в последнее время такого не случалось, — признался он, теребя кольца. — Но не думай, что любовь мне не знакома. Очень даже знакома, и это самая прекрасная вещь на свете.

Последняя фраза удивила меня, и я стала гадать, когда Дэйви был влюблен по-настоящему. Вспоминая наш роман, я не сомневалась, что ко мне он любви не испытывал. Просто увлекся мной, насколько позволял его рациональный мозг.

— Да, ты прав, — кивнула я, думая о Ларри.

Потом Дэйви немного повеселел и спросил, как у меня обстоят дела с личной жизнью. Мне такая формулировка не понравилась, поэтому я ограничилась сухим перечислением, и Дэйви вздохнул.

— Так и знал, что рано или поздно ты доберешься до самого эпицентра музыкальной индустрии, — констатировал он. — Кстати, мне не нравятся твои короткие кудряшки. Почему ты не хочешь отрастить волосы подлиннее? Я же просил тебя много раз.

Я не стала отвечать. Какая ему разница, если через пару недель он опять вернется в Америку? Все они туда сваливают. Надо и мне как-нибудь съездить.

Хотя холодность Дэйви во время нашей встречи после долгой разлуки слегка меня разочаровала, с другой стороны, так было даже лучше: не хватало только снова в него влюбиться. Впрочем, в глубине души я понимала, что подобное вряд ли возможно: нельзя дважды войти в одну реку. К тому же мне совсем не хотелось заводить очередной роман. Я нуждалась в других

отношениях, более свободных — вроде тех, что сложились у меня с Грантом. Может, следовало и с Дэйви держаться на том же расстоянии, но раньше я просто не понимала, как себя вести. Вопреки моим ожиданиям, Дэйви совсем не изменился, он остался прежним, но теперь я увидела его совсем другими глазами, и он показался мне чужим.

На приеме мне было скучно, а Дэйви купался в лучах славы, которой раньше его в Англии не баловали. Он велел мне не стесняться, и я поняла, что он совершенно не представляет, насколько я на самом деле изменилась. Полгода назад я и правда смущалась бы в такой обстановке, но теперь меня попросту не интересовало общество изысканной молодежи, дельцов и промоутеров. Дэйви, видимо, считал, что я никого там не знаю, поэтому я стала активно здороваться со всеми знакомыми, только чтобы утереть ему нос.

После ужина мы отправились домой и устроились перед телевизором. Я поглядывала на лицо Дэйви и не могла не признать, что он по-прежнему хорош собой. В этом отношении ничего не изменилось: чем больше я смотрела, тем красивее он мне казался; даже удивительно, что у живого человека настолько прекрасное лицо, хотя живости в нем как раз совершенно не было. Однако от страсти не осталось и следа — мы до сих ни разу не прикоснулись друг к другу, да и желания такого не возникало. Когда мы наконец легли, я испытывала разве что любопытство, гадая, каков он теперь в постели. Мы потянулись друг к другу в темноте, и мне даже стало неловко, но только в первый момент, потому что химия между нами никуда не исчезла. Обнимая его хрупкое тело, я почти представила, что снова влюблена в Дэйви. Он сумел доставить мне прежнее удовольствие, хотя я уже успела забыть, как он вздыхает и стонет во время оргазма. Мне была приятна страсть, с которой он отдавался сексу, и я тоже забыла обо всем на свете. На мгновение я почувствовала настоящую любовь к нему, чистую и искреннюю, без всяких задних мыслей, но к утру от нее осталась лишь дружеская симпатия. Мне было совершенно все равно, увидимся ли мы снова. Я удовлетворила свое любопытство и разобралась с чувствами, так что все получилось как нельзя лучше.

* * *

Вечером я вернулась домой и нашла записку от Дэйви. Видимо, его впустил в дом Тед, который предупредил, что я вернусь с рабочей вечеринки довольно поздно. Дэйви некоторое

время подождал меня, а потом ему надоело и он ушел. Я пожалела, что заставила его ждать, но больше ничего не почувствовала. В письме говорилось: «Скукожившись, нерешительный мальчишка сидел в углу и бубнил себе под нос что-то о самовыражении. Вдруг он пересек комнату и распахнул окно настежь. Одним резким движением он оторвал член и швырнул его на улицу, где тот взорвался мерцающей галактикой, оросив весь Бэйсуотер шафрановым соком разложения».

Чуть ниже Дэйви приписал: «Дорогая К., прости, не дождался. Авось скоро увидимся, как знать. Не злишься? Д. От бедного маленького агнца, сбившегося с пути».

Как я и говорила, это была неделя писем.

Глава 26

Я вовсе не злилась на Дэйви. Что было, не изменишь. Он хотел продолжения отношений, но на своих условиях, и до той ночи я еще колебалась. Теперь же мне стало ясно, что пора порвать с ним, пока не поздно. Дэйви, должно быть, почувствовал перемену, потому что в нашу следующую встречу даже не стал обсуждать со мной ту ночь; мы просто перекинулись парой вежливых фраз. Перед отъездом в Штаты он позвонил попрощаться, и мы договорились, что будем оставаться на связи, что бы это ни значило.

В конце концов случилось неизбежное: я вернулась к Гранту. Вполне очевидно, что наши с ним отношения теперь перешли в совершенно новую фазу. Я могла спокойно ему звонить, не боясь нарваться на шквал грубостей. Впрочем, я тоже сменила тактику и предпочитала сама дожидаться его звонков, и звонил он вполне регулярно. Видимо, я сдала какой-то мифический экзамен, благодаря которому Грант научился принимать меня такой, как есть. Кажется, я даже выросла в его глазах, потому что вовсе не страдала без его внимания. Я прекрасно понимала, что он позвонит, как только ему захочется меня увидеть. Сам Грант, разумеется, ни капли не изменился. Но если раньше он обращался со мной как с грязью, теперь я доросла до ранга прекрасной грязи. Я умудрилась частично разрушить стену независимости, которой Грант себя окружил, и мне хотя бы дозволялось стирать его вещи. Раньше он унижал меня за поползновения постирать его белье, а теперь принимал мою заботу, добавляя вдогонку претензии по поводу носков, которые следовало еще и заштопать. Однажды он заявил, что я должна подыскать ему девиц с большими сиськами, потому что ему нравится большая грудь, а у меня она слишком маленькая. Я возразила, что не собираюсь служить ему сводней, и задрала нос.

— Да я просто буду их трахать, — заверил он. — Ничего серьезного.

— Ну конечно, — усмехнулась я. — А вдруг одна из них пойдет по моим стопам — влюбится в тебя и не отстанет?

— Таких сумасшедших не бывает, — безапелляционно заявил он.

— Я не сумасшедшая, и ты мне нравишься, — возразила я.

— Нет, ты сумасшедшая.

— Да нет же!

— В любом случае, не так уж я тебе и нравлюсь.

— Нравишься! — запротестовала я.

— Ты все время спишь с другими мужиками, — поддел Грант. — Не то что бы я возражал… Я ведь постоянно сплю с другими бабами.

— Если ты и так спишь с другими, зачем мне искать тебе девиц с большими сиськами?

— Просто мне лень заниматься этим самому, — сказал он. — Я лишь забочусь о здоровье. Пишут, что мужчине в моем возрасте постоянно нужен секс, чтобы не сойти сума.

— Где ты прочитал такую ерунду?

— Не твое дело. Приведи мне побольше женщин… тех, у которых большая грудь… и все будет в порядке!

— Посмотрим, — уклончиво ответила я.

Пусть сам ищет себе девок, а я не желаю ничего знать. Конечно, в глубине души мне не хотелось, чтобы он спал с другими. Меня пугала мысль, что Грант встретит другую и влюбится в нее по уши. Впрочем, характер у него слишком суровый, чтобы запросто влюбиться, и к тому же он признался мне, что ему по-прежнему трудно цеплять девчонок. Скорее уж девицы выбирали его, чем он их.

— Только будь осторожен, — предостерегла я его.

— Почему, позволь поинтересоваться?

— Можешь что-нибудь подхватить. Кругом куча болезней, и далеко не аутоиммунных.

— Я болел только тем, чем заразился от тебя. Венеричка — это по твоей части.

— Вообще-то, — парировала я, — теперь я сплю только с тобой.

Я постоянно напоминала ему, что он у меня единственный. По-моему, это мило, даже если технически не совсем верно. Я как раз замышляла очередную измену: мне очень хотелось затащить в койку одного красавчика, который покупал билеты в кассе «The Other Kingdom» каждую неделю. Обычно я не смотрю на посетителей, просто отдаю билет и сдачу. Но этот парень разбросал деньги по всей стойке, и я взглянула на него, пока мы совместными усилиями пытались собрать монеты. При виде его лица у меня внутри все перевернулось: они с Беном из Satin Odyssey были похожи как две капли воды. На мгновение мне показалось, что это и есть Бен, но стоило ему раскрыть рот, как я почувствовала разницу — у парня был сильный северолондонский акцент. Мы перекинулись парой фраз, и я поощрительно улыбнулась ему, вручая билет.

Когда на сцене появились хедлайнеры вечера The Shadow Cabinet, я пошла в зал. Они играли тяжелый рок, и мое внимание привлек их клавишник, которого я заметила еще на том

выпускном вечере, где подцепила Энди из The Elevation. Я оглянулась в поиске того симпатичного посетителя, но его нигде не было, и я, прислонившись к колонне, сосредоточилась на концерте. Клавишник сидел вполоборота ко мне, но его заслоняли колонки. Со своего места я видела только скрытое длинными волосами лицо, правую руку, проворно порхающую по клавишам, и затянутую в бархат правую ногу в модном ботинке, которым он жал на педали. В последнее время я пристрастилась к тянучке с гашишем, которую предпочитала съесть после самого активного наплыва посетителей, чтобы остаток вечера провести слегка под кайфом и послушать концерт. Чтобы насладиться выступлением, мне хватало небольшой порции, после которой я могла спокойно закончить рабочие дела. На третьей песне The Shadow Cabinet я отметила, насколько круто они звучат и как глубоко затягивает их музыка. Все участники группы были по-своему привлекательны, но я не могла отвести глаз именно от клавишника. Поскольку он меня зацепил, мне казалось, что все волшебство исходит от него и что он знает, как на меня действует их музыка. Мне не удавалось разглядеть его лицо, я даже почти не помнила, как он выглядит, поэтому полностью сосредоточилась на его руке. Я прямо-таки влюбилась в эту руку, которая через музыку управляла моим сознанием. Влюбилась настолько, что мне хотелось почувствовать ее прикосновение. Скоро я так глубоко погрузилась в фантазии о встрече с клавишником, что даже забыла о музыке. Я не сомневалась, что он мне понравится, потому что заранее влюбилась в того, кто так круто играет. Меня будоражили не столько сексуальные фантазии, сколько мысль, что этот богоподобный музыкант может стать моим, если я очень захочу. Присмотревшись к его ногам, я заметила, что на нем такие же штаны, как у Джейсона. Потом я перевела взгляд на длинные темные волосы, которые колыхались в такт его движениям, когда он склонялся к клавишам, чтобы сосредоточиться на особенно сложных аккордах. Кисть руки по-прежнему оставалась единственной обнаженной частью тела, доступной моему взгляду, и я снова уставилась на его пальцы, внимая волшебным звукам, которые они извлекали, пронизывая мое сознание. Когда выступление закончилось, я с удивлением поняла, что хочу этого парня. Я не собиралась предпринимать никаких шагов, лишь осознала свое желание. Клавишник меня действительно зацепил.

Развернувшись прочь от сцены, я заметила того самого посетителя, который шел мне навстречу, и решила вернуться с небес на землю. Мы завели разговор, но паренек оказался слишком скромным и скованным, хотя болтал со мной с

удовольствием.

— Ты бываешь в «The Country Club»? — спросил он спустя несколько минут.

— Не часто.

— А куда ты ходишь?

— В смысле? — Я не совсем поняла, что он имел в виду. — Куда я когда хожу?

— Ну, вечерами…

— А, вот ты о чем. Иногда остаюсь дома, а бывает, хожу тусоваться, — неопределенно ответила я, не вдаваясь в подробности. Не люблю пустых разговоров.

— Я имею в виду, в какие клубы ты ходишь?

Раз парень настаивал, я решила дать очень клевый ответ:

— В «The Joint» я хожу флиртовать с музыкантами, в «The Speakeasy» — ужинать, а в «The Revolution» — покрасоваться.

— Не знаю таких мест, — пробормотал он.

— А где же ты бываешь? — спросила я, заранее опасаясь ответа.

Парень просиял:

— Значит, так, по понедельникам я хожу в гости к моему приятелю Питу. По вторникам остаюсь дома и мою голову. По средам я забиваю на все и отправляюсь в «The White Horse», а по четвергам мне нравится в «The Marquee». В пятницу я предпочитаю «Bluesville 69». По субботам прихожу сюда и кайфую, а по воскресеньям посещаю «The Country Club».

Под фразой «забиваю на все» он, видимо, имел в виду употребление колес. Парень улыбался, ожидая, что я начну восхищаться его выбором заведений.

— И что, так каждую неделю? — Меня поразило, что он чуть ли не все свое время убивает в таких местах.

— Ну да, почти каждую… А чем еще заняться?

Если он не знал, то я уж точно не собиралась его просвещать.

— А иногда я остаюсь дома и слушаю свои пластинки Боба Дилана, — добавил он, пытаясь определить мою реакцию на его слова. — Тебе нравится Дилан?

— Да, вполне, — отозвалась я и предложила встретиться позже, потому что сейчас мне нужно кое-что сделать по работе.

Такими темпами мы явно ни к чему не пришли бы, хотя я по-прежнему была не прочь подцепить его, уж очень он был хорошенький, пусть и туповат. Было бы неплохо залезть ему в душу и немного расшевелить его сонное сознание. Глядишь, и вышел бы толк из паренька.

Значительно позже, уже закончив дела, я сидела на краю сцены и болтала с нашим диджеем Денни, и тут снова увидела

этого мальчика, который одиноко слонялся по клубу. Я помахала ему рукой, и он с радостью подошел к нам.

— Я забыла спросить, как тебя зовут, — сказала я.

— Я Норман, — представился он.

— Меня зовут Кэти, — сказала я, — а это Денни.

— Да, я знаю, кто ты, — кивнул Норман и перевел взгляд на Денни. — Я вас обоих знаю.

— Привет, — бросил Денни и, поставив новый хит с Западного побережья, надел наушники и начал пританцовывать.

— Кто завтра играет в «The Country Club»? — спросила я у Нормана.

— Группа The Daredevil.

— Они неплохие, — заметила я. — Пожалуй, я бы сходила.

По законам жанра парень должен был предложить поехать вместе, но он только сказал:

— Я-то в любом случае собираюсь.

— У тебя есть машина?

— Ну да. — Он вроде бы удивился.

— И какая? — Я надеялась на клевую спортивную тачку или что-нибудь вроде того.

— «Кортина», — с гордостью ответил Норман.

— Вот отстой, — разочарованно бросила я.

Паренек, похоже, слегка обиделся:

— Ну а чего, нормально бегает, и места там полным-полно.

— И для чего тебе много места?

— Могу друзей подвозить, например.

— Тогда, может, подвезешь меня завтра вечером в «The Country Club»? — намекнула я.

— Тебя одну? — Он еще больше удивился.

— Да, меня одну.

— А где ты живешь?

— Ланкастер-Гейт, — ответила я.

— А где это?

Ничего себе! Он даже не знает, где находится Ланкастер-Гейт!

— Мимо Марбл-Арч по Бэйсуотер-роуд.

— Ну, Марбл-Арч я знаю, — оживился он.

— А ты сам где обитаешь?

— Мазвелл-Хилл, — ответил он.

Я не ошиблась: он из Северного Лондона.

— Ну так что, подбросишь меня? — продолжала я уговаривать. — А я тебя бесплатно проведу в «The Country Club», я знаю их менеджера.

— Ну еще бы, — с тоской откликнулся Норман. — Ты небось

всех знаешь.

— Тоже мне заслуга — знакомство с менеджером, — отмахнулась я. — Во сколько ты за мной заедешь?

В конце концов я сама назначила время и даже нарисовала карту, как добраться до моего дома от Марбл-Арч.

— А зачем заезжать за тобой так рано? — спросил Норман.

— Тогда мы успеем как следует накуриться.

По лицу парня пробежала тень тревоги.

— Я не курю траву, — сразу предупредил он. — Только трипую иногда и ем колеса.

— А почему?

— Да я просто не могу, мне от курева становится плохо.

— Ничего страшного, у меня есть настойка, можешь попробовать, — сказала я ободряюще.

Как и ожидалось, Норман не слыхал про настойку, и пришлось ему объяснять. Заодно я рассказала, что врач, который выписывал мне рецепты на настойку, стал слишком подозрительным и отказывается мне помогать, поэтому пришлось перейти на тянучку с гашишем.

— А еще я недавно попробовала гашиш в сэндвичах с лососевым паштетом, — поделилась я. — Гашиш гораздо сильнее дает по голове, если сразу проглотить большую порцию, а не курить понемногу.

— Я погляжу, ты большой знаток, — заметил Норман. — Вот бы и мне разобраться. Все крутые ребята знают такие вещи.

— Ничего, — пообещала я, — завтра мы тебя подучим.

Потом Норман сказал, что ему пора возвращаться к друзьям, и исчез.

После его ухода Ленни ткнул меня в бок:

— Что это такое было?

— Я собираюсь его подцепить, — объяснила я.

— Разве он в твоем вкусе? — с сомнением протянул Ленни.

— У меня гибкие вкусы, — сказала я многозначительно.

— Допустим, но мазвеллский малолетка на «колесах», который катает тебя на «кортине»… Без такой радости можно и обойтись.

— Ты забыл, что он еще и не курит, — добавила я.

— Точно, — согласился Ленни, — даже не курит. Как вы вообще найдете общий язык, а?

Ленни считал, что курение травы спасет мир, и уверял, что марихуана — это целебное растение, а вовсе не наркотик.

— А еще его зовут Норман, — продолжала я.

— Вот уж точно одно к одному.

— Наверняка они с дружками устраивают драки со

скинхедами у себя в Мазвелл-Хилле, ну и что с того? Зато ты видел, какое у него лицо? А глаза? Нет, я должна его закадрить, хоть ненадолго.

— Да уж, я тоже обратил внимание на лицо, — согласился Ленни. — Просто с ума сойти!

— А глаза? Ты его глаза видел? — спросила я. — Он тебе никого не напоминает?

— Да вроде нет, — поразмыслив, покачал головой Ленни.

— У него фиалковые глаза! Ни разу такого не встречала. Даже у парня, которого он мне напоминает, были не такие обалденные глаза.

— Ну и что? — возразил Ленни. — У нас в школе учился альбинос, у которого было по семь пальцев на каждой руке.

— Это-то ладно, но фиалковые глаза!

Глава 27

Когда Норман зарулил ко мне тем же вечером, я уже приготовила пузырек и ложку. Я надеялась, что его как следует вставит и он раздумает идти в «Country Club», потому что мне туда совершенно не хотелось. Норман оделся чистенько и опрятно; его шмотки выглядели дешевой имитацией вещей из бутиков подороже. Я заметила, что он очень худой, а мне это нравилось в парнях. В нормальном освещении его фиалковые глаза в обрамлении густых черных ресниц выглядели еще круче, просто не налюбоваться. Я пыталась заставить его принять настойку, но он уперся, ссылаясь на то, что ему будет плохо. Слегка теряя терпение, я проглотила немного сама, чтобы его успокоить.

— Меня унесет? — спросил Норман, начиная сомневаться.

— Если примешь достаточно, башку снесет напрочь, — ответила я и налила ему обычную дозу, столовую ложку.

Он проглотил настойку и закашлялся, страдальчески сморщившись.

— До чего мерзкий вкус, — пожаловался он.

— Ты привыкнешь, а дело того стоит, вот увидишь, — пообещала я.

Мы немного посидели. Норман, похоже, нервничал под моим пристальным взглядом и наконец, не выдержав, отвернулся, оглядывая обстановку комнаты.

— Что-то не так? — пробормотал он.

— Ну и тебя и глаза, — вздохнула я.

— А что с ними не так? — Парень переполошился не на шутку.

— Ты хоть знаешь, какие у тебя прекрасные глаза? Норман смущенно усмехнулся:

— Издеваешься.

Я без улыбки посмотрела ему в лицо:

— У тебя самые красивые глаза на свете.

— Что? — Он нервно хихикнул.

— А еще у тебя самое красивое лицо, — продолжала я. — Не говори глупостей.

— Нет, правда! — настаивала я, наслаждаясь его смущением. — Я в самом деле так думаю.

Он помолчал, а потом начал сворачивать самокрутку. — Это косяк? — с надеждой спросила я.

— Конечно нет, просто самокрутка.

— Из чего?

— Из обычного табака. Так можно неплохо сэкономить. Он прикурил и начал разглагольствовать о своей любимой музыке. Вскоре я заскучала и перебила его:

— А ты когда-нибудь слушал соул под кайфом?

— Я не бываю под кайфом.

— Что ж, через минуту будешь.

— Пока я ничего не чувствую.

— Скоро накроет, — заверила я.

Норман встал и начал поправлять перед зеркалом свои темные волосы.

— Прости, не было времени уложить их, — сказал он. Я ответила, что так даже лучше.

— Но классная укладка — это круто! — возразил он. — Взгляни на себя.

— Нет у меня никакой укладки, — раздраженно ответила я. — Кудри сами вьются. Пышные начесы давно вышли из моды.

Ха, если он считает оригинальной мою нынешнюю прическу, поглядел бы на меня год назад.

— Я подумываю сделать перманент, чтобы волосы лежали пышнее.

— Не вздумай, — предупредила я. — Это вчерашний день!

Норман насупился:

— Тогда сама скажи, что мне с ними сделать. Ты ведь знаешь, что нынче в моде.

Я подошла к нему и пробежалась пальцами по шевелюре. Он чуть отпрянул.

— Отпусти их еще чуть-чуть, и будет как надо, — велела я.

Вернувшись на кровать, я устроилась поближе к нему, и теперь мы сидели бок о бок, спиной к стене. Норман почувствовал, что наши руки соприкоснулись, и осторожно отодвинулся.

— Ничего не происходит, — пожаловался он.

— Происходит, но ты пока не осознаешь, — объяснила я.

— Так ведь я ничего не чувствую.

— Что ж, меня уже накрыло, так что и до тебя доберется, — утешила я. Приход и правда был совсем слабым, но я и приняла меньше.

— Ты умеешь различить приход, — вздохнул он, — а я нет. Меня цепляет только кислота.

— И что она тебе дает? — поинтересовалась я.

— Мне нравятся трипы. Под кислотой я чувствую себя счастливым.

— И только-то?

Норман уставился на меня:

— Что ты имеешь в виду?

— У тебя не бывает галлюцинаций или ощущения выхода из тела? — Я знала, что на такую приманку Норман клюнет, и он клюнул:

— А что такое выход из тела?

Я начала подробно описывать трип, который случился у меня в парке два года назад, летом, когда душа вылетела из тела и слилась с небом и землей. Я словно вселилась в траву и цветы, стала единым целым с природой.

— Ух ты, у меня такого никогда не было, — завистливо заметил Норман. — Вообще ни разу не срывало башню.

Господи, подумала я и аккуратно сменила тему. Еще не хватало учить его, что представляет собой психоделический опыт. Пусть читает Тимоти Лири. Он как раз для таких и пишет.

Я спросила, кем он работает, однако Норман не пожелал ответить.

— Ты будешь смеяться надо мной, потому что ты крутая и работа у тебя крутая, — объяснил он. — А моя работа покажется тебе дурацкой.

Я пообещала не смеяться, и он решился:

— Ладно, если хочешь знать… я почтальон.

— Да быть не может, — расхохоталась я.

— Ты же обещала не смеяться! — насупился Норман.

— Прости.

— Не могут же все работать в таком классном месте, как ты.

— В моей работе ничего особенного, — возразила я.

Он по-прежнему злился из-за моей реакции, и я решила немного его подбодрить:

— Найти работу в «The Kingdom» может любой.

— Только не я, — вздохнул он. — В такие места берут только крутых.

— А тебе хотелось бы туда попасть? — спросила я.

Норман, не веря, возбужденно вытаращил глаза:

— Ты устроишь меня в «The Kingdom»?

— Может быть, — ответила я, и он засмеялся от счастья.

— Вот теперь ты точно сорвала мне башню! — Он ликующе потер руки.

Я знала, что запросто сумею пристроить его в клубе; вопрос был в другом: хочется ли мне идти до конца. Я пока не была уверена, что Норман того стоит. Тут он начал ныть, что ему плохо и голова кружится. Я велела ему прилечь и пообещала, что скоро станет лучше. Он без конца извинялся, что стал для меня обузой. Да, он стал обузой, но обузой прекрасной, и это все меняло. Норман улегся на кровать лицом вниз, а я включила телевизор и

смотрела его до посинения, но паренек продолжал спать, не подавая признаков жизни. Наконец терпение у меня лопнуло. Надо что-то делать, даже если делать придется мне самой. Я потрясла Нормана за плечи, и он внезапно очнулся.

— Который час? — спросил он.

— Как ты себя чувствуешь?

Он покачал головой:

— Лучше бы ты не заставляла меня пить настойку. Компания из меня сейчас никакая.

— Ничего страшного, — успокоила я его, — для «Country Club» все равно уже поздновато.

— Правда? — Он посмотрел на часы. — Точно, ты права. Извини. Лучше я пойду.

Но я не собиралась его отпускать. Нагнал скуки, да еще и заснул — теперь не отвертится, пока не займется со мной сексом.

— Не уходи, — попросила я. — Можешь поспать здесь.

Норман смутился:

— Нет, я не могу. Я вовсе не за этим пришел, ты не думай.

Да что за ерунда? Может, он вообще девственник?

— Ты девственник? — прямо спросила я.

Он смутился еще больше:

— Нет, конечно нет. Но дело совсем не в этом. Я зашел, чтобы пообщаться с тобой, а не просто переспать. Не надо так обо мне думать.

— И ты совсем не хотел со мной переспать? — спросила я.

— Ну нельзя же укладывать девчонку в постель на первом свидании.

— А почему нет?

Он совсем запутался:

— По крайней мере, с тобой так нельзя. Ведь ты такая классная и все такое, а я нет. Дело в тебе. Тебе самой не захочется спать со мной.

— А ты попробуй предложить.

— И пытаться не буду. Уверен, ты просто рассмеешься мне в лицо. Я видел, с кем ты гуляешь в «The Kingdom», я им в подметки не гожусь. На простых клиентов ты смотришь свысока, а с важными людьми разговариваешь совсем по-другому.

Я попыталась подстегнуть его воображение:

— А почему же я, по-твоему, не пригласила сегодня кого-нибудь из своих важных друзей?

— Не знаю, — растерялся он, и я ему поверила.

— Ты мне понравился, и я хочу с тобой переспать, — объяснила я. — Все очень просто.

Вообще-то мне не слишком нравится говорить подобные

вещи, но с Норманом, похоже, другого пути не было.

— Не понимаю почему, — пробормотал он.

— Ну, начнем с того, что у тебя фиалковые глаза.

Он обиделся и начал ворчать, что мне нравятся в нем только глаза. Я возразила, что он ошибается, и придвинулась к нему почти вплотную. Не утерпев, он наклонился и начал неумело меня целовать. Дела пошли на лад, но тут он внезапно встрепенулся и заявил, что не может так поступить, иначе я плохо о нем подумаю. Поднявшись, он снова застегнул все пуговицы на рубашке, которые я успела расстегнуть. Терпение у меня было на исходе. Я хотела его, но не собиралась тратить всю ночь на уговоры. Встав с кровати, я полностью разделась и заявила:

— Я иду в постель. Ты со мной или нет?

Норман по-прежнему колебался, и тогда я обняла его, после чего он наконец-то согласился уступить.

— Не смотри, — попросил он, снимая рубашку.

— Почему?

— Я слишком худой.

— Чушь, — заявила я. — Мне нравятся худые.

Улегшись на спину, я подглядывала за ним через полузакрытые глаза, притворяясь, что не смотрю. Он действительно был очень худенький. Наконец Норман лег в кровать рядом со мной. Мне было приятно смотреть на его потрясающее лицо, особенно сейчас, когда он замолчал. Я пробежалась рукой у него по животу, но он отпрянул, заявив, что боится щекотки. Не медля ни секунды, я наклонилась, нащупала член и начала нежно сжимать его. Но через несколько секунд Норман отстранил мою руку, предупредив, что он кончит, если я не перестану, и тогда я взяла его ладонь и приложила себе к низу живота. Его пальцы начали осторожно двигаться вверх-вниз, и я быстро возбудилась.

— Ты готова? — прошептал он.

Я кивнула с закрытыми глазами.

Его кости больно впивались в мои бедра. Кончил он очень быстро, долго и жадно глотал воздух, а после начал страстно целовать меня. Несколько минут спустя мы начали снова. На этот раз все продолжалось дольше, хотя поза осталась прежней. Затем наши тела разделились, и я сделала ему минет. Он чуть не сошел с ума от наслаждения и, видимо, совершенно вымотался, потому что почти сразу уснул. Теперь, когда все было кончено, я лежала рядом с Норманом, разглядывая его лицо, и думала, что больше не буду спать с ним. Он наверняка оскорбится, назовет меня распутной, но так будет лучше. Он наверняка наскучит мне, как только я привыкну к его фиалковым глазам. Правильнее мягко

оттолкнуть паренька.

На следующий день я переговорила с Джейсоном и устроила Нормана швейцаром на выходные. В этой работе не было ничего особенного — следить, чтобы никто не заходил без билета, — но, по меркам Нормана, она была дико крутой. По крайней мере, так он мне сказал, когда я ему позвонила с известием. Он был в восторге от моего авторитета и без конца повторял, какая я крутая. Знал бы он, какова я на самом деле.

* * *

Тео собрался лететь в Штаты и позвонил мне, чтобы я проводила его до аэропорта.

— А это обязательно? — с неудовольствием спросила я. — Может, возьмешь кого-нибудь из тех новых друзей, которых ты нанял?

Мне и правда не хотелось ехать. Тео заявил, что вышвырнул из жизни всех друзей, кроме своего шофера. Как он объяснил, они его раздражали.

— Дело лишь в том, что я боюсь летать, и мне нужен человек, с которым можно поговорить перед вылетом.

— А как же шофер? — спросила я. — Ты можешь сказать ему все, что хочешь, разве нет?

— Не могу! — раздраженно ответил Тео. — Он меня не слушает.

— Вообще-то мне слегка некогда, — протянула я.

— Если не хочешь, то это другое дело, — обиделся Тео. — Я тебя не заставляю.

— Ладно, — сказала я. — Не могу же я отпускать тебя в растрепанных чувствах. Когда нужно быть у тебя?

— Сейчас, — буркнул он, все еще немного обиженно.

Итак, я поехала к Тео. Он вытащил из шкафов столько вещей, что хоть устраивай показ мод. Мне пришлось разбираться и с этим. Я уговорила его бросить восемьдесят процентов одежды и упаковала остальное. Тео уезжал всего на две недели. Он заставил меня проверить и перепроверить его коробку с таблетками, убедившись, что на каждый возможный случай там присутствуют нужные таблетки в правильных пропорциях.

— Понимаешь, — объяснял он, — мне необходимо очень крепко стоять на ногах в ментальном смысле, поэтому проверь аптечку еще раз, ладно?

Я дала ему немного транквилизаторов, хотя он их уже принял. Когда вкатила вторая порция, Тео совсем размяк. Вскоре

мы были готовы к отъезду и позвонили Робину, на статус шофера которого указывала лишь фуражка — сам он был одет в грязную джинсу. Я велела ему занести сумки в машину. Робин весьма неприветливо и без единого слова подхватил чемоданы и зашагал наружу с извечно мрачным видом.

Мы с Тео вальяжно разместились на заднем сиденье «бентли», за рулем которого сидел молчаливый Робин, и выехали. Из стереоколонок в задней части машины гремели звуки ситара, и мы плыли в огромном автомобиле, точно на дурацком лайнере. Тео разложил столик для пикника и принялся крутить косяки.

— Надо израсходовать весь гашиш, пока я не вошел в самолет, — пояснил он.

— Но нас же не задержат, так ведь?

Он сделал кучу самокруток, но гашиш никак не кончался.

— Почему же ты не оставил его дома? — спросила я.

— Кому? Этим червям?

— Никого у тебя там нет, Теодор, ты их всех вышвырнул, помнишь?

— Да, но они все еще рядом, разве ты не видишь? Они точно мыши — пролезают ко мне в дом и грызут мои вещи. Стоит только отвлечься, они грызут мою травку.

— Но у тебя остался только Робин, — вновь напомнила я.

Тео выложил перед собой косяки, приговаривая:

— Я ничего ему не оставлю. Он спер у меня усилки, пока я сидел на «скорости». — Он наклонился вперед и заорал: — И чтобы никаких тусовок с твоими грязными дружками, пока меня не будет! Ты меня понял?

В ответ донеслось только утробное бормотание Робина. Я спросила Тео, как успехи со сценарием. В последний раз, когда мы виделись, он ждал ответа со студии.

— Его приняли? — спросила я.

— Случилось кое-что получше, — заявил Тео.

Мне стало любопытно, что же могло такого случиться. Когда киностудия соглашается работать со сценарием полнометражного фильма, написанного молодым автором, то куда уж лучше.

— Рассказывай, — потребовала я.

— Они передали мне права. Я буду заниматься фильмом после возвращения из Америки.

Я достаточно хорошо знала Тео, чтобы понимать, чем это грозит. Он никогда не забрасывал проекты и не отказывался от них. Когда у него ничего не получалось, Тео мысленно перекладывал неудавшийся проект в ячейку зависших идей. Значит, все эти недели на «скорости», агония доработок и переделок, вся эта суматоха прошли впустую. Впрочем, ему

хорошо платили.

— Что именно ты будешь делать в Америке, Тео? — поинтересовалась я, когда он передал мне первый косяк и начал прикуривать следующий.

— Я еду туда, чтобы оборудовать свою подлодку. А потом направлю предложение во все студии и посмотрю, кто даст мне лучшие условия. Они наверняка захотят воспользоваться субмариной.

Я надеялась, что так и будет. Мне представилась нерадостная картина, как Тео носится со своим проектом по голливудским студиям, подстегиваемый таблетками, собственным эго и мифической репутацией. Тео докурил первый косяк; оставалось еще три. Он сунул руку в карман и извлек оттуда маленькую бутылочку с таблетками, о которых я и не подозревала.

— Запасные «мэнди», — пояснил он и забросил в рот две пилюли. — Во время полета я чувствую себя ужасно, и приходится принимать снотворное, чтобы вырубиться. Эти подействуют прямо перед взлетом.

Я лишь надеялась, что он не заснет еще до посадки.

— С этим проектом, Кэти, пан или пропал, — продолжал Тео. — Я потратил все свои бабки и даже влез в долги, чтобы устроить дело с подводной лодкой. Да… пан или пропал, — повторил он и, затянувшись несколько раз третьим косяком, в изнеможении откинулся на спину.

По прибытии в аэропорт мы с Робином кое-как вытащили Тео из машины и проводили в зал вылета. Я продолжала говорить с ним, чтобы он не заснул, но тут Робин исчез в туалете, и я со злостью подумала, что он сбежал, чтобы вмазаться. Тео удалось заказать себе двойной виски, и он сидел, вертя бокал в руках и кренясь то в одну сторону, то в другую. Я надеялась, что люди не сочтут его пьяным, и спросила как он себя чувствует. На Тео накатил наркотический ужас перед вылетом. Когда я сообщила, что уже пора идти, он внезапно вскочил со стула и перемахнул через низкий кофейный столик. Он нелепо топтался посреди зала ожидания, не понимая, что происходит, в то время как люди с изумлением таращились на него. Виски расплескался, когда Тео подпрыгнул, и теперь он изумленно глядел в пустой стакан.

— В чем дело? — возмутился он, возвращаясь на стул, и велел взять ему новую порцию.

К счастью, объявили его рейс и времени уже не было. Пока Тео снова не задремал, я подняла его на ноги и начала искать Робина. Большой чемодан уже прошел через таможню, так что я взяла кейс и потащила Тео к выходу на посадку.

— Пока, Кэти, — промямлил Тео и зигзагами поплелся за

остальными пассажирами.

Я нашла Робина за рулем «бентли» и отчитала за отсутствие помощи, после чего мы ехали молча. В машине я выкурила еще два косяка, потому что Робин их не заслужил. Когда он довез меня до дому, я предупредила, что по поручению Тео буду время от времени заходить и проверять обстановку. Робин одарил меня хитрым взглядом и сказал, что справится и без меня, но я объявила, что хочу сама удостовериться, хотя даже не думала исполнять свою угрозу. Мне не хотелось тратить время на то, чтобы следить, как идут дела Тео в его отсутствие. Я просто собиралась позлить Робина, потому что он мне не нравился.

Глава 28

Есть вещи, которые я считаю принципиально неприемлемыми. Одна из них — приходить в гости без предварительного звонка. И когда Норман завел такую привычку, я поняла, что нужно действовать, причем как можно быстрее. Я решила исчезнуть на неделю без предупреждения, надеясь таким образом немного остудить пыл парня. Объясняться с ним мне совершенно не хотелось. Я позвонила Гранту и спросила, можно ли некоторое время перекантоваться у него. Разумеется, он мог и отказать, но на такой случай у меня оставались и другие приятели. А для начала мне очень хотелось узнать, что скажет Грант. Ведь я никогда его ни о чем не просила, обычно все было наоборот. А еще больше меня привлекала возможность пожить с ним и узнать, каково это. К тому же мне казалось, что наши отношения перешли от стычек к новому этапу мирного сосуществования. С недавних пор мы начали значительно лучше понимать друг друга. Изложив свою просьбу, я была приятно удивлена готовностью Гранта помочь.

— Думаю, ты можешь остановиться у меня, — сказал он. — Надолго?

— Я не пытаюсь к тебе переехать, — поспешила я успокоить его. — Это всего лишь на несколько дней… Мне надо спрятаться от одного человека.

— Я же тебе говорил! — самодовольно заорал Грант в трубку. — Говорил, что рано или поздно ты вляпаешься, верно? И вот ты уже бежишь просить у меня помощи.

— Ладно, я поняла, и если тебе сложно, то забудь, вопрос снят, — бросила я. Не стоило давать ему повод думать, будто я завишу от него.

— Да ладно, все нормально, — великодушно заявил Грант, неожиданно сменив тон. — Ты мне не помешаешь. К тому же сегодня я не ночую дома.

— А где ты будешь?

— Придется спать в офисе. Роланд Джонс будет звонить из Америки по поводу концертов в Штатах.

Что?! Relation едут в Америку?

— А я не знала, что ребята собираются в Штаты, — сказала я.

— Ну разумеется, ты не знала, — ухмыльнулся Грант. — Никто не знает, это пока огромный секрет.

— А ты поедешь с ними?

— Не задавай лишних вопросов. Я все тебе расскажу, когда придет время.

— Ладно, — сдалась я. — Спасибо большое, что позволил у тебя остановиться!

— Да не вопрос, — беззаботно откликнулся Грант.

Значит, Relation отправляются в Америку. Главное — об этом не думать, приказала я себе, не то погружусь в пучины депрессии, как всегда бывает, когда мои близкие друзья бросают меня. Я постаралась прогнать все мысли об отъезде Relation, но настроение все равно было хуже некуда. Теперь я уже сомневалась, что сумею легко распрощаться с Норманом, как планировала изначально. Пока я собиралась, зазвонил телефон. Это был один из друзей Нормана:

— А Норм у тебя? — спросил он мерзким голосом.

— Нет! — рявкнула я и бросила трубку.

Вот так имечко. Норм! Тут во входную дверь постучали, и появился Норм собственной персоной, нарушив непреложное правило не являться без звонка.

— А, привет, — протянула я нарочито скучным голосом. — Боюсь, мне уже пора убегать.

— Можно тебя подождать здесь? — спросил он после небольшого молчания.

— Нет, — ответила я. — Я не вернусь ни сегодня, ни завтра, ни вообще в ближайшее время.

От его печального взгляда мне стало неуютно.

— Ты ведь меня не любишь, да? — глухо произнес Норман, уставившись в пол.

— О таких вещах не спрашивают, — заметила я.

Наступила гнетущая тишина. Норман молча наблюдал за тем, как я собираю дорожную сумку.

— Я так и знал. Ты просто использовала меня! — Его внезапно прорвало.

Вообще-то он был не совсем прав, но спорить мне не хотелось.

— Так и есть, — сказала я, пытаясь вспомнить, какие еще вещи нужно прихватить с собой.

— Ты вообще не клевая! Ты жестокая!

Я посмотрела прямо в эти прекрасные фиалковые глаза, которые теперь совершенно меня не волновали.

— Неужели? — спросила я. — Ну ладно, если я жестокая, тогда зачем ты вообще за мной таскаешься? Лучше оставь меня в покое.

— Ты думаешь, будто все знаешь, — произнес он с вызовом. — Будто во всем разбираешься! Но я тебя раскусил. За тобой все бегают, потому что ты красивая и умеешь уболтать любого, но внутри у тебя пустота. Тебе нечего дать людям.

А вот и ошибаешься, подумала, продолжая швырять в сумку всякую ерунду.

— Иногда я ничего не даю, а иногда даю все. Зависит от человека, — заметила я спокойно.

Норман с горечью посмотрел на меня:

— Я думал, ты дашь мне хоть что-нибудь, но я, видимо, недостаточно хорош для тебя. Я любил тебя, а ты меня обманула.

— Это будет хорошим уроком, — сказала я, надевая пальто. — Тебе полезно.

— Мы еще увидимся? — спросил он.

— Нет, — отрезала я. — И тебе уже пора, мне надо закрыть дверь.

— Я тебе вообще не нравился? — настаивал он.

— Глаза у тебя потрясающие, — признала я после недолгих раздумий, мечтая его спровадить.

— Глаза тут вообще ни при чем! — выкрикнул он и ринулся вниз по лестнице.

Я подождала немного, чтобы убедиться в его уходе, а потом слиняла и сама. На душе было противно.

* * *

Билл впустил меня в дом и сообщил, что Грант предупредил о моем приходе. Все, кроме Гранта и Джо, сидели у гитариста в комнате и смотрели его новый телевизор. Сам Джо явился гораздо позже и рассказал, что ужинал в Белгравии в роскошной квартире у какой-то миллионерши, которая просит его переехать к ней. Пока он хвастался, остальные куда-то испарились, и я осталась с ним наедине. Постаравшись срочно сменить тему, я спросила, что за поездка в Америку им предстоит. Они действительно собрались за океан, признал Джон, но многое зависит от звонка, которого так ждал Грант. В Америке им предстоят великие свершения, и я не сомневалась, что они сумеют там прославиться, ведь у них было все, что нужно. А если становишься известным в Штатах, то в родных краях автоматически зарабатываешь звездную репутацию, поэтому у Джо были все основания начинать зазнаваться. По возвращении он мечтал переехать в огромную квартиру в Белгравии: повсюду ковры, приглушенный свет и дорогая мебель. Туда он без тени стыда смог бы приглашать своих новых клевых друзей — не то что сюда, в их общий дом, где ему приходилось мириться с мерзкими привычками остальных участников группы. На данный момент жилье его полностью устраивало, но все сильно

изменится, когда они вернутся. В квартире его мечты кровати должны выезжать из специальных ниш в стене, ванны будут из плексигласа, а в прозрачных бачках унитаза будут плескаться золотые рыбки.

— Но такие квартиры стоят больших денег, — резонно заметила я.

— Ну да, я в курсе, — кивнул Джо. — Именно поэтому я и подумываю до отъезда перебраться к той девице в ее шикарную хату. Пусть она за все платит, а я буду купаться в роскоши и ничего не делать. Единственная загвоздка в том, что мне придется постоянно с ней спать, а для меня это чересчур.

Мне подумалось, что он совсем не изменился.

— Прекрасный план, — сказала я, хотя на самом деле мне давно наскучили амбициозные фантазии Джо.

Все хотят жить в роскошных квартирах, но не говорят об этом, если не готовы подкрепить слово делом. Я тоже мечтала переехать в какое-нибудь клевое место с классными соседями и надеялась однажды осуществить свою мечту. А пока мне хватало денег на временное пристанище получше нынешней берлоги в Бэйсуотере. Я собиралась переехать в ближайшее время и уже начала присматривать приличное местечко где-нибудь в Челси.

— Если я разбогатею после поездки в Штаты и куплю огромную квартиру, будешь жить со мной? — спросил Джо внезапно.

— С чего это вдруг? — Я немало удивилась.

— Ну, мы вроде как неплохо ладим, ты не достаешь меня ревностью и могла бы заботиться обо мне… ну и в постели ты просто класс!

С ума сойти, подумала я. Просто рай для группи. Идеальное сожительство со звездой. Сама по себе идея мне нравилась, но отношения с Джо совершенно не входили в мои планы.

— Посмотрим, когда ты станешь богатым и знаменитым, — уклончиво ответила я.

— Что это значит? — Джо посмотрел на меня с удивлением.

— Это значит, что у меня не очень-то получается представить нашу совместную жизнь.

— Почему? Неужели я тебе не нравлюсь?

— Уже не нравишься.

— Но тебе же нравится, что я играю в группе, — возразил он. — И еще больше понравится, когда стану звездой.

— Да мне уже все равно. К тому же всегда найдутся звезды покрупнее, — добавила я.

— Думаю, ты многое потеряешь, — разочарованно заметил Джо.

— Посмотрим, — ответила я.

Джо немного подумал, а потом озадаченно уставился на меня:

— И что, я тебя больше не возбуждаю?

— Говорю же, теперь нет.

Повисло недолгое молчание.

— А что ты в таком случае здесь делаешь? — наконец спросил он.

— Я на несколько дней остановилась в комнате Гранта.

— А он сам дома?

— Нет, он в офисе, ждет того самого звонка, после которого ты должен стать богатым и знаменитым.

— Ах да, точно, — рассеянно кивнул он. — А почему ты переехала к нему?

— Потому что в данный момент не хочу быть у себя.

— Проблемы с очередным ухажером? — ухмыльнулся Джо.

— Ничего серьезного.

— Все еще трахаешься с Грантом? — спросил он, подмигнув.

— Если ты намерен переехать в Белгравию, пора избавляться от таких словечек.

Джо проигнорировал мое замечание:

— Что ты в нем нашла?

— В Гранте?

— Да. Я слышал, как он с тобой разговаривает, и не понимаю, почему ты такое терпишь.

— Ты же и сам прекрасно знаешь, что мне нравится, когда мне грубят, — примирительно улыбнулась я. — И ему это удается просто прекрасно.

— Он все время с тобой так себя ведет?

— Вообще-то нет. Он очень изменился в последнее время.

— И в чем же?

— Ну, мы достигли некоторого уровня взаимопонимания, и нам уже не нужно играть в разные глупые игры. Ему удалось немного изменить меня, и теперь ему со мной комфортно. Мы знаем многое друг о друге, но, к счастью, далеко не все — именно поэтому нам по-прежнему интересно вместе.

— Значит, он любит всякие игры? — Джо был явно заинтригован.

— О да, и причем неглупые.

— А он говорит тебе что-нибудь приятное? Например, что любит тебя?

— Чего? — Я рассмеялась ему в лицо. Неужели он думает, что Грант наедине со мной превращается в слюнтяя? — Грант и признания в любви — вещи несовместимые.

— Даже в постели?

— Мы много о чем говорим в постели, но не во время секса, если ты об этом. Он вообще самый молчаливый любовник из всех, что я встречала.

— И каков он в сексе? — Глаза у Джо загорелись.

— Весьма хорош.

— Правда?

— Да, очень хорош.

— Лучше меня?

— Да, — признала я. — Тебе стоило бы у него поучиться.

— Чему это? — обиженно поинтересовался Джо.

— Во-первых, у него гораздо лучше работает воображение, — начала я не без удовольствия. Говорить об этом было легко и приятно, потомучто не приходилось врать. — И он отлично разбирается в таких вещах.

— В каких?

— Ну, он знает правильные позы и всякие премудрости. Он очень активен, но при этом умеет быть нежным. Он всегда чувствует, как надо себя вести в каждый конкретный момент. Такое ощущение, что он точно знает, как доставить мне удовольствие, но не забывает и о себе. Он не из тех накуренных зомби, которым без разницы, что происходит в постели, лишь бы хоть что-то происходило. Такие вещи очень важны, понимаешь, Джо? Ты сам однажды сказал: не важно, что делает или не делает партнерша во время секса, важнее то, как она это делает. То же самое и с парнями: они должны не просто трахнуть девчонку, а трахнуть правильно, иначе вся эта суета не имеет никакого смысла.

— Ты намекаешь на меня? — напрягся Джо.

— Да, в некотором роде, — кивнула я.

— Я просто очень прямолинеен в постели, — начал он оправдываться.

— Нет, ты ленивый, — заявила я.

— Тогда рассказывай, что за позы и прочие премудрости использует Грант, — потребовал он.

— Ты действительно хочешь знать?

— Конечно.

— Смотри, обычно мы начинает вот с этого. — И я прилегла на кровать Джо, чтобы дать ему мастер-класс. — Потом переходим к следующей фазе, — я подняла обе ноги, — а дальше я ложусь на живот. — Я перевернулась. — А иногда мы трахаемся сидя, — и я села на кровати, расставив ноги. — Потом он иногда меня лижет, а заканчиваем мы почти всегда вот так, — я снова улеглась, на сей раз на бок, — или вот так, — я выгнула спину. —

Хотя чаще всего я просто сосу ему напоследок.

Джо смотрел на мои движения с возрастающим изумлением.

— Я бы никогда до такого не додумался, — признался он. — И вообще мне стало бы лень.

— Ну вот видишь, ты лентяй, как я и говорила.

— Думаешь, стоит поработать над разнообразием? — с тревогой спросил он.

— Да, определенно, — заявила я. — А еще обзаведись кроватью пошире.

— Ну мы же вроде как-то справлялись.

— Еле-еле.

Джо на мгновение задумался, а потом придвинулся ко мне с уверенным видом.

— Слушай, — сказал он и взял меня за руку, — ты теперь в этом всем разбираешься. Может, покажешь мне трюки Гранта? Никогда не думал, что в его комнате творятся такие чудеса.

Я отдернула руку и произнесла твердо:

— Нет, Джо, мне это совсем не интересно. У тебя был шанс, ты его упустил. Теперь уже поздно что-то менять.

— Но я ничего не знал, я даже не думал, что можно как-то иначе.

— Купи себе Камасутру или что-нибудь в этом духе, — предложила я.

— Да ладно тебе! — начал уговаривать Джо. — Я не скажу Гранту, честно-честно.

— Однажды он уже узнал о наших с тобой похождениях, и не без с твоей помощи. Ты же хотел испортить наши отношения, — напомнила я, но промолчала о том, что и сама тогда намеренно взбаламутила воду.

— Но тот раз — совсем другое дело.

— Вот именно. И главное отличие в том, что в этот раз точно ничего не будет.

— Я думал, ты мне друг… — протянул Джо, не на шутку уязвленный.

— Я и есть друг, — подтвердила я, не понимая, при чем тут вообще дружба.

— Слушай, ты же мне очень нравишься, правда. С тобой я могу быть по-настоящему откровенным и ничего не бояться… Почему ты не хочешь мне все это показать? Ведь Гранта даже нет дома.

— Я тебе уже все показала, разве нет? И вовсе не обязательно теперь тренироваться на мне. Найди себе какую-нибудь девицу и опробуй новые знания на ней. Можешь поупражняться с этой своей цацой из Белгравии. — Я встала и направилась к двери.

Джо в недоумении смотрел на меня, все еще не веря, что я говорю серьезно.

— Куда ты?

— Спать.

— Но ведь Гранта нет дома, — снова повторил он. — Сегодня он не вернется. Ты же не хочешь спать одна?

— Именно этого я и хочу, — заявила я. — Доброй ночи. — И я оставила Джо наедине с его воображением.

Глава 29

На следующий вечер я вернулась раньше Гранта и не знала, в котором часу его ждать и ждать ли вообще. Я устроилась почитать в его комнате, и вдруг он с шумом ввалился туда, яростно швырнул на кровать свой чемоданчик и принялся брызгать повсюду освежителем воздуха.

— Привет, — сказала я.

— Хм-м-м, — промычал он, уселся на матрас и начал перебирать билеты футбольного тотализатора. Затем вытащил пикантный журнальчик и с одобрительным хрюканьем стал разглядывать снимки полуголых девиц. — Какая миленькая, — повторял он, листая страницы, а потом повернулся ко мне: — Еда есть?

— Есть кое-что.

— Хорошо. Я буду бутер с колбасой и йогурт.

Я довольно неплохо изучила его пищевые пристрастия, поэтому подготовилась заранее и купила нужные продукты.

— Так-то лучше, — сказал он, прикончив сэндвич. — Ты получаешь одну золотую звезду.

— О, спасибо тебе огромное, Грант, — улыбнулась я.

— Так, не паясничай!

— Что ты, Грант! — Я смиренно потупилась.

Он испытующе глянул на меня:

— Ты вчера спала здесь?

— Ну да, ты ведь разрешил, нет?

— Знаю, что разрешил… Просто подумал — мало ли, ты спала с Джо, вот и все.

— Нет, ничего такого не было. Ты же мог вернуться.

Кажется, он впервые упомянул мой секс с Джо.

— Я предупредил, что буду ждать звонка из Америки, и тебя ничего не останавливало.

— Кроме одного: я совершенно не хочу с ним спать… Больше не хочу, — добавила я. — И раз уж мы заговорили о Джо, то заодно скажу: я вовсе не хотела, чтобы ты узнал о прошлом разе.

— Ой, не надо молоть чепуху, — бросил он. — Ты, конечно, очень хитрая, но я вижу тебя насквозь.

— Тогда тебе должно быть очевидно, что меня интересуешь только ты, — лукаво заметила я. — Ну а кроме того, ты же сам говорил, что тебе все равно, с кем и чем я занимаюсь, поскольку я всегда возвращаюсь именно к тебе.

— Ну да, я знаю, что ты никуда не денешься, — сказал Грант уверенно. — Но в тот раз с Джо ты все же немного перегнула

палку, согласись.

— Да почему же, если тебе наплевать?

— Меня взбесило, что он снова смог тебя затащить в койку. Теперь Джо еще больше возомнил о себе и с ним совершенно невозможно разговаривать, поскольку он вечно пытался всем что-то доказать, хотя мне по барабану.

— Прости, — сказала я. — Я не знала, что все так обернется.

— Да я не сержусь, — ответил Грант. — Просто впредь так не делай.

— Конечно, не буду, — подтвердила я и на миг задумалась. Пока Грант разоткровенничался, надо брать его тепленьким. — А скажи-ка мне, Грант, если тебе на все наплевать, почему ты до сих пор со мной встречаешься?

— Ну, — задумался он, — твое настойчивое желание быть со мной греет мое самолюбие. Если бы не твоя настойчивость, мы бы уже давно разбежались. Меня устраивают такие отношения: ты меня развлекаешь, слушаешься меня, не бесишь. Но на этом все: больше ты от меня комплиментов не добьешься, моя девочка.

А я большего и не хотела. Жаль, конечно, что пришлось переспать с Джо, чтобы разобраться в отношениях с Грантом, но зато теперь все более-менее прояснилось. У нас все было в порядке, и я не могла не радоваться.

Потом я рассказала о своем вчерашнем разговоре с Джо, и Грант чуть не лопнул от самодовольства, когда я пересказывала свою реплику о том, что он гораздо лучше Джо в постели.

— А он что? — спросил Грант.

— Попросил, чтобы я показала, как мы с тобой это делаем, — сказала я.

— И ты показала?

— Ну, я продемонстрировала на кровати парочку поз, поясняя свои телодвижения, но он вознамерился со мной их опробовать. Заявил, что хочет изучить твою технику.

— Никто не сможет изучить мою технику. Любая девушка, которая хоть раз со мной переспала, мечтает выйти за меня замуж.

— Правда? — Раньше я об этом не задумывалась.

— Точно тебе говорю. Ты бы выскочила на меня как миленькая, если бы я предложил. Вот только предлагать никто не собирается.

Мысль Гранта о замужестве показалась мне очень странной, я даже примерно не могла себе такого представить.

— Ну ладно, а дальше-то что было? — спросил он.

— Я заявила, что ничего не хочу, и пошла в твою комнату спать.

— Ну и отлично, — сказал Грант, сразу потеряв интерес к моему рассказу.

— Джо говорит, что собирается жить в роскошной квартире в Белгравии, — доложила я.

— Ага, пусть погреет свое эго. А ты знала, что Уайетт съезжает?

— И куда он переберется? — спросила я.

— Куда-то в Северный Лондон. Вообще-то я и сам давно хочу свалить отсюда. Мне сложно работать и жить с этими ребятами. Кроме того, мне нужна комната побольше, чтобы впечатлять девчонок.

— Я тоже скоро переезжаю, — сказала я.

— Тогда давай объединимся, — выпалил он. — Найди хорошую квартиру, будем снимать ее вместе. Но помни: отдельные спальни, мы не съезжаемся.

— Отлично, — кивнула я. Меня не привлекала идея жить одной семьей. Конечно, Грант мне очень нравился, но я не собиралась хранить ему верность, да и вообще не хотела меняться даже ради него. А вот делить квартиру и обитать рядом — заманчивая идея.

— Хорошо, — заключил он, — договорились. Но переездом займемся после нашего возвращения из Америки. А пока можешь жить в комнате Уайетта, только привези свой телик.

Старый телевизор Гранта приказал долго жить и был выброшен за окно.

— Прекрасно, — согласилась я.

Мне очень понравилась идея переехать в дом к Relation. Я с ними легко ладила. К тому же, если меня спросят, где я живу, приятно будет ответить: «С группой Relation».

Дальше Грант стал рассказывать о серьезной ссоре, которая у него с ребятами недавно произошла:

— Их бесит, когда я указываю им, что делать. Они решили, что у меня начался синдром начальника, и все объединились против меня. Дело в том, что мне платили из гонораров группы, и парней стало раздражать, что я пытаюсь ими управлять. На самом деле этим должен заниматься Роланд Джонс, но он проводит с ними слишком мало времени, поэтому его обязанности оказались на мне. Ты и сама прекрасно понимаешь, что на сцене он собраннее некуда, но в жизни — сплошной детский сад. Им просто необходим тот, кто будет следить за дисциплиной. Если бы я не верил в ребят, давно бросил бы эту неблагодарную работу. Но я верю и поэтому сделаю все, чтобы помочь им взобраться на вершину. Впрочем, теперь мы со всем разобрались: отныне и впредь моя работа оплачивается не из гонораров

группы, а из доходов Роланда Джонса. Официально я теперь его ассистент. Ну и авторитета у меня стало побольше, так что дальше все будет значительно лучше.

Меня очень впечатлили слова Гранта. Я заметила, как загорелись у него глаза, а в голосе появилась железная уверенность.

— А ты полетишь с ними в Штаты?

— Вполне вероятно, но точно я пока сказать не могу.

С одной стороны, мне не хотелось его отпускать, но с другой — я понимала, что для него гораздо лучше поехать. Он смог бы многому научиться, познакомиться с полезными людьми. К тому же американцы любят таких парней, энергичных и деловых. В туре группе необходим менеджер, который сумеет позаботиться о музыкантах. С их стороны было бы глупо лететь в Штаты без Гранта, поэтому я почти не сомневалась, что он уедет. Правда, самой мне еще предстояло свыкнуться с этой мыслью, хотя все вокруг то и дело куда-нибудь уезжали. Америка стала моим настоящим врагом в этом смысле.

Неделю спустя я переехала к Relation и даже не почувствовала никакой перемены. Довольно быстро я привыкла к жизненному укладу в новом доме. На концерты я с ребятами уже почти не ездила, кроме каких-то совсем выдающихся случаев. Когда они были в городе, Грант всегда приходил ко мне смотреть телик, а я готовила ему еду. У остальных парней не было постоянных девушек, даже отношения Билла и Венди развалились, и поэтому, когда я занималась стряпней, на крошечной кухоньке собирались все обитатели дома. Как правило, они толпились вокруг и в шутку критиковали мой подход к готовке, но стоило мне отвернуться, как парни накидывались на еду, и каждому доставался небольшой кусочек. Если честно, я была совершенно не против, хотя специально готовить на всех не собиралась, чтобы не разозлить Гранта. Моему парню это точно не понравилось бы, потому что он ревниво следил за тем, чтобы ребята держались от меня и моей комнаты подальше. Впрочем, все они довольно часто стучались ко мне, чтобы спросить о чем-нибудь или позвать покурить с ними. Я очень легко привыкла к жизни с ними.

Одной из моих забот по дому стала передача сообщений, которые оставляли разные девушки, звонившие по телефону. Я научилась разбираться в том, кому из них перезвонят, а кому — нет. Если кто-то из девчонок приходил в гости, я могла предсказать, кто появится у нас снова, а кого скоро бросят. Грант либо грубил гостьям, либо попросту игнорировал их. И хотя он продолжал бубнить про свои мечты о девчонках с большими

сиськами и в поясе с подвязками (его новый фетиш), он так и не предпринимал шагов по их поиску. Я спала с ним, когда ему хотелось. Получалось очень удобно, потому что в основном я ложилась спать в другое время. Выходя из моей комнаты, Грант либо говорил «до скорого», либо, чуть помедлив, предлагал: «Можешь прийти ко мне через полчаса» — и исчезал, не дожидаясь ответа. С Джо мы больше не сталкивались. Он с головой нырнул в интрижку с женой своего друга, благодаря чему огребал бурю негодования со стороны моего парня.

Когда Грант рано ложился спать, я захаживала вместе с остальными в клуб «The Joint», где для нас всегда был зарезервирован отличный столик. К нам постоянно кто-то подсаживался поздороваться и поболтать. Там я познакомилась с огромным количеством людей, с которыми прежде говорила только по телефону по делам клуба. Работа в «The Other Kingdom» значительно расширила мою музыкальную эрудицию, поэтому теперь я чувствовал себя уверенно почти в любой беседе, и людям явно было интересно поговорить со мной. Я уже не стеснялась подойти к разным столикам поздороваться и обсудить какие-то вещи. Когда группа была на гастролях, меня все равно звали ужинать в «The Joint», но до свиданий дело не доходило, потому что все знали: у меня роман с кем-то из Relation. Разумеется, иногда я флиртовала, но твердо отклоняла приглашения поехать в гости, что однозначно подразумевало секс. Свои новые знакомства я приберегала на будущее — мало ли что. И первое место в перечне запасных вариантов занимал клавишник из The Shadow Cabinet, по которому я по-прежнему сходила с ума.

Но я встречалась с Грантом, и мне его вполне хватало — по крайней мере, на данный момент. Мы прекрасно ладили, хотя иногда меня злило его равнодушие ко мне за пределами спальни. Я его упрекала, что ему плевать на меня, на что Грант возражал, что на самом деле ему не плевать, просто он не демонстрирует свою привязанность на людях. По его словам, на самом деле наши отношения значили для него куда больше, чем мне казалось. В его жизни случались романы с признаниями в любви, поцелуями и прогулками под ручку; подружкам такое нравилось, а его только раздражало, потому что Грант не верил в любовь напоказ. Он считал, что таким образом люди невольно заманивают друг друга в ловушку, из которой потом не могут выбраться. Ему нравилось, что со мной не надо играть в романтические игры, ведь я ценила его таким, как он есть, без прикрас.

Насколько я поняла, он намекал на ту девицу, которая писала ему те дурацкие письма. Я больше не видела, чтобы ему приходили послания от нее, да и старые письма куда-то делись.

Видимо, он окончательно избавился от своей поклонницы. Правда, после того разговора с Грантом я поняла, что ждать от него нежных слов нет никакого смысла. Если бы он снизошел до нежностей, то только в угоду мне, не испытывая таких чувств по-настоящему. А мне не хотелось неискренности. Лучше доподлинно знать о чувствах парня, чем постоянно слушать сладкую ложь.

Иногда начинала париться на эту тему, когда оставалась наедине с собой и пыталась анализировать ситуацию. Меня вечно бросало из крайности в крайность: то я радовалась свободе, которую давал мне Грант, и нашим спокойным взрослым отношениям, то начинала паниковать и мечтать о подтверждении его привязанности. А неизвестность насчет его поездки в Америку только добавляла мне неуверенности.

Я узнала обо всем в самый последний момент. За день до отъезда в доме началась кошмарная суета — все носились туда-сюда с паспортами и прививками от коклюша. Атмосфера всеобщего возбуждения не поддавалась описанию. Грант влетел в мою комнату, и я спросила, что происходит.

— Я лечу вместе с ними, — сказал он. — Не хотел тебе говорить заранее.

Меня охватило знакомое чувство паники, но я быстро с ним справилась.

— Вот и отлично, — улыбнулась я.

— Если бы я сказал раньше, ты бы только расстроилась, — оправдывался Грант.

— А теперь, по-твоему, не буду?

— Теперь у тебя не останется времени. Ты будешь слишком занята, наслаждаясь деньками, проведенными без меня. И даже не надейся, что я пропущу хоть одну девчонку, которая кинется мне на шею, поняла? — добавил он.

— Я буду скучать, — сказала я.

— А вот и нет, — уверенно возразил он. — Мы уезжаем всего на пару месяцев. И к нашему возвращению тебе надо найти нам с тобой квартиру.

Его слова меня немного успокоили, и мы принялись обсуждать наше будущее жилье — в каком районе оно должно быть и сколько мы готовы заплатить. Потом Грант выдал мне инструкции по поддержанию порядка в доме и запретил приводить гостей и устраивать вечеринки. Я помогла ему собраться, пока сам он носился по дому и раздавал всем ценные указания. Когда мы наконец остались наедине, я попросила разрешения прийти сегодня к нему. На положительный ответ я почти не надеялась, потому что мы провели вместе предыдущую

ночь. Грант задумчиво посмотрел на меня, а потом резко бросил:

— Только если ляжем прям сейчас. Мне надо хорошо выспаться.

Я забралась в постель, и мы занялись сексом — еще один «последний раз» в моей жизни. Правда, сейчас мне было не так грустно, как с Дэйви или Ларри, ведь я знала, что Грант скоро вернется и мы поселимся вместе. И даже если он снова уедет, то никуда от меня не денется, в этом я не сомневалась. Вернется один раз, вернется и второй, и третий. Пусть спит с кем угодно, но отношения у него именно со мной. Так я подумала, а потом сказала Гранту, что люблю его. Он рассмеялся и попросил обойтись без сантиментов, потому что намерен привести мне какую-нибудь венерическую болезнь в качестве сувенира.

На следующее утро он выскочил из-под одеяла и пошел будить остальных. Я лежала и слушала, как ребята собираются. Все было как обычно во время сборов на гастроли, только чуть более сумбурно. Потом все зашли ко мне попрощаться. Я пожелала им хорошего путешествия и каждому сказала несколько приятных слов. Потом Грант заглянул ко мне еще раз, теперь уже в парадном бархатном костюме и темных очках.

— Надо впечатлить этих янки, — пояснил он, подхватывая свой кейс. — Не забудь, о чем я тебе говорил, — добавил он после короткой паузы.

— Не забуду, — пообещала я. — Ну все, вам пора?

— Да. Может, я тебе напишу, но обещать не стану. Будь хорошей девочкой.

И он вышел из комнаты. Я услышала, как хлопнула входная дверь.

Глава 30

Иногда забавно сидеть одной в пустом доме и гадать, где же сейчас Relation, зная, что они играют не в ближайшем пригороде, а в далекой Америке. Не буду утверждать, что я целыми днями торчала дома в ожидании писем Гранта, но иногда у меня появлялось странное чувство, будто чего-то не хватает. Я следила за успехами Relation, читая в американских музыкальных изданиях восторженные рецензии на их выступления. Всеобщий восторг меня не удивлял: я всегда знала, что их взлет неизбежен. В одной из газет я наткнулась на новость из другой оперы — выяснилось, что Ларри, мой американский Близнец, угодил в больницу Бельвю, утверждая, что он — Боб Дилан. Он так и не ответил на то мое письмо, и теперь я поняла, в чем причина. Похоже, парень совсем слетел с катушек. Впрочем, я даже не успела его как следует узнать.

А в остальном все было спокойно: я усердно трудилась в «The Other Kingdom» и занималась другими делами. Со мной связался один промоутер из Франции и предложил поработать над подготовкой поп-фестиваля вроде того, что планировался в Риме, только поменьше масштабом и с хорошей организацией. У этих ребят хватало денег, чтобы сделать все качественно, поэтому я решила, что фестиваль станет прекрасным применением моему опыту. Иногда я ходила смотреть квартиры, но без особой спешки: мне очень хотелось наити идеальным вариант и подойти к выбору мудро. К тому же я знала, что обычно группы задерживаются на гастролях в Америке, особенно если приходятся там к месту.

Ко мне в гости часто заходила Венди. Мы принимали наркотики, а потом пытались проанализировать нашу жизнь. Венди так и не сумела внедриться в тусовку в «The Joint», и я пообещала, что свожу ее туда и познакомлю с нужными людьми. Я и сама туда продолжала заглядывать, ужинала там и оставалась на концерты, а после выступлений порхала от одного стола к другому и болтала с разными классными ребятами. Я по-прежнему не позволяла себе ничего серьезнее легкого флирта, хотя Грант был в Америке.

Мой знакомый фотограф Дэвид, который как-то снимал меня для журнала «International», забежал забросить мне копии кадров с той фотосессии. Через пару дней он собирался снимать Лизу Беллами и двух участников Jack-lin H. Event — едва ли не самой популярной современной группы, которая все еще давала живые концерты. Они только что вернулись из Штатов, где проводили

большую часть времени. Вообще в группе было трое участников: трое худых безумцев с репутацией адских бабников. Я сказала, что хорошо знаю Лизу, и попросила разрешения составить ей компанию. Дэвид согласился и предложил подобрать меня в «The Other Kingdom» по дороге на съемку.

Когда мы приехали, в студии уже была Лиза Беллами — в полупрозрачном кружевном платье до колен. Она разбрасывалась любезностями направо и налево, хотя мне не очень-то обрадовалась. Парни из группы опаздывали уже на час, и она начала серьезно волноваться. Наконец они все же появились, совершенно укуренные, и дали совершенно невнятное интервью. Потом Дэвид пригласил всех в основной зал студии, посреди которого в лучах софитов стояла роскошная кровать.

— Так, — сказал Дэвид, указывая в центр зала, — давайте-ка теперь все забирайтесь туда.

Лиза плотоядно улыбнулась и посмотрела на парней из группы. Те тихо обменялись парой фраз и не сдвинулись с места.

— Давайте, не стесняйтесь, — подбадривал Дэвид.

— А я и не стесняюсь, — заявила Лиза и тут же улеглась поверх покрывала.

Светловолосый Кит, вокалист и басист Event, аккуратно снял пестрые туфли и присоединился к Лизе, и второй парень последовал за ним, хотя разуваться не стал. Он так и остался в ботинках и длинном бархатном пальто. Лиза повернулась к нему и погладила по ноге, но парень никак не отреагировал, продолжая глядеть в потолок.

— Так, давайте, начинаем, — поторопил Дэвид, настраивая оборудование.

Лиза повернулась к Киту и поцеловала его в шею. Тот уставился на ее грудь, которая едва не вываливалась из платья, а потом закинул ногу Лизе на бедро, и они начали целоваться. Сцена выглядела довольно наигранной. Второй парень не шевельнулся; казалось, происходящее совсем его не занимало.

— А ты, Сэм? — спросил Дэвид. — Ты так и будешь лежать? Впрочем, вид довольно экзотический, мне нравится, — добавил он, уставившись в видоискатель.

Съемка продолжалась.

— Прекрасно, просто прекрасно! — кричал Дэвид. — Еще, еще немного! Не обращайте на нас внимания, нас тут нет.

Лиза забралась на Кита, и он, будучи значительно миниатюрнее ее, практически потерялся под ней.

— Дорогая, дай ему шанс оказаться в кадре, — попросил Дэвид. — Его тоже должно быть видно.

Парочка, не размыкая объятий, перекатилась ближе к Сэму,

который по-прежнему лежал неподвижно.

— Так, отлично, сейчас буду снимать. Продолжайте в том же духе.

Но не успел Дэвид нажать на кнопку фотоаппарата, как Сэм вскочил и направился к дивану, где сидела я. От удивления Лиза и Кит даже перестали обниматься.

— В чем дело? — спросил Дэвид.

— Я хочу выпить, — заявил Сэм. — Водка сойдет.

— Ладно, хорошо. Дай ему водки, и поживее, — приказал Дэвид своему помощнику.

Кит тоже встал, оставив слегка помятую Лизу на кровати в гордом одиночестве. Сэм энергично тряс головой и говорил фотографу, что не хочет продолжать съемку, и Кит его поддерживал. Через минуту Лиза присоединилась к их беседе, и они продолжили что-то тихо обсуждать. Мне не удалось разобрать, о чем шла речь, но Сэм жестко стоял на своем. Потом он допил водку и сообщил, что ему пора. Кит нацепил туфли и вышел вслед за приятелем.

— Ну отлично! — в панике воскликнула Лиза. — Как вам это нравится? Вот уж не думала, что они окажутся такими застенчивыми. Наверное, Сэм обиделся, что я уделяла все внимание Киту. Или это ты виновата, — добавила она, злобно качнув головой в мою сторону.

— А я-то тут при чем, скажи на милость, — запротестовала я.

— Ты бы удивилась, если бы узнала, что творится в голове у этих музыкантов, — буркнула Лиза, натягивая на плечи шубу.

Должна признаться, я действительно удивилась. Мне казалось, что парни без стеснения залезут на нее, но вышло совсем иначе. И оставалось только гадать, почему так получилось и что за человек этот Сэм.

Впрочем, довольно скоро я увидела Jacklin H. Event снова. На следующий вечер они в полном составе приехали в «The Joint», и их появление было сложно не заметить. Вокруг стали благоговейно перешептываться, украдкой поглядывая на них. Лидер группы Джеклин был со своей постоянной девушкой, а Сэм и Кит приехали поодиночке. С ними увязалась еще пара парней, и вся компания выглядела порядком накуренной. Шатаясь, музыканты пробрались к столику, который моментально освободили для них. Я сидела за соседним столом со знакомым промоутером и наблюдала, как они налегают на крепкий алкоголь. Управляющий клуба ненадолго подсел к ним, затем начали подходить и другие работники клуба, чтобы пожать участникам Jacklin H. Event руку, но обычные смертные приблизиться не решались.

Группа, которая выступала в тот вечер, закончила концерт. Началась стандартная суета, и к инструментам потянулись другие музыканты, чтобы сыграть общий джем. Спустя двадцать минут после начала джем-сессии на сцену поднялся сам Джеклин, и гитарист без слов уступил ему свое место. Музыка моментально затихла, и тогда подтянулись остальные участники Jacklin H. Event. Пока они настраивались, все гости клуба встали из-за столов и начали аплодировать. Jacklin сыграли почти часовой сет из одной длинной инструментальной композиции, где единственная мелодия обыгрывалась в бесконечных вариациях с разным ритмом. Главную роль в этой импровизации играла волшебная гитара Джеклина. Я не могла оторвать взгляд от напряженных лиц трио, по которым градом катился пот. Их эмоциональная музыка поглощала целиком и полностью, никого не оставляя равнодушным.

Вдруг музыканты резко оборвали игру и направились к бару. После них никто уже не осмелился подняться на сцену, поэтому диджей начал ставить пластинки. Я немного подождала и пошла за музыкантами. Они стояли своей тесной компанией, и я двинулась прямиком к Сэму.

— Привет, — сказала я, — мы виделись вчера в студии.

Он медленно качнулся на тонких ногах и уставился на меня сквозь розовые стекла очков. Взяв меня за руку, он наклонился поближе.

— Ты кто? — еле слышно спросил он.

— Я Кэти. — Мне пришлось говорить прямо в кудрявую шевелюру, потому что он придвинулся ко мне слишком близко.

Сэм отстранился и пригляделся ко мне.

— Ты милая, — пробормотал он и снова наклонился вперед.

Я думала, он хочет что-то сказать, поэтому тоже потянулась к нему, и вдруг Сэм нежно меня поцеловал.

— Ты очень милая, — сказал он и поцеловал меня еще раз.

Да он меня клеит, сообразила я и невольно возгордилась. Сэм считался главным бабником в группе, что мне особенно польстило. Ведь он мог заполучить любую девушку, просто поманив пальцем.

— Ты тоже милый, — сказала я, хотя про себя задумалась, так ли это на самом деле.

Вся остальная компания постепенно разбрелась кто куда: Джеклин с подружкой ушли ужинать в ресторан, а Кит и Дэнни, их техник, болтали с небольшой группой людей недалеко от нас. Сэм отступил от меня на шаг, не отпуская мою ладонь, наклонился и старомодно поцеловал мне руку. Потом чмокнул меня в щеку и скользнул рукой по талии и бедрам. События

развивались самым невероятным образом, и все кругом в изумлении пялились на нас.

— Мы скоро поедем, ты с нами? — спросил Сэм.

— Да, почему нет, — сказала я.

— Надо только дождаться, пока Кит и Дэнни подцепят кого-нибудь. Но они скоро подтянутся.

Да уж наверняка, подумала я. Эта мысль вернула меня с небес на землю. Звезды такого уровня приезжали с гастролей в Англию и только тем и занимались, что тусовались, ловили кайф и трахались направо и налево. Через них проходило такое количество девушек, что парни в наркотическом угаре вряд ли отличали одну от другой. Я стала очередной легкой добычей для этого ловеласа. Но можно посмотреть на ситуацию и с другой стороны: мне было очень приятно внимание Сэма, если учесть, кто он такой и в какой группе играет. Я просто подошла к нему и сразу поймала на крючок, в то время как остальные посетители клуба смотрели на меня разинув рот.

Мы выскользнули из «The Joint» с поистине королевским пафосом. Я была с Сэмом, а Дэнни сопровождали две девицы, которых он закадрил для себя и Кита. Спутницу Дэнни не радовал такой расклад, и я слышала, как она говорила своей подруге в гардеробе: «Не понимаю, почему тебе всегда достаются вокалисты? А я опять ухожу с техником». Потом они завели типично фанатские разборки насчет того, чья очередь клеиться к участникам группы, а чья — цеплять техника, чтобы дать возможность подруге познакомиться с настоящими музыкантами. Девицы даже разработали целую систему для подкатов, но мне такое не по нутру. Обе не представляли собой ничего особенного, и если бы не крутые шмотки, они вообще затерялись бы в толпе прочих фанаток. Впрочем, благодаря полупрозрачным платьицам, длинным волосам и яркому макияжу смотрелись они вполне терпимо.

В такси Сэм сидел рядом со мной и подал голос единственный раз, сообщив мне, что он совершенно упоролся. Мне пришлось смотреть, как другие две девицы целуются и обжимаются с Дэнни и Китом, и я невольно задумалась, не похожа ли на них и сама, ведь все мы группи, пусть и с разным подходом. Понимают ли они, что это всего лишь на одну ночь? Или надеются на продолжение? Да нет, им вполне достаточно одного раза. Главное — переспать с музыкантом. Глядя на их целеустремленные лица и раскованные манеры, я поняла, что девчонок совершенно не смущает их двусмысленное положение: они точно знали, зачем они здесь, тогда как я далеко не была в себе уверена.

Даже не знаю, хотелось ли мне вообще замутить с этим Сэмом. Он был настолько не в себе, что вряд ли вспомнил бы меня на следующий день. Конечно, можно расслабиться и ни о чем не думать, как эти две девицы, но зачем? Зачем отдавать ему сегодня мое тело, если завтра он меня и в лицо не узнает? Все видели, как я уехала с Сэмом, и успели оценить, что я смогла закадрить такую популярную личность. Я украдкой оглядела его. Не такой он уж и симпатичный, да еще и пьян в хлам. Похоже, даже не в силах держать глаза открытыми. Но его худоба, модный прикид и особенно его длинные кудрявые волосы производили должный эффект. И конечно, он из Event. Видимо, в сознании Сэма отложилось, что он снял красивую девчонку на ночь, и теперь, когда дело сделано, можно на время расслабиться и погрузиться в алкогольное забытье до самого дома, а там придется еще чуть-чуть напрячься, пока я не приступлю к заранее отведенной мне роли «постельной грелки».

Когда мы добрались до их жилища, я по-прежнему не решила, спать мне с ним или нет. Дома у них было просто шикарно: антиквариат, дорогая мебель и новомодная аппаратура производили неизгладимое впечатление. Мы прошли в большую гостиную, где обнаружили немолодого толстяка, дремлющего на диване. Когда мы вошли, он проснулся и вежливо кивнул, хотя к нему никто не обращался. Он встал с дивана и пошел к креслу в углу комнаты. Перед тем как снова уснуть, толстяк сделал большой глоток виски из полупустой бутылки, которую ни на секунду не выпускал из рук. Сэм вроде бы немного ожил. Оказавшись дома, он немедленно принялся поправлять коврики и убирать мусор; он даже заставил девицу Кита встать, пока взбивал подушки на диване, а когда я вытащила сигареты, немедленно подсунул мне пепельницу, предварительно вытряхнув ее в камин.

— Что с тобой? — спросила я.

— Он у нас как старая бабушка, — пояснил Кит, укладываясь головой на коленки своей девицы. Та обхватила его лицо ладонями и сосредоточила на нем все свое внимание. — А ну-ка, скрути мне косяк, — велел он ей и позвал толстяка, чтобы тот принес все необходимое.

Мужик без лишних слов передал девице полиэтиленовый пакетик с бумажками и травой, а потом так же молча вернулся в свое кресло. Я так и не поняла, кто он такой.

— Не переношу бардак, — заявил Сэм и попытался выровнять книги на полке, но упал сам.

— Но здесь и так все в идеальном порядке, — возразила я.

— Не квартира, а ночлежка, — ворчал Сэм, кое-как

поднимаясь на ноги и устраиваясь возле меня. — Терпеть не могу всю эту грязь.

У парня явно проблемы, подумала я.

Вторая девица едва успела присесть, как Дэнни утащил ее в спальню. Сэм взял меня за руку и принялся лениво целовать в губы. Внезапно он подскочил, будто вспомнил о чем-то важном, и пошел ставить музыку. Он долго возился с настройками на усилителе и жаловался, что баланс плохо отстроен.

— Да все нормально, — сказал Кит и передал мне косяк, который ему пришлось скрутить самостоятельно, потому что девица оказалась не способна на выполнение подобных задач.

Я сделала пару затяжек и протянула самокрутку Сэму. Тот нахмурился и недовольно посмотрел на меня.

— У нас так не принято, — сказал он и глубоко затянулся пару раз. — Смотри… — С этими словами он выдохнул дым и аккуратно положил косяк в золотую пепельницу, которую передал подружке Кита. — Вот так, чтобы не мусорить. Видишь?

Я кивнула. Парень в углу постоянно кашлял. После каждого приступа кашля он делал очередной большой глоток из бутылки, а в остальном никак не обозначал свое присутствие.

Затем Кит с Сэмом затеяли долгий разговор о группе, которую они недавно нашли и теперь продюсировали. Меня порадовал такой поворот: теперь я видела, что они действительно увлечены музыкой, как я и надеялась. Кит стал подпевать одной из песен, пытаясь объяснить, как, по его мнению, следовало бы записать вокал. Сэм спросил у меня, получится ли из трека, который мы слушаем, достойный сингл. Я посоветовала немного почистить аранжировку, и мы втроем начали обсуждать разные варианты. Девица Кита заскучала и, не желая ни с кем делить его внимание, принялась гладить его по бедру. Вскоре она добилась своего.

— Я иду с постель, ты со мной? — спросил ее Кит, и они тут же исчезли в спальне.

Пока мы слушали музыку, Сэм гладил меня по спине. Похоже, ему этого было вполне достаточно, и он не спешил переходить к прелюдии, да и мне пока не хотелось его обламывать, поскольку к тому моменту я уже точно решила, что не стану с ним спать. Мне даже стало интересно, как придется выкручиваться, чтобы избежать секса. Вся обстановка намекала на интимное продолжение вечера, но мне захотелось удивить Сэма, оставив без постельных развлечений. Он наверняка посчитает, что зря потратил на меня время, если вообще вспомнит и меня, и сегодняшний вечер. С другой стороны, мне все же было немного любопытно узнать, каков он в постели. Ко всему прочему, я

раньше ни разу не спала с ударником.

Ладно, решила я, так и быть: если он сумеет меня уговорить, то я останусь, но ему придется как следует постараться. Хватит с меня неловких ситуаций из-за моей доверчивости, теперь все будет по-другому. Я с удовольствием представила, как те, кто видел меня с Сэмом, начнут расспрашивать о ночи с ним, а я отвечу, что дала ему от ворот поворот. Посмотрим, как им это понравится. У всех иногда проявляется дух противоречия, вот и я собиралась доказать, что пойду далеко не с каждым: человек должен заслужить мое внимание.

Я толкнула Сэма локтем и указала подбородком в сторону толстяка:

— А это кто?

— Деннис, наш телохранитель.

— Вам он и правда нужен?

Сэм кивнул с серьезным видом:

— Ты не представляешь, что могло бы случиться, если бы Деннис за нами не приглядывал. Ему платят кучу денег, чтобы он собирал нас в кучу.

— По нему не скажешь, что он сильно занят, — съязвила я.

— Здесь далеко не всегда так спокойно, — зловеще усмехнулся Сэм.

— А если я на тебя нападу, он тебя защитит?

Сэм улыбнулся и обнял меня одной рукой:

— Да он тебя просто на части разорвет.

Я заметила, как у него в глазах начинает разгораться страсть, и рассудила, что мне пора. Поднявшись, я сообщила, что собираюсь домой. Деннис с любопытством уставился на меня, а Сэм резко вскочил и двинулся за мной в прихожую.

— Почему ты уходишь? — спросил он.

— Уже очень поздно.

Он попытался отобрать у меня пальто:

— Не надо. Останься хотя бы ненадолго.

— Не могу, — покачала я головой и решительно отняла у него пальто.

Сэм подошел вплотную и крепко поцеловал меня в губы. Мне очень понравилось, что он старается меня удержать, и я чуть не передумала, но все же нашла в себе силы оттолкнуть его, пояснив:

— Я не собираюсь с тобой спать.

— Почему же? — улыбнулся он.

— Потому что меня не так легко затащить в постель.

Сэм нахмурился:

— Тогда зачем ты вообще пошла со мной?

— Ты ведь играешь в Event.

— Это единственная причина? — Сэму настолько не понравился мой ответ, что он поджал губы.

— Пожалуй, — спокойно сказала я.

— Может, все равно останешься? — спросил он после недолгого размышления и снова попытался меня поцеловать, но я увернулась.

Если бы он действовал уговорами, у него был бы шанс, потому что я очень падка на слова и поверила бы в любую ложь. Но приставаниями такой фокус не провернешь.

— Почему ты вредничаешь? — спросил Сэм.

— Я не вредничаю. Просто хочу домой.

Сэм никак не мог врубиться и даже потряс головой, будто пытаясь уложить в ней мысли.

— Но когда ты поехала со мной, я…

— Да, я в курсе, о чем ты подумал. Но почему я обязана с тобой спать?

— Не знаю, — пожал плечами Сэм. — Я просто подумал, что так и будет.

— Кто я? — вдруг спросила я.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, как меня зовут?

— Как тебя зовут?.. — Он засмеялся, и я почти услышала, как у него мозгах заскрипели шестеренки, пока он пытался совместить мое лицо с именем. — О, я знаю, тебя зовут Кэти! — наконец выпалил он.

— А вот и нет, — соврала я. — Видишь, ты даже не можешь меня вспомнить.

У Сэма вытянулось лицо: он не сомневался, что попал в точку.

— Странно, я и правда думал, что тебя зовут Кэти…

Пусть он угадал, но все-таки не был уверен до конца. А меня больше не интересовали анонимные шашни. Я надела пальто; мы стояли друг напротив друга. Мне хотелось услышать хоть что-нибудь искреннее, настоящее, но Сэм не понимал причин моего упрямства и видел лишь неуступчивость, к которой не привык.

— Ну что ж, — сказал он, — тогда ладно.

Я видела, что он не собирается утруждаться. Всего лишь мелкая неприятность — вот как он воспринял мой отказ. Или нет? Я пошла к двери, и Сэм двинулся за мной.

— Прощай, — сказала я, шагнув на лестницу.

— Прощай, — откликнулся он. — Всего тебе хорошего! — И он тихо закрыл за мной дверь.

Спускаясь в холл, я подумала, что вряд ли мне что-нибудь с

ним светило, кроме разве что триппера. А он мне совсем ни к чему, когда впереди завоевание клавишника из The Shadow Cabinet. Вот так-то.

notes

Примечания

1

Сленговое обозначение MDMA (а также «экстази» в форме порошка). — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Псевдонимы (фр.).

3

Вильгельм Райх (1897–1957) — австрийский и американский психолог, ученик Фрейда, ратовавший за отмену репрессивной морали и половое просвещение.

4

Георгий Иванович Гурджиев (1866–1949) — российский оккультист, духовный учитель, писатель, композитор.

5

Уильям Моррис (1834–1896) — английский поэт, издатель и художник, лидер движения «Искусства и ремёсла», предтечи стиля модерн.

6

Очки в дешевой оправе, которыми детей и подростков обеспечивают бесплатно.

7

Здесь и далее упоминаются рапространенные сленговые названия разновидностей ЛСД в таблетках.

8

До начала 1970-х в Британии действовал закон, согласно которому наркоман, официально зарегистрировавшись у врача, мог получать препараты по рецепту.

9

Экспозиция 1968 года в Лондонском институте современных искусств, где были представлены компьютерная графика, электронная музыка, интерактивные экспонаты.

10

Имеется в виду король Георг VI, бывший принц Альберт.